

IL | **Индоиранские языки**
Indo-Iranian Languages

2 **1** **2026**

УДК 81.52
ББК 811.21/22
И60

Индоиранские языки. 2026. — Том 2. № 1. — 212 с.

Indo-Iranian languages. 2026. — Vol. 2. No. 1. — 212 p.

Учредитель и издатель журнала:
Институт лингвистических исследований РАН

Статьи отбираются редколлегией журнала на основе
анонимного независимого рецензирования

Материалы журнала доступны в электронном виде по ссылке:
<https://indo-iranian.org/iil/issue/archive>

Электронный адрес редколлегии журнала: editors@indo-iranian.org

Сайт: <https://indo-iranian.org>

Свидетельство Роскомнадзора ПИ № ФС 77-89248 от 17.03.2025

ISSN (печатное издание) 3034-6800
ISSN (электронное издание) 3034-6819
DOI журнала 10.30842/30346800
DOI номера 10.30842/30346800.2026.2.1

© ИЛИ РАН, 2026
© Редколлегия журнала, 2026

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

III | Индоиранские языки

Том 2. № 1

2026

Главный редактор:

А. П. Выдрин к. филол. н., ИЛИ РАН (Санкт-Петербург)

Заместители главного редактора:

О. И. Беляев к. филол. н., МГУ; ИЯз РАН (Москва)

В. А. Плунгян д. филол. н., проф., акад. РАН, ИЯз РАН (Москва)

Секретарь редакции и отдела рецензий:

Ю. В. Мазурова к. филол. н., ИЯз РАН (Москва)

Редакторы:

А. О. Бадеев ИЯз РАН; НИУ ВШЭ (Москва)

Ю. Ю. Макаров Кембриджский университет (Великобритания);
ИЯз РАН (Москва)

А. Д. Подгорная ИЯз РАН (Москва)

Редакционный совет:

А. Абби PhD, проф., Университет Джавахарлала Неру
(Дели, Индия)

М. Дабир-Мукаддам PhD, проф., Университет имени Алламе Табатабаи;
Академия персидского языка и литературы
(Тегеран, Иран)

Ю. А. Дзицойты к. филол. н., Юго-Осетинский государственный
университет им. А. А. Тибилова; Юго-Осетинский НИИ
им. З. Вансеева (Цхинвал, Южная Осетия)

Л. Р. Додыхудоева к. филол. н., ИЯз РАН (Москва)

Б. А. Захарьин д. филол. н., проф., МГУ (Москва)

В. Б. Иванов д. филол. н., проф., МГУ (Москва)

Н. Н. Казанский д. филол. н., проф., акад. РАН, ИЛИ РАН
(Санкт-Петербург)

А. И. Коган д. филол. н., Институт востоковедения РАН (Москва)

А. Корн PhD, Национальный центр научных исследований
(Париж, Франция)

Л. И. Куликов к. филол. н., Гентский университет; Католический
университет Лувена (Бельгия)

П. Б. Лурье к. филол. н., Государственный Эрмитаж
(Санкт-Петербург)

И. Хегедюш Dr. habil., проф., Печский университет (Венгрия)

Л. В. Хохлова к. филол. н., МГУ (Москва)

Т. И. Оранская проф., Институт восточных рукописей РАН
(Санкт-Петербург)

А. В. Росси проф., Университет Востока (Неаполь, Италия);
Международная ассоциация исследований
Средиземноморья и Востока (Рим, Италия)

М. Й. Кюммель Dr. habil., проф., Йенский университет имени Фридриха
Шиллера (Германия)

Д. И. Эдельман д. филол. н., проф., ИЯз РАН (Москва)

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for Linguistic Studies

III | Indo-Iranian Languages

Volume 2. No. 1

2026

Editor-in-chief:

Arseniy P. VYDRIN

Institute for Linguistic Studies,
Russian Academy of Sciences

Deputy editors:

Oleg BELYAEV

Lomonosov Moscow State University; Institute
of Linguistics, Russian Academy of Sciences
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Vladimir A. PLUNGAN

Managing & review editor:

Julia V. MAZUROVA

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Associate editors:

Artyom O. BADEEV

Institute of Linguistics, Russian Academy
of Sciences; HSE University

Yury MAKAROV

University of Cambridge; Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences

Anastasia D. PODGORNAYA

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Editorial Board:

Anvita ABBI

Jawaharlal Nehru University

Mohammad DABIR-MOGHADDAM

Allameh Tabataba'i University;

Academy of Persian Language and Literature

Yury A. DZITSTSOITY

A. A. Tibilov South Ossetian State University;

Z. Vaneev South Ossetian Research Institute

Leili R. DODYKHUOEVA

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Boris A. ZAKHARYIN

Lomonosov Moscow State University

Vladimir B. IVANOV

Lomonosov Moscow State University

Nikolai N. KAZANSKY

Institute for Linguistic Studies,
Russian Academy of Sciences

Anton I. KOGAN

Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences

Agnes KORN

Centre national de la recherche scientifique

Leonid KULIKOV

Ghent University; Université catholique de Louvain

Pavel B. LURJE

The State Hermitage Museum

Irén HEGEDŰS

University of Pécs

Liudmila V. KHOKHLOVA

Lomonosov Moscow State University

Tatiana I. ORANSKAIA

Institute of Oriental Manuscripts,
Russian Academy of Sciences

Adriano V. ROSSI

Università degli Studi di Napoli "L'Orientale";
Associazione Internazionale di Studi
sul Mediterraneo e l'Oriente

Martin J. KÜMMEL

Friedrich-Schiller-Universität Jena

Joy I. EDELMAN

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Содержание

Ю. В. Мазурова, А. П. Выдрин. Предисловие	9
Julia V. Mazurova, Arseniy P. Vydrin. Preface	12
Ayesha Kidwai. A short history of the official counting of India's languages (1901–2011)	15
Mehrdad Naghzhguy-Kohan. Similitive plurals in Western Iranian languages	49
Maksim G. Melenchenko. What we do in the shadows of the pear tree: Tense switching in Shughni Pear Stories . . .	74
В. Т. Дзахова. Реализация звонких смычных в современном осетинском языке	100
Д. Б. Буянер. Этимология некоторых индоиранских культурных терминов и теория индоиранского субстрата. I. Индоир. <i>*Hišti-/ *Hišta-</i> ‘кирпич’	129
Ю. А. Дзиццойты. К вопросу о диалектном членении скифского языка	167

Рецензии

Roohollah Mofidi. [Review of:] <i>Mohammad Dabir-Moghaddam.</i> <i>Typology of Iranian languages.</i> 2 nd edn. Tehran: SAMT, 2023	198
--	-----

Contents

Julia V. Mazurova, Arseniy P. Vydrin. Preface [in Russian] . . .	9
Julia V. Mazurova, Arseniy P. Vydrin. Preface	12
Ayesha Kidwai. A short history of the official counting of India's languages (1901–2011)	15
Mehrdad Naghzhguy-Kohan. Similitive plurals in Western Iranian languages	49
Maksim G. Melenchenko. What we do in the shadows of the pear tree: Tense switching in Shughni Pear Stories . . .	74
Veronika T. Dzakhova. Realization of voiced plosives in modern Ossetic	100
David B. Buyaner. Etymology of some Indo-Iranian cultural terms and the Indo-Iranian substratum theory. I. Indo-Iranian <i>*Hišti-/ *Hišta-</i> ‘brick’	129
Yuriy A. Dzitsitsoity. On the dialectal division of Scythian	167

Reviews

Roohollah Mofidi. [Review of:] <i>Mohammad Dabir-Moghaddam. Typology of Iranian languages.</i> 2 nd edn. Tehran: SAMT, 2023	198
---	-----

Предисловие

В декабре 2024 г. в Москве прошло масштабное международное мероприятие — Первый Евразийский конгресс лингвистов (<https://eacling.org/>). Конгресс был организован по инициативе Института языкознания Российской академии наук при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и прошел в рамках празднования 300-летия Российской академии наук. Основные направления современной лингвистики были представлены в 18 секциях конгресса, из них 11 секций было посвящено конкретным языкам или группам языков. Наибольшее внимание было уделено языкам Евразии, в том числе иранским, которым была посвящена отдельная секция (организаторы — О. И. Беляев и А. П. Выдрин). Материалы наиболее значимых докладов этой секции, а также пленарный доклад А. Кидваи (Университет Джавахарлала Неру, Нью-Дели, Индия) составили основу выпусков «Индоиранских языков» 2026 г.: первая часть статей опубликована в этом номере журнала, а вторая выйдет в следующем.

Настоящий номер открывает статья А. Кидваи «A short history of the official counting of India's languages (1901–2011)». В ней сравниваются способы подсчета языков, которые применялись в Индии за последние 100 лет, и анализируется само понятие «родного языка», лежащее в основе разных переписей. Утверждается, что методология переписей, проведенных после 1971 г., не позволяет выявить реальное языковое разнообразие Индии, в то время как предыдущие переписи, напротив, более адекватно отражали языковую ситуацию, несмотря на то что они проводились в колониальный период истории страны.

Типологическое исследование симулятивного множественного числа в западных иранских языках представлено в статье иранского ученого М. Нагзгуй-Кохана «Similative plurals in Western Iranian Languages». Автор выделяет четыре основных стратегии выражения симулятивного множественного числа: 1) эхо-редупликация; 2) сис-

тема с дополнительной дистрибуцией эхо-редупликации и суффиксации; 3) расширение функций показателя множественного числа *-hā*; 4) конструкции с лексемой ‘вещь’.

Особенностям употребления времен в шугнанских нарративах посвящена работа М. Г. Меленченко «What we do in the shadows of the pear tree: Tense switching in Shughni Pear Stories». В статье рассматриваются стратегии употребления времен в эксперименте с носителями шугнанского языка, которые описывали события классического стимульного материала — короткого «Фильма о грушах», созданного Уоллесом Чейфом в 1970-х гг.

В статье В. Т. Дзаховой «Реализация звонких смычных в современном осетинском языке» представлены результаты инструментального исследования отдельных согласных иронского диалекта осетинского языка. Анализ произнесений слов в программе Praat позволил установить, каким позиционным и комбинаторным изменениям подвержены осетинские звонкие смычные согласные. Автор показывает, что в конечной позиции согласные, обозначаемые на письме буквами *д* и *г*, реализуются как глухие /t/ и /k/ соответственно, а согласный *б* в этой позиции не встречается.

Две статьи настоящего номера посвящены диахроническому исследованию иранских языков — в них представлен новый взгляд на ряд проблемных вопросов современной иранистики. Д. Б. Буянер в статье «Этимология некоторых индоиранских культурных терминов и теория индоиранского субстрата. I. Индоир. **Hišti-/ *Hišta-* ‘кирпич’» критически рассматривает теорию индоиранского субстрата носителей культуры Бактрийско-Маргианского археологического комплекса, показывая, что слова, привлекающиеся последователями этой теории в качестве ключевого свидетельства субстратного влияния на лексику праиндоиранского языка, имеют в основном надежные индоевропейские этимологии. В статье подробно обсуждается слово со значением ‘кирпич’, для которого постулируется индоевропейский прототип, отвечающий как семантическим, так и формальным этимологическим критериям. Ю. А. Дзищойты («К вопросу о диалектном членении скифского языка») обсуждает вопрос о различении как минимум двух диалектов в скифском языке. В статье показана ошибочность тенденции распространять отдельные фонетические явления, характерные для одного из диалектов, на скифский язык в целом.

Завершает выпуск весьма подробная рецензия Р. Мофиди на изданную в Тегеране на персидском языке монографию М. Дабира-Мукаддама «Типология иранских языков». Рецензия позволяет ознакомиться с основным содержанием этого фундаментального труда, в котором к иранским языкам применяются современные типологические методы. Наблюдения автора представляют собой ценность не только для иранских языков, но и для лингвистической типологии в целом. В работе также анализируются диахронические изменения отдельных явлений в иранских языках.

Тематика статей журнала «Индоиранские языки» в выпусках 2026 г. отличается высоким уровнем разнообразия как по кругу затронутых тем, так и по выбору языков. Охвачены западная и восточная подгруппа иранских языков, при этом представлены разные направления современных лингвистических исследований: сравнительно-историческое языкознание, теория грамматикализации, синхронное типологически ориентированное описание, акустический анализ фонетических данных, а также социолингвистическое исследование языков Индии.

Ю. В. Мазурова, А. П. Выдрин

DOI: 10.30842/30346800.2026.2.1.1

Preface

In December 2024, Moscow hosted a major international event — the First Eurasian Congress of Linguists, EACL-1 (<https://eacling.org/>). The Congress was organized on the initiative of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences with support from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation as part of the events to mark the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences. A total of 18 sections presented the major avenues of contemporary linguistics. Among them, 11 were dedicated to specific languages or language families. A special focus was on languages of Eurasia, where Iranian languages were featured in a separate section organized by Oleg I. Belyaev and Arseniy P. Vydrin. The most significant reports of this section and the plenary lecture by Ayesha Kidwai (Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India) form the basis of the 2026 issues of *Indo-Iranian Languages*. Some of the articles are published in present issue, while the remainder will appear in the next issue.

Opening this issue is “A short history of the official counting of India’s languages (1901–2011)” by Ayesha Kidwai who compares the methods used for counting languages in India over the past 100 years and analyzes the ‘mother tongue’ concept underlying the different censuses. She argues that the methodology behind the censuses after 1971 fails to reflect the actual linguistic diversity of India, whereas the earlier censuses, though conducted during the colonial period, provided a more adequate picture of the linguistic situation.

Mehrdad Naghzhugy-Kohan’s typological study “Simulative plurals in Western Iranian Languages” identifies four main simulative plural strategies: 1) echo-reduplication; 2) complementary distribution of echo-reduplication and suffixation; 3) extension of the functions of the plural marker *-hâ*; and 4) constructions with the lexeme ‘thing’.

The work by Maksim G. Melenchenko, “What we do in the shadows of the pear tree: Tense switching in Shughni Pear Stories” describes tense

usage peculiarities in Shughni narratives. The data are based on an experiment involving Shughni speakers. Participants were asked to describe the events depicted in the classic “Pear Stories”, a short stimulus video developed by Wallace Chafe in the 1970s.

Veronika T. Dzakhova’s article, “Realization of voiced plosives in modern Ossetic”, presents the results of an instrumental study of certain consonants in the Iron dialect of Ossetic. Her data show which positional and combinatory changes affect Ossetic voiced plosives. The author argues that in the final position, consonants represented in writing by the letters *ð* and *z* are realized as voiceless /t/ and /k/ respectively, while the consonant *ō* does not occur in this position.

Two articles in this issue deal with diachronic research in Iranian languages, offering a new perspective on a range of contentious issues in modern Iranian studies. In his article “Etymology of some Indo-Iranian cultural terms and the Indo-Iranian substratum theory. I. Indo-Iranian **Hišti*-/ **Hišta*- ‘brick’”, David B. Buyaner critically examines the theory of an Indo-Iranian substrate originating from speakers of the Bactria–Margiana Archaeological Complex. He demonstrates that the words cited by proponents of this theory as key evidence for substrate influence on the Proto-Indo-Iranian lexicon mostly have reliable Indo-European etymologies. The article discusses the word ‘brick’, for which an Indo-European prototype meeting both semantic and formal etymological criteria is posited. Yuriy A. Dzitsoity (“On the dialectal division of Scythian”) argues that at least two dialects can be distinguished within the Scythian language. The article demonstrates the fallacy of the tendency to generalize specific phonetic phenomena characteristic of one dialect to the Scythian language as a whole.

A detailed review by Roohollah Mofidi of the monograph “Typology of Iranian Languages” by Mohammad Dabir-Moghaddam, published in Tehran in Persian, concludes the issue. The review provides insights into the main content of this fundamental work in which modern typological methods are applied to Iranian languages. The results contribute to both specific research in Iranian languages and general theoretical issues of the linguistic typology. The author also dwells on some diachronic changes attested for Iranian languages.

The 2026 issues of *Indo-Iranian Languages* offer a high level of diversity in terms of both the topics covered and the languages selected. While

addressing both the Western and Eastern subgroups of Iranian languages they cover varying paths of modern linguistic research including diachronic linguistics, grammaticalization theory, synchronic typologically based description, acoustic analysis of phonetic data and sociolinguistic research based on the languages of India.

Julia V. Mazurova, Arseniy P. Vydrin

DOI: 10.30842/30346800.2026.2.1.2

A short history of the official counting of India's languages (1901–2011)

Ayesha Kidwai

Jawaharlal Nehru University (New Delhi, India); ayesha@jnu.ac.in;
ORCID: 0009-0009-7527-3285

Abstract. This study investigates the persistent ambiguity surrounding the count of mother tongues in postcolonial India by tracing a century of enumeration history. It argues that the post-1971 Census shifted from identifying distinct languages to utilising “language labels”, a methodology that obscures rather than illuminates linguistic diversity. Deviating from the common perception that this practice is a colonial holdover, the paper demonstrates that the Linguistic Survey of India era censuses were actually more attuned to the country's pluralistic reality. Instead, the current impulse toward minimising is identified as a strategic instrumentalisation of Constitutional provisions.

Keywords: Linguistic Survey of India, Census Language Tables, decoloniality, India's linguistic diversity, Hindi

Acknowledgements. This article has benefited from extensive discussion with R. Karthick Narayanan, and the comments of an anonymous reviewer.

For citation: Kidwai A. A short history of the official counting of India's languages (1901–2011). *Indo-Iranian Languages*. 2026. 2 (1). P. 15–48.

DOI: 10.30842/30346800.2026.2.1.3

Краткая история официальной переписи языков Индии (1901–2011)

Айеша Кидваи

Университет Джавахарлала Неру (Нью-Дели, Индия);
ayesha@jnu.ac.in; ORCID: 0009-0009-7527-3285

Аннотация. В статье прослеживается, как неоднозначность, присущая подсчету родных языков в постколониальной Индии, отражается в вековой истории переписей. Утверждается, что в переписях, проведенных после 1971 г., наблюдается переход от выявления отдельных языков к использованию «языковых ярлыков», и такая методология затемняет, а не проясняет языковое разнообразие. В противоположность распространенному мнению, что такая практика является колониальным наследием, в статье показано, что переписи, выполненные в период создания Linguistic Survey of India (1894–1928), лучше отражали многоязыковую реальность страны. Напротив, современную ориентацию к минимизации можно связать с манипулированием конституционными положениями.

Ключевые слова: Лингвистический обзор Индии, учет языков в переписи, деколониальность, языковое разнообразие Индии, хинди

Благодарности. Автор выражает благодарность Р. Картику Нараянану за обстоятельное обсуждение статьи, а также анонимному рецензенту за ценные комментарии.

Для цитирования: Kidwai A. A short history of the official counting of India's languages (1901–2011). *Indo-Iranian Languages*. 2026. 2(1). P. 15–48.

DOI: 10.30842/30346800.2026.2.1.3

1. Introduction

One of the enduring mysteries in postcolonial India is the actual number of languages that are spoken in the country at this point in time. While “Ethnologue” lists India as being home to 435 languages, the “People’s Linguistic Survey of India” (2010–present) (henceforth, PLSI) claims to have documented over 780 languages thus far; but the Census of India 2011 (henceforth, Census), the sole official record of languages, registers 121 languages. These three widely differing figures are driven

by considerably varying methodologies, which are in fact not obviously reconcilable with each other.

A look at the summary tables of how the three surveys present their data reveals this difference. Ethnologue names each ‘indigenous’ language by a unique code and summarises its count by linguistic genealogy, relying on the figures of the Census to determine the population of speakers, see Table 1. Since it is based on a literal head-count of the Indian population, it produces fresh estimates of the numbers of speakers every decade or so.¹

Table 1. Ethnologue’s language count by family

Language family	Number of languages
Sino-Tibetan	149
Indo-European	141
Dravidian	84
Austro-Asiatic	32
Andamanese	14
Kra-Dai	5
Creole	4
Sign Language	2
Language Isolate	1
Mixed Language	1
Pidgin	1
Unclassified	1
Total	435

The PLSI differs from the others in several respects, as it is not intended to be an “exhaustive survey of each and every language in existence in India”² or a substitute, repeat, or sequel to the Census and the colonial Linguistic Survey of India (1896–1928; henceforth, LSI). As its goals are, generally stated, to build networks between diverse language communities and to foster a rights-based advocacy on matters of language, it does not

¹ <https://www.ethnologue.com/country/IN/> (retrieved on 10.10.2025).

² <https://www.bhasharesearch.org/plsi/language-archive> (retrieved on 10.10.2025).

actually list or classify the languages it does study by any other metric than provinces. Nevertheless, a four-fold classification can be inferred from the manner in which the archive is proposed to be organised into, as shown in Table 2. This classification is not linguistic or genealogically determined, but rather uses an admixture of sociological (*adivasi*, i.e. tribal) and Census (Scheduled vs. Non-Scheduled) categories with a purely function-based category of ‘code’ language thrown in. The few entries that have been uploaded on the website so far contain a mix of linguistic, historical, and cultural information, with references both to the Census (particularly for speaker strength) and the LSI as its source.

Table 2. The PLSI language classification

PLSI	Number of languages
Languages of Adivasis	32
Scheduled Languages	30
Non-Scheduled Languages	–
Code Languages	1

The Census, on the other hand, offers two classifications in its chapter on languages, and then groups them in terms of their inclusion in the Eighth Schedule of the Indian Constitution (Table 3). It then presents various statements examining the distribution of population for these two groups of languages by different parameters, and closes with a genealogical classification of the languages of the two groups (Table 4). This is in contrast to the LSI’s counts, which follows only a genealogical grouping (Table 5).

Table 3. The Census’s language count (2011)

Census year 2011	Number of languages
Scheduled Languages	22
Non-Scheduled Languages	99 + others
Total	121 (+ others)

Table 4. The Census's language count by family (2011)

Language family		Number of languages
Indo-European	Indo-Aryan	21
	Iranian	1
	Germanic	1
Dravidian		17
Austro-Asiatic		14
Tibeto-Burman		66
Semitic-Hamitic		1
Total		121

Table 5. LSI's language/dialect count by family for India

Language family	Number of languages/dialects
Austro-Asiatic	45
Tibeto-Burman	344
Dravidian	45
Indo-Aryan	289
Unclassified	20
Total	743³

In fact, the enumerations in the Census Reports have never yielded the same number of languages/dialects ever postulated by the LSI (Table 5), even in 1901–1921 (Table 6), when Grierson was still loosely associated with the Census operations.⁴

Table 6. India languages in the Census 1901–1921

Census year	Number of languages
1901	147
1911	220
1921	222

³ This figure is approximate as the LSI covered undivided India.

⁴ The Census counts in Table 6 are inclusive of foreign languages spoken within the territory of India.

In this paper, I present a short history of the methodology of the Census regarding the treatment of ‘mother tongue’ language returns, in order to make the general point that the post-1971 period represents a trend similar to the methodologies of the early colonial censuses. My main argument runs as follows: The methodology of the Census in evaluating language returns does not, whatever be the allusions it makes, have anything to do with the LSI or the 20th-century colonial censuses. I will argue that the treatment of language returns in postcolonial India has had very little to do with the LSI, barring the efforts in the 1961 Census, where the Census Commissioners and officials sought to take a decolonial approach to the question of language returns. I suggest that the Census’s reference to the LSI must be seen as merely a superficial appropriation of some features of an LSI-inspired Census in order to advance an agenda that minimises and undercounts India’s minority languages and ‘promotes’ Hindi and the other 21 scheduled languages.

To this end, the paper is structured as follows. Section 2 traces the Census’s methodology in the postcolonial period 1971–2011 and shows that the Census can be argued to trace the colonial roots of many of its processes to the 1881 and 1891 Censuses. Section 3 discusses the 1901 Census report on language and the LSI framework that underlay it. Section 4 turns its attention to the Census in 1961 and describes how its critical engagement with the LSI signalled a period of decolonial thought in measuring India’s linguistic diversity. Section 5 concludes the essay with a discussion of the political developments that ensured a decolonial Census could not be maintained.

2. The Census (1971–2011) methodology in comparison with early colonial censuses (1881–1891)

For the discussion in this section, I will lay out the process observed in the Census 2011 in the treatment of language returns and record the similarities from the previous postcolonial censuses in comparison, making the connections to the 1881 and 1891 censuses where relevant.

2.1. Enumeration

The beginning of any census exercise requires a definition of the return to be elicited by the enumerators. The Census 2011 does not elicit the names

of ‘languages’ directly, instead using the notion of ‘mother tongue’ (MT) as defined in the Indian Constitution in Art. 350A.⁵ The prefatory note to the paper on Language defines ‘mother tongue’ [Census 2011: 3] as follows:

Mother tongue is the language spoken in childhood by the person’s mother to the person. If the mother died in infancy, the language mainly spoken in the person’s home in childhood will be the mother tongue. In the case of infants and deaf mutes, the language usually spoken by the mother should be recorded. In case of doubt, the language mainly spoken in the household may be recorded.

This definition of MT has remained constant since 1971, and is at least partly an inheritance from the colonial censuses of 1931 and 1941, which instructed enumerators to record a child’s first language. The source of this, what Tiery [2024] calls the ‘primordialist’ definition of the unit of enumeration, is most likely the 1881 and 1891 censuses, which were defined characterising ‘language’ as ‘spoken by the individual from the cradle’, and as ‘spoken in childhood by the person’s mother to the person’, respectively. This definition was used again in the 1941 and 1951 censuses as well. Only in the 1901, 1911, 1921, and 1961 censuses was “mother-tongue” not defined literally as the respondent’s mother’s language.

In addition, enumerators were instructed to record the MT in full as stated, and to desist from linking it to the respondents’ religion or ethnicity. In case the enumerator has grounds to suspect the truth of the MT, (s)he is instructed to nevertheless record the return given and follow it up with a supervisory report to their supervising officer for verification. These instructions are intended not only to minimise enumerator bias and the politicisation of the Census process, but also to collect data in a manner that is amenable to post-enumeration rationalisation, which we discuss in the next section.

2.2. Rationalisation

In the Census 2011, raw returns are subjected to a process of “thorough linguistic scrutiny, edit, and rationalisation” [Census 2011: 4]. These pro-

⁵ 350A provides for instruction in the mother tongue at the primary stage of education to children belonging to linguistic minority groups. This provision was not part of the Constitution of India, 1950, and was inserted by the Constitution (Seventh Amendment) Act, 1956.

cesses, the Census states, are necessary because “mother-tongues as returned in the census are basically the designations provided by the respondents of the linguistic mediums in which the respondents think they communicate; they need not be identical with the actual linguistic mediums” [Ibid.]. For the 2011 Census, a total of 19,569 raw returns were received.

Although Census 2011 does not make its detailed criteria explicit in any of the documents it has made public since 1971, the Language Census Data website⁶ provides us with a reasonable impression of the steps that follow immediately post-enumeration:

- Editing involves standardisation of spellings in the return and correction of spelling and other language errors.
- Rationalisation involves the elimination of spurious returns.

In Census 2011, the total number of rationalised mother tongues was 2,843, i.e. 14.53 % of the original raw returns.

The institution of this step of rationalisation has been an important one, as the colonial Census overall was dogged by this problem of spurious returns. For example, the 1891 Census notes in dismay [Census 1891: 130]:

[T]he first impulse, in many cases, is to return the name of the caste as that of the language. For example, the potter gives “potterish”, the tanner “tannerish” or the weaver “weaverish” as his mother tongue, especially if he be either a member of a large caste or a stranger to the locality where he is being enumerated. In other instances, the name of the District or State will be returned. [...] [But] [...] there are cases, too, where the tribal designation indicates a real distinction. But a further difficulty arises when the name mentioned happens to be not in accordance with the enumerator’s notion of what is fit, or where official views on matters philologic may not have filtered down to him. In that way a good deal of valuable information may have been lost in the course of the census; as where, for instance, a general term, such as Hindi, was substituted for some name locally recognised.

This process of scrutiny and rationalisation was introduced since the 1961 Census. All names that turn out to be cases of misreporting, caste names, place names, names of religious faiths, motivated names, etc. are weeded out at this stage.

⁶ <https://language.census.gov.in/showHomePage> (accessed on 10.10.2025).

All these measures notwithstanding, it is therefore somewhat surprising that the number of raw returns has only been increasing in every Census since 1971; as Table 7 shows, the number of rationalised MTs has fluctuated widely.

Table 7. Rationalised MTs Census Language Reports

Census year	Raw returns	Rationalised MTs
1971	3,000	–
1981	<3,000	–
1991	10,400	3,372 (32.4 %)
2001	6,661	3,592 (53.9 %)
2011	19,569	2,843 (14.5 %)

It is impossible to ascertain in particular as to why the list of rationalised MTs does not stay within approximately the same range in every Census, especially if the information in either the LSI or the 1931 Census, both of which published classified lists of language names, is used as a basis for the rationalisation.

2.3. Classification

The process of classification is then applied to rationalised mother tongues. It involves the “arrangement of speeches into coherent typological systems so that broad language areas could be delimited and each speech form could be appropriated to the place it belongs in the system on the basis of comparability of its linguistic features.”⁷ Effectively, this statement signifies that first, the rationalised MT returns are classified into language families and subgroups that were proposed by the LSI [Grierson 1927], and possibly also subsequent Censuses. Census 2011 was found to contain only 1,369 classified MTs, i.e. just 7 % of the raw MT returns and approximately 48 % of rationalised MTs.

⁷ <https://language.census.gov.in/showConceptsDefinitions> (accessed on 10.10.2025).

The remainder of the 2,843 non-spurious MT returns, i.e. 1,474 rationalised MTs, are considered to be ‘unclassified’ languages. These unclassified languages are not subjected to any further processes and are reported under ‘Others’ in the language tables. In the 2011 Census, this means that the non-spurious MT returns of 1,875,542 Indians are presented in the Census reports as not having language names that the state recognises.

The second step of classification is also a step of a further elision of language names, as the Census, since 1991, chooses not to name those classified MTs that have less than 10,000 speakers. These, too, are listed as undifferentiated ‘Others’. As Karthick Narayanan [2025: 9] points out, this means that in the Census 2011, both types of ‘Others’ languages appear to total 1,099 classified MTs, i.e. over 80 % of classified MTs, as the Census publication [Census 2011] states that 270 classified MTs have been identified at the All-India level.⁸

The third and final step of classification maintains the language names and returns of the 270 MTs that have survived thus far, but with the additional step of using selected language names as labels, rather than signifying an actual MT. For example, consider the first page of the ‘Abstract of Speaker Strength of Languages and Mother Tongues-2011’ [Census 2011: 6].⁹

The items in bold in Figure 1 are the use of language names as, what I call, ‘language labels’. While there are languages like Assamese and Dogri that have no other classified MT from the 1,369 classified MTs, there are also language labels like Hindi, which have 56 classified MTs grouped under it. In all cases, the ‘Others’ category contained under individual language labels signifies classified MTs which are spoken by less than 10,000 speakers.

The Census documents are exceedingly vague about how such decisions for classification are made. Although reference is made to the LSI, and the Census held during the pendency of the LSI, are as providing some sort of foundation for this classification, this is an untruth on several levels.

⁸ The Language Census Data website, however, cites 373 languages as being excluded by the 10,000 speakers strength benchmark. For the purposes of the description in this paper, I rely on the official Census papers, but this confusion is informative insofar as it indicates that the published figures and the data contained on the Language Census data website do not always agree.

⁹ There is another ‘Others’ section, which records the numbers of unclassified MTs and is listed independently, on par with language labels.

PART-A LANGUAGES SPECIFIED IN THE EIGHTH SCHEDULE (SCHEDULED LANGUAGES)			
Name of Language & mother tongue(s) grouped under each language	Number of persons who returned the language (and the mother tongues grouped under each) as their mother tongue)	Name of Language & mother tongue(s) grouped under each language	Number of persons who returned the language (and the mother tongues grouped under each) as their mother tongue)
1	2	1	2
1 ASSAMESE	1,53,11,351	Gawari	19,062
Assamese	1,48,16,414	Gojri/Gujjari/Gujar	12,27,901
Others	4,94,937	Handuri	47,803
2 BENGALI	9,72,37,669	Hara/Harauti	29,44,356
Bengali	9,61,77,835	Haryanvi	98,06,519
Chakma	2,28,281	Hindi	32,22,30,097
Hajjong/Hajong	71,792	Jaunpuri/Jaunsari	1,36,779
Rajbangsi	4,75,861	Kangri	11,17,342
Others	2,83,900	Khari Boli	50,195
3 BODO	14,82,929	Khortha/Khottha	80,38,735
Bodo	14,54,547	Kulvi	1,96,295
Kachari	15,984	Kumauni	20,81,057
Mech/Mechhia	11,546	Kurmali Thar	3,11,175
Others	852	Lamani/Lambadi/Labani	32,76,548
4 DOGRI	25,96,767	Laria	89,876
Dogri	25,96,763	Lodhi	1,39,180
Others	4	Magadhi/Magahi	1,27,06,825
5 GUJARATI	5,54,92,554	Malvi	52,12,617
Gujarati	5,50,36,204	Mandeali	6,22,590
Gujrao/Gujrau	15,431	Marwari	78,31,749
Pattani	16,510	Mewari	42,12,262
Ponchi	13,812	Mewati	8,56,643
Saurashtra/Saurashtri	2,47,702	Nagpuria	7,63,014
Others	1,62,895	Nimadi	23,09,265
6 HINDI	52,83,47,193	Padari	17,279
Awadhi	38,50,906	Pahari	32,53,889
Baghati/Baghati Pahari	15,835	Palmuha	23,579
Bagheli/Baghel Khandi	26,79,129	Panch Pargania	2,44,914
Bagri Rajasthani	2,34,227	Pando/Pandwani	15,595
Banjari	15,81,271	Pangwali	18,668
Bhadrawahi	98,806	Pawari/Powari	3,25,772
Bhagoria	20,924	Puran/Puran Bhasha	12,375
Bharmauri/Gaddi	1,81,069	Rajasthani	2,58,06,344
Bhojpuri	5,05,79,447	Sadan/Sadri	43,45,677
Bishnoi	12,079	Sirmauri	1,07,401
Brajbhasha	15,56,314	Sondwari	2,29,788
Bundeli/Bundel khandi	56,26,356	Sugali	1,70,987
Chambeli/Chamrali	1,25,746	Surgujia	17,38,256
Chhattisgarhi	1,62,45,190	Surjapuri	22,56,228
Churahi	75,552	Others	1,67,11,170
Dhundhari	14,76,446	7 KANNADA	4,37,06,512
Garhwali	24,82,089	Badaga	1,33,550
		Kannada	4,35,06,272
		Kuruba/Kurumba	24,189
		Prakriha/Prakriha Bhasha	12,257
		Others	30,244

Fig. 1. Languages grouped under Hindi by Census 2011

First of all, the number of MTs in none of the Censuses since 1971 corresponds to the number of language varieties that the LSI identified: a total of 743 languages, from which 179 ‘languages’ and 544 ‘dialects’ were identifiable. Assuming that the Censuses 1971–2011 also follow the Census

1961 decision to abandon the colonial distinction of language vs. dialect (see Section 3), the fact is that the closest we have ever got to 723 MTs is in Census 2011, and even that is off by about 500 languages.¹⁰ As Table 8 shows, the MT-identification rate of the Census has never crossed 20 % of even the classified MTs!

Table 8. India languages in the Census General Reports

Census year	Number of classified MTs	Number of MTs > 10,000 speakers
1971	—	—
1981	—	106
1991	1576	216 (13.7 % of classified MTs)
2001	1635	234 (14.3 % of classified MTs)
2011	1369	270 (19.7 % of classified MTs)

Second, the LSI did not ever make a classification that puts all the 56 varieties listed under the language label ‘Hindi’ as being included in the same sub-group or branch. For example, Awadhi and Bagheli are to be found in the Eastern Hindi subgroup of the Central sub-branch of Grierson’s classification of the Indo-Aryan subfamily, but Braj and Hindi are in the Western Hindi sub-group. Bhojpuri is classified as an outer-branch Eastern Indo-Aryan language, and all the Pahari languages in the list are part of the outer North-Western branch of Indo-Aryan, as is Gojri. No linguistic justification is given for this classification by the Census, and it is exceedingly difficult to take as principled in any way.

Moreover, the classification of various MTs under the language label of Hindi has not remained constant either. As Table 9 records, the language label ‘Hindi’ has had varying different numbers of MTs grouped under it.

¹⁰ Quite a different picture emerges, however, if we include the othered languages into the MT count, using the formula [Classified MTs] — [No. of MTs > 10,000 speakers]. Then, Census 1981 isolates 1,360 MTs, Census 1991 1,401 and 1,099. These figures are much closer to the only Census that actually engaged with Grierson’s LSI and the Census of 1931, but as the question that was asked at the point of enumeration was also very different, too much cannot be made of the apparent closeness to the Census figures.

Table 9. MTs listed under the language label ‘Hindi’ in Census Reports

Census year	Number of MTs
1971	48
1981	50
1991	48
2001	49
2011	56

In fact, we may infer that the Census has, since 1971, been engaged in bowdlerising the LSI and the 1931 lists to inflate figures for the language label of Hindi. All the languages of the LSI/Census 1931 subgroups named Bihari, Rajasthani, Central Indo-Aryan languages, Eastern Hindi, and West, East, and Central Pahari languages, have been successively incorporated into the current ‘Hindi’ group. There is no escaping the extreme irony of this ‘promotion’ of Hindi by the Census operations, particularly given that many of the languages grouped so are also the ones which, on the ground, are under intense pressure from Hindi in their home regions, in that the domains in which these languages are used are shrinking rapidly, with Hindi being used in those domains. Nevertheless, resisting that pressure, the speakers of these languages hold out and assert their distinct linguistic identity to the Census enumerators, only for it to be substantially erased by this policy of using language labels.

Rather than the LSI, the current Census table most closely resembles the kind of language information and groupings that were undertaken in the 1891 Census, which also groups together languages under language labels. In that Census, language names like ‘Hindi’ are explicitly admitted to be language labels which, the report says, “predominates” through Hindustan and Bihar [Census 1891: 138–139] (emphasis mine):

This title [Hindi] is admittedly a comprehensive one, and includes all the varieties of Aryan speech between the Jamna and Rajmahal. It has thus absorbed such distinctions as Vraj, Baiswari and Bhojpuri, as well as Maithili and other Bihar varieties of Hindi. <...> **[T]herefore, all such sporadic entries have been absorbed into the general title, lest the separate recognition of such small and scattered numbers should give a misleading notion of the actual prevalence of the dialects in question.**

Just as the 1891 Census collapsed several independent mother tongues under a single language label of ‘Hindi’, lest there be “separate recognition of such small and scattered numbers”, the postcolonial Census since 1971 does exactly the same. Why the 1881 and 1891 Censuses did so is understandable, as the early colonial state was deeply invested, as Goswami [2004: 64] has argued, in the creation of sustainable state-generated classificatory schemes that were constructed by a “rule of difference” that mandated the “continual performance of the nonidentity between the state and its colonised subjects”. Building on her arguments, Majeed [2019] has argued that the colonial state’s attempts in the early Censuses were to develop ‘language’ to be a parameter by which it could classify social constructs like ‘race’ and ‘nationality’. But why should the postcolonial Census wish to replicate the intentions of the colonial one? Before I discuss the reasons for this apparent coincidence of strategies in Section 4, I first consider the impact that the LSI and Grierson’s work on the 1901 (and subsequent Censuses) had for postcolonial India, and particularly the 1961 Census.

3. The LSI and its impact on the Census (1901–1931)

The beginning of the 20th century saw a radical change in the colonial Census of India methodology because of the initiation of the Linguistic Survey of India in 1896. Although an initiative independent of the Census throughout its long existence spanning more than three decades (the last volume of the LSI was published in 1928), the LSI and its Superintendent, George Abraham Grierson, played quite a crucial role in the Censuses of 1901, 1911, and 1921. In Kidwai [in press], I show that the proposal to conduct the LSI, which was a study of the modern vernacular languages of India, was originally conceived as a scholarly exercise, which represented a consensus between philologists meeting at the Seventh International Oriental Congress, Vienna, 27–29 September 1886. It was only upon the denial of governmental sponsorship to the original scholarly exercise that led to the LSI’s opportunistic alliance with the Registrar General’s office.

As Majeed [2019: 56–60] has shown, even as there was a close connection between the Census and the LSI, Grierson quite clearly enforced a separation between the two, cf. [Ibid.: 58]:

From the outset, he was anxious about how his engagement with the Census might hinder the Survey's progress, since the LSI's work could not be 'dropped altogether for a lengthened period, and then taken on again, without injury and considerable expense'. (...) It was therefore in Grierson's interest to make sure that his work for the Census could be utilised in the LSI, while also ensuring that the Survey came into its own as a project in its own right. At the same time, it could ride on the back of the Census for some of its information.

One of the crucial ways in which Grierson did this was by introducing into the Census the genealogical classifications and groupings arrived at by the LSI following its own independent methodology, thereby ensuring that Census observations, starting from the 1901 Census itself, were at least broadly in line with the classifications being arrived at by the LSI on philological/linguistic grounds. This was doubly ensured by Grierson by having circulated¹¹ to all the Provincial Census Commissioners the rough lists of languages spoken in each district that the LSI had covered¹² and by agreeing to author the chapter on 'Languages' in the 1901 Census report,¹³ in such a way that the languages recorded by the Census enumerations are classified according to the groupings being developed by the ongoing LSI. As Grierson says in his opening paragraph of the chapter [Census 1901: 247] (emphasis mine):

The survey is not yet completed (...) but the greater portion of the work has been done, and the present chapter may be considered as an abstract of its results so far as they are available. (...) **Speculations regarding Indian languages must wait till the survey is concluded, and all the facts are presented in a convenient form. Till then, even the classification adopted in the following pages must be taken as provisional.** It represents the arrangement which at the present moment, to my mind, agrees best with the facts which have been hitherto examined, but the discovery of new facts may induce me to modify it.

¹¹ H. H. Risley to G. A. Grierson dated 24.10.1900 (Mss Eur E223/260, Asian and African Studies, British Library).

¹² The LSI did not cover all of British India, as the entire Madras Presidency and some princely states had refused to participate in it at all.

¹³ G. A. Grierson dated 19.09.1900 to the Census Commissioner, H. H. Risley (Mss Eur E223/260, Asian and African Studies, British Library).

The provision of the LSI's Rough Lists to the Census Commissioners can be seen as a rationalisation measure by Grierson, as the offer was made in the context of Risley's early suggestion¹⁴ that Grierson's help was needed in particular to determine the 'doubtful names' of languages. Why Grierson felt the LSI's Rough Lists were a good guide for rationalisation was because of the procedure he had thus far employed in the LSI in compiling them.

Between April and July 1896, Grierson had sent a circular with a form to all District-level officials (Assistant/Deputy Collectors and Magistrates) requesting them to list the names of "genuine local dialects".¹⁵ These were defined as "home-language, spoken in the country away from the cities". Respondents were instructed to provide all the names if multiple ones were used. If a local dialect had no special name but was known by a well-known general term, it was to be entered. It was emphasised that no language census was being requested, and that at this stage, all that was required was that officials provide a return for the names of speech varieties and short remarks about prior mention of these languages/dialects in government reports such as the Census, Settlement Reports, Gazetteers, as well as scholarly journals and books. A facsimile of the form that accompanied this circular is to be found in Figure 2, which Grierson requested district officials to have filled up "by some intelligent persons with the local modes of speech in the area under your charge."

The letter also informed officials that in this first stage of the survey, their responses would be compiled into "a rough preliminary catalogue of all the names by which every form of speech used in the area of the survey is known." This would then be followed by a second stage, which would consist of "collecting specimens of all the various forms of speech so catalogued; and of revising the first rough catalogue by the help of these specimens." This second stage was therefore one in which linguistic phenomena (mostly morphosyntactic) were used to confirm whether the names supplied actually identified distinctive language varieties. By October 1900, many of the specimens received had indeed been analysed, but since quite a few specimens still remained to be received, Grierson presents

¹⁴ H. H. Risley to G. A. Grierson dated 17.10.1900 (Mss Eur E223/260, Asian and African Studies, British Library).

¹⁵ Grierson to the Deputy Commissioner, Central Provinces and the Political Agent, Raipur, dated 04.04.1896 (Progs., Nos.V/11, 1896–1903, National Archives, Delhi).

No.	Name of District, or other local area " Province or State	1	2	3	4
	Local name of the dialect or form of speech. To be written in the local Vernacular character and in the Roman character.	Name of language of which it is a dialect, if known. To be written in the Roman character.	Approximate number of persons speaking the dialect in the locality to which the return refers.	REMARKS.	

DEPUTY COMMISSIONER'S OFFICE
1 APR 1896
SYLHET.

Fig. 2. Form accompanying the April 1896 circular

the classification he uses as provisional in his chapter in the 1901 Census report, which was the only time he ever wrote for a Census publication. In this chapter, he resolves the anxieties that Majeed in the quote above has noted about the Census's vis-à-vis by instituting a scheme in which the LSI was insulated from the pressure of strict compliance with the Census findings and did not have to consider the findings of the Census as a validation of its conclusions. Instead, it was the Census's responsibility to ensure that its findings were framed within the LSI's classifications and findings.

Such was the success of this stratagem that all three subsequent census reports — 1911, 1921, and 1931 — were careful to respect the LSI classifications; indeed, the Census seemed to believe that with the LSI making the advances in understanding that it was, there was nothing much left for it to do. By 1911, Census Commissioners were noting that “the question of language and dialect has now fully been dealt with”¹⁶ and by 1920, had declared that it was “doubtful” whether there was any scope left for “a detailed treatment of language” by it.¹⁷ The 1931 Census notes that post the publication of the LSI's important introductory volume in 1927, “the little that remains for a census to do with regard to the main language of the country beyond recording their corresponding increase and decrease, since the area of any given tongue is hardly ever stable” [Census 1933: 348].

The LSI archive is a valuable source to understand the process by which the LSI's imprint was stamped on the Census. Early on in 1900, Grierson supplied the then Commissioner, Herbert Hope Risley, with a paper detailing how the linguistic classification of Central Indo-Aryan (prominent amongst them, Hindi) was undertaken. Once Risley read it, he was driven to admit that “the entries in the language column of the Census schedule will be worth much”¹⁸, as the information the Census had collected about language, dialect, and region was not in any way superior to the LSI. In fact, the “statistical part of the Chapter is the least important as it is no case to be more than approximate.” He therefore recommends to Grierson that he:

¹⁶ Note for Report. Ch. IX. Language, p. 1, attached to letter from E. A. Gait to Grierson, dated 06.07.1911 (IOR/S/1/14/2, Asian and African Studies, British Library).

¹⁷ J. T. Marten to Grierson dated 11.03.1920 (IOR/S/1/14/1, Asian and African Studies, British Library).

¹⁸ H. H. Risley to G. A. Grierson dated 24.3.1901 (Mss Eur E223/260, Asian and African Studies, British Library).

⟨...⟩ should start writing on the basis of the first totals at once and make ...[the]... chapter a forecast in general terms of the conclusions which the Linguistic Survey will set forth in full philological detail. For a Census report, we want something that is generally understood, and which will be read by people who do not run to philology except in a general way. I should be inclined to start by an exposition of the general principles on which classification is based ⟨...⟩ Then, I would treat each group singly, bringing out their group character, and the characters distinguishing the languages, which make up the group. You would in fact treat each group much on the lines of the article which you sent me. ⟨...⟩ I will endeavour to fit in the ethnological data (forming of course part of a separate chapter) with your philological conclusions.

This is exactly the chapter that Grierson wrote for Census 1901, a text that was eventually to serve as a draft for his introductory volume of the LSI published in 1927 [Grierson 1927]. This chapter is a remarkable inclusion in a Census that is widely acknowledged for its application of ‘scientific racism’ in the way that it classifies Indians by racial types and argued for a racial origin of the Indian caste system, because it argues specifically, in its third paragraph [Census 1901: 249], against any attempt to view language in India as amenable to ethnological conclusions:

Nowhere are there presented stronger warnings against basing ethnological theories upon linguistic facts than in India. The “unholy alliance” between the two sciences has long been condemned, and has now fallen into disrepute, and I have, hence, in the following pages refrained so far as was possible from discussing questions of racial origin. When I have done so, it has only been to bring forward theories regarding the origin of nationalities which have been previously suggested by professed ethnologists, and to attempt to throw light upon them when they are confirmed by philology.

Grierson’s chapter [Census 1901: 250ff.] which proposes a tentative classification of languages and dialects based on philological grounds alone, is thus an important counterpoint to the overall racist project in Census 1901.¹⁹ Although Risley’s anthropometric methods and con-

¹⁹ It is important to note here that the archive shows that it was Risley himself, in his letter dated 09.04.1902, who suggested to Grierson that he begin his discussion with

clusions have long been discredited, his racial interpretation of caste had a lasting and profound impact on how the British colonial government viewed and administered Indian society [Bates 1995]; indeed, many would argue that it has had even a longer afterlife, stretching into postcolonial India.²⁰

The manner in which Grierson discussed the language returns in the 1901 Census chapter marked the major change of listing languages by family that is to be seen in the Indian Census today. Figure 3 is an image of Table A of the 1891 census for Parent Tongue [Census 1891: 136]. This is to be contrasted with the 1901 overall table in Figure 4 [Grierson 1903: 2], in which there is, instead of a semi-random assortment of language names and population numbers, a structured list of language families provided. But it is not only in this table that the difference between the two censuses lies. Following the format suggested by Risley, Grierson then proceeded to discuss each group of languages, revealing in each section the LSI's tentative sub-groupings down to the dialect level along with speaker strength statistics provided to him by the provincial census commissioners. Figure 5 presents a few of these subsidiary tables to point out some general characteristics of Grierson's discussion.

The most important thing to note from these samples of subsidiary tables is that the framework for classification is provided by the LSI and

a paragraph on this relationship. The next few letters then cordially discuss the content of this discussion, with Grierson frankly expressing the exact same views one finds in the chapter. This suggests that whatever commitments Risley had towards racialised scientism, he did not harbour an opinion that it had to be necessarily applied as the sole explanation for all differences.

²⁰ Majeed [2019: 21–22] presents a picture of Grierson's politics that portrays his unquestioning acceptance of racial types and 'scientific' racism. I think this position does not place adequate weight on Grierson's oft-repeated pronouncements, both in private correspondence as well as in published work like the LSI and the Census chapter quoted above, where he explicitly rejects the use of ethnology, anthropology, and their anthropometric methodologies. In my view, while it is indeed true that Grierson seems to never have directly confronted the positive endorsements that many of his interlocutors gave to anthropometric methodology — in general, he was a conservative person, always committed to maintaining civility even in disagreement and careful not to cause affront to men who held high public office — the fact is that neither in the LSI or in the work he did for the Census did he 'racialise' his philological classifications (contra [Bates 1995]).

TABLE A.—Showing the GENERAL LINGUISTIC DISTRIBUTION of 10,000 of the POPULATION.

Language and Class.	Number per 10,000.	Language and Class.	Number per 10,000.
A. Indic-Aryan	7,460	F. Thibeto-Burman—cont.	
Hindi	3,269	Kathé (<i>Manipur</i>)	3
Bengali	1,578	Miri-Abor	1
Maráthi	721	Kúki	1
Panjábi	676	Lálung	1
Gujaráthi	405	Lúshai	1
Úriya	344	Thibetan	1
Úrdú	140	<i>Minor Languages</i>	1
Sindhí	99		
Western Pahári	58		
Assamese	55	G. Môn-Annam	9
Central Pahári	44		
Márwádi	44	Môn (<i>Talaing</i>)	9
Kachhi	17		
Halabi	6		
Kashméri	1		
Goanese, &c.	1	H. Shán (Tái)	7
Eastern Pahári	1	Shán (<i>unspecified</i>)	7
<i>Minor Languages</i>	1		
B. Dravidian	2,021		
Telugu	759	J. Malayan	—
Tamil	581		
Kanarese	371	K. Sinitic	27
Malayálam	207	Karén	26
Gónd	53	Chinese	1
Túlú	19		
Oráon	14		
Kandh	12		
Kodagu	2		
Mal-Pahádía	1	L. Japanese	—
Bráhui	1		
<i>Minor Languages</i>	1		
C. Kolárian	113	M. Eránic-Aryan	51
Santhál	65	Pakhtú	41
Múndá and Kól	25	Balóch	9
Kórwá and Kúr	7	Persian	1
Bhíl	6		
Sáwara	4	N. Semitic	2
Kharria	3	Arabic	2
Baiga, Bhinja, &c.	2		
Gadaba	1		
D. Gipsy Dialects	15	O. Turánic (<i>Úgrian</i>)	—
E. Khási Dialects	7		
F. Thibeto-Burman	278	P. European-Aryan	9
Burmese	212	English	9
Arakanese	14		
Kachári	8	Q. Basque	—
Nipáli dialects	7		
Gáro	6	Ha mitic	1
Tippera	5		
Khyin	5		
Nága dialects	4	<i>Not distinguishable or not returned</i>	—
Mikir	4		
Méch	4		

Fig. 3. The 1891 Census: Languages of India

		Number of languages spoken.	Number of speakers.
A. VERNACULARS OF INDIA.			
Malayo-Polynesian Family—			
Malay Group	...	2	7,831*
Indo-Chinese Family—			
Mōn-Khm̄r Sub-family	427,760	4	11,712,299
Tibeto-Burman Sub-family	9,560,454	79	
Siamese-Chinese Sub-family	1,724,085	9	
Dravido-Mundā Family—			
Mundā Sub-family	3,179,275	10	59,693,799
Dravidian Sub-family	56,514,524	14	
Indo-European Family, Aryan Sub-family—			
Iranian Branch	1,377,023†	3	221,157,673
Indo-Aryan Branch	219,780,650	22	
Semitic Family	...	1	42,881
Hamitic Family	...	1	5,530
Unclassed Languages	...	2†	346,150
Andamanese	1,882		
Gipsy Languages	344,143		
Others	125		
TOTAL VERNACULARS OF INDIA		147	292,966,163
B. LANGUAGES OF OTHER ASIATIC COUNTRIES, §			
AFRICA, AUSTRALIA	...	3	76,673
C. EUROPEAN LANGUAGES			
Language not returned	...	...	269,997
Language not identified, traced, etc	...	...	947,164
			101,059
GRAND TOTAL—INDIA		...	294,861,056

Fig. 4. The 1901 Census: Languages of India

Main Group.	Population returning it.
Non-Sanskritic . . .	54,425
Sanskritic . . .	219,726,225
TOTAL, Indo-Aryan Branch . . .	219,780,650

(A)

Group.	Population returning it.
Shinā-Khōwār . . .	54,425
Kāfir . . .	...
Kalāshā-Pashai . . .	...
TOTAL, Non-Sans- kritic languages	54,425

(C)

Dialect.	Population returning it.	Dialect.	Population returning it.
Lahndā	350	<i>Dialects north of the Salt Range,—</i>	
Jatki	220,836	contd.	
Dērāwāl	526,577	Sawāīn	42,291
Chināwar	165	Jandāli	39,016
<i>Dialects north of the Salt Range.</i>		Khātri	34,980
Awānkāri	621	<i>Dialects south of the Salt Range</i>	
Dhannī	11,711	Kāchhri	16
Ghēbi	74,082	Khētrānī	96
Hindki	661,283	Mūltānī	961,997
Pōthwāri	226,542	Bahāwalpuri	580,036
Tināoli	2	Thalōchhri	1,555
Rēshi	3,011	Ubhē-dī boli	1,924

(B)

Fig. 5 (A–C). The 1901 Census: Samples of subsidiary language tables

Of the above Jatki is the language of the Jat population of Dera Ghazi Khan. Dērāwāl is found in Dera Ismail Khan. Chināwari is spoken along the Chenab. Nearly all the speakers of Awānkāri, Dhannī, Ghēbi, and Pōthwāri, belong to Rawalpindi. Hindki is principally found in Hazara and Rawalpindi. Rēshi (valley of the Rēh), Sawāīn (valley of the Soan), Jandāli and Khātri (both north of Pindi Gheb) all belong to Rawalpindi. Bahāwalpuri is the Lahndā of Bahawalpur. Ubhē-dī boli is the Ubhēchi of Sindh.

Mārwarī.	
Where spoken.	Number of speakers.
Ajmer-Merwara .	333,401
Assam . . .	7,205
Bengal . . .	10,663
Berar . . .	41,521
Bombay . . .	253,503
Central India . . .	125,498
Central Provinces . . .	30,941
Hyderabad . . .	57,777
Punjab (excluding Bāgrī) . . .	196,026
Rajputana (excluding Bāgrī) . . .	3,712,262
United Provinces . . .	8,050
Elsewhere . . .	5,144
TOTAL, Mārwarī (excluding Bāgrī) .	4,781,991
Bāgrī.	
Punjab . . .	281,491
Rajputana . . .	564,252
TOTAL, Bāgrī .	845,743
TOTAL, Mārwarī (including Bāgrī) .	5,627,734

(D)

Language.	Approximate Population speaking it.
Eastern Hindi . . .	22,136,358

(E)

Language.	Population returning it.
Tableng . . .	198
Tamlu . . .	1,545
Mojung . . .	152
Banpurā . . .	...
Mutoniā . . .	...
Mohongiā . . .	...
Namsangiā . . .	...
Mōshāng . . .	...
Shānggē . . .	...
TOTAL, Eastern Nāgā group . . .	1,895

(F)

Fig. 5 (D–F). The 1901 Census: Samples of subsidiary language tables

not by the actual returns received by the Census. This leads to the grouping of speaker strength under purely theoretical parameters, based on the LSI's philological conjectures, concepts like that in (A), i.e. Sanskritic vs. Non-Sanskritic Indo-Aryan, rather than actual speaker returns noted down by the enumerators. Similar abstractions are denoted by the names 'Eastern Hindi' in (E), and 'Eastern Naga' Group in (F). Note also that in (F), even those dialect names are included which do not figure in the language returns. (D) represents the case of what the LSI considers to be two closely related languages, Marwari and Bagri. It is interesting to see that even though the language name Bagri is recorded by a significant number and reflected in the Census counts, Marwari is used as a language label, presumably to signify the closely related nature of these languages.

It will be obvious to the reader that the 1901 Census represents quite a different enterprise than both the Censuses that preceded it and the 2011 Census on several counts when it comes to recording MTs. While the summary table of Census 1901 (given in Figure 4 above), does not name and count every ‘dialect’, the subsidiary tables included in the chapter name for many if not all of them, including those that cannot be classified. Speaker strength was never a criterion that was employed to determine listing or naming of India’s languages.

As already mentioned, the fact that the 1911 and 1921 Censuses acknowledged that the LSI was the authority on the philological classification of Indian languages and dialects, and tried to implement its findings and classification in their reports. However, as Majeed shows [2019: 59–60], more often than not, the Census officials struggled to translate the LSI’s findings into their own system of enumeration, which prefers to count ‘languages’ rather than ‘dialects’, especially given that Grierson’s use of the distinction was solely determined by extralinguistic factors such as ‘possession of a literature’, ‘social prestige’ and the like. A consideration of the weaknesses of the language chapters of these Censuses would take me too further afield at this point, so I shall put that discussion aside, merely underscoring the point that Grierson’s import of the LSI framework into the 1901 Census did not actually build sufficient capacity in the Census organisation to analyse and classify language returns.

Furthermore, this establishment of the LSI’s supremacy also eclipsed two important changes in the Census methodology. The first important innovation that was initiated in the 1901 Census was the collection of information about bilingualism, a question which has continued to feature in the Census to this day. Enumerators were asked to elicit information about ‘Other Indian languages in common use’ as well as ‘whether literate in English’. A discussion of this measure is beyond the scope of this paper, but the fact that Grierson in the 1901 Census report does not discuss these returns at all, is indicative of how narrow his interest in the Census returns actually was.

The second innovation was that unlike the previous censuses, the 1901 Census asked the enumeration question as ‘language ordinarily used’ rather than parent-tongue or mother’s language as it had been in the 1881, 1891 Censuses. It was clarified further in 1911 that the language to be returned was that which each person ordinarily spoke in his own home. Only in the case of infants and deaf mutes was the mother’s language to be

entered. As Tieri [2024: 449] has pointed out (talking here about the 1961 Census which also used exactly this definition), this shift of language “is a subtle but profound change: differently from ‘mother’s language’, ‘language mainly spoken in the household’ implies a non-deterministic approach to linguistic identity. This definition locates mother tongue in language use (‘spoken in the household’), which is not an ascriptive feature but a deliberate action, and hence can be altered at will.”

Grierson does not appear to have been involved in effecting this change, as the archive shows him being approached by Risley only after enumeration had already been completed. But while there may not have been any direct connection that can explain this change, the fact is that the LSI had for the past few years been using that very definition of language cannot be a mere coincidence. In his April 1896 circular (see footnote 15 on page 30), Grierson had defined genuine local dialects in terms of use in the home domain:

I hope that it will be clearly understood that the names which I want entered are the names of the genuine local dialects. In some parts of India, people are more or less bilingual. **A man will speak one language in his own house and amongst his familiar friends and another language, a kind of court language, when talking in the city, bazaars, in a public court, or to a superior. It is the former language which I wish to have recorded. The other may be recorded too, provided its use is carefully stated, but the important one is the home language spoken in the country, away from the cities.** To take a concrete example, in Allahabad, for instance, the language spoken in the courts, in the bazaars and to European gentlemen is no doubt Hindustani, but the language or languages of the surrounding district differ widely from Hindustani. According to one excellent authority, no less than six different dialects are current in that single district. It is the local name of these dialects which I wish to have entered in the form. Hindustani should only be entered if it is the home language of any particular class or group of people, for example, of the Musalman population of any town or tract.

It is therefore not unreasonable to conjecture that the Census’s redefinition of the term as the ‘language ordinarily used in the home’ was influenced by the LSI. However, while for the LSI, the definition was crucial in enabling the officials to identify the linguistic object they were to report

on, it is not at all obvious exactly what impact the change in definition had on the actual Census returns, because there is no proof that the enumerators actually framed the language question in the use-based manner that was intended. Further, the use of LSI classification as a framework naturally constrained the results.

4. Decolonial thinking in the 1961 Census

The Second World War brought an abrupt halt to the collection and classification of language and mother-tongue data in the 1941 Census, which was the last Census conducted by the British, as India won its independence from colonial rule in August 1947. The large-scale social tensions, upheavals, and migrations triggered by the Partition of India and Pakistan entailed that the data for the 1951 Census was collected in a time of great disturbance.

The 1951 Census of India recorded approximately 783 mother tongues. The data for mother tongues were generally tabulated by large administrative units called “tracts” (usually consisting of several tehsils or police stations) rather than by individual villages, although special sorting was later done for certain multilingual border areas. By the mid-1950s, however, as the country gradually stabilised, confidence grew in the provisions of the new Constitution and in the commitment to realise its promises of universal education and social and cultural equality. In this climate, the Census was identified as a key instrument for gathering knowledge about the ‘real’ India.

To my mind, the 1961 Census vis-à-vis at least the language census data represents India’s first and perhaps only Census that represents decolonial thinking [Mignolo 2021], as it seeks to eliminate “coloniality” from the way that Indians and the state that they had recently created could come to understand and count the languages spoken within its area. In a mammoth effort that spanned over nearly a decade, a team of the Census Commissioner Asok Mitra and the linguist R. C. Nigam, advised by the great linguist Suniti Kumar Chatterjee, thoughtfully tried to free language data collection and interpretation from the two distinct strands of epistemology that were its inheritance from the colonial period. The scheme that they came up with ensured the counting and naming of 1652 MTs returned, including those that were spoken by small numbers of people.

Considerations of space prevent me from dwelling on the 1961 Census methodology at length, so I shall focus on just two aspects of why I think the Census of 1961 is an inspiring moment of decolonial thinking, however short-lived, in nascent India. The first represents the manner in which it embraces an epistemic delinking from both the LSI and the Census practices of the colonial past. In an outstanding critique of the colonial distinctions between ‘language’ and ‘dialect’, Nigam [1971: xxiv–xxx] argues that the latter term has no scientific validity, either as an object of Census enumeration or of linguistic analysis. Discarding popular definitions that treat dialects as inferior, substandard, illiterate, scriptless, or ungrammatical forms of a language, Nigam points out that even though the LSI shows awareness of the status-based nature of this distinction and laid down criteria to control for this, the LSI still contains many lapses, as “uniformity of following his own laid-down criteria was never a virtue with the great Editor of the Linguistic Survey Volumes.” He therefore recommends abandoning this distinction altogether, as “pursuing the line of ‘language/dialect’ discussions is not likely to yield any concrete results (...) [as to distinguish the two] (...) there have always got to be considerations taken into account which fall outside of strictly linguistically structural or grammatical considerations” [Ibid.: xxx].

The importance of this move for the 1961 Census needs to be underscored, as the 1961 Census was committed to the LSI system of analysis and only then classification as a means of identifying distinct MTs [Nigam 1971: xv]. Rather than a simplistic rejection of the classification method in linguistics, this rejection of the language/dialect distinction creatively **relinks** the LSI to the Census, as providing historically relevant information about MT returns. Whereas the 1901, and subsequent Censuses, imposed the LSI framework onto the Censuses and rendered the actual MT returns invisible, the 1961 Census treats returns of MTs listed in the LSI at par with other MT returns given by the people of India. As a consequence, the final report names and lists the statistics of all 1652 mother tongues.

Perhaps the most striking decolonial move of all is how the 1961 Census, invoking the LSI, envisions a new role for the Census of India. Figure 6 [Census 1964: ccxxxiv] reproduces an importable table from the final Census report, which specifies the results obtained from a scrutiny of MT statistics when the LSI information is integrated with the other MT returns.

	No. of tongue	Total No. of speakers
1. No. of mother tongue returns	1,652	438,936,918
2. No. of mother tongue attested, in Grierson's Linguistic Survey of India classifications	572	436,224,545
3. No. of mother tongues not traced in the L.S.I. and <i>tentatively classified</i>	400	425,076
4. No. of mother tongues attested in the Linguistic Survey of India but <i>tentatively reclassified</i> .	50	1,908,399
5. No. of mother tongues considered unclassifiable	527	62,432
6. Foreign mother tongues	103	315,466

Fig. 6. The 1961 Census: Mother tongue statistics

Seen in the light of the comment made by the Census Commissioner, Asok Mitra's introductory note to the 1961 Census, which makes it clear that the Census officials planned to undertake "a more extended long-term survey, in the manner of Grierson's LSI (...) in the intercensal period and would bring in a richer harvest to 1971 and 1981" [Census 1964: iv], it is obvious that Census 1961 saw its role in the next twenty years to be one of orchestrating a new linguistic survey of India, presumably through the Language Division that was instituted in 1961. Such a survey was warranted because Mitra recognised that the 1961 report "stands for work in progress and is no more than a tentative presentation", and also that the Census had still to convince the government: "I must accept responsibility for my share in the statements made and the conclusions drawn, even in the Linguist's Note, which do not necessarily represent the views of the Government, insofar as misstatements, errors or misplacements of emphasis are concerned" [Ibid: v].

Clearly, however, efforts to convince the government were not successful, as even though Nigam's [1971] invaluable "Language handbook on mother tongues in Census" was published by the Office of the Registrar-General, which detailed notes on all the 1652 returns, when the 1971 Census report on Languages did finally appear, it was in the form described

in Section 2 of this essay, rather than as a continuation of the work initiated by the 1961 Census. Although it is far from certain that the Census and its Language Division, or for that matter any consortium of linguists, could have succeeded in this endeavour, it is worth closing this essay with some speculations from recent politics as to why the direction given by the 1961 Census was not pursued.

5. Decoding the politics of the change in the Census methodology

Why was India's decolonial moment so short-lived? Why is it that despite the fact that the 1961 Census revealed that so many Indian mother tongues lay outside the classifications provided by the LSI, why is it, since 1971, cited as the sole document that the Census of India relies on? The answer, I believe, lies in both policies as well as the way that politics over the last five decades has instrumentalised certain key provisions in the Indian Constitution.

In a fine essay, Agnihotri [2015] has shown how the various tensions in the Indian Constituent Assembly debates ensured that most of the linguistic decisions taken by the Constituent Assembly ended up in either ignoring, or in some cases even weakening "the multilingual and multi-cultural ethos that is constitutive of Indian society" [Ibid.: 47]. Although several important provisions for the protection of linguistic minorities were pushed through, the compromises that had to be made in the processes of winning them have ensured the survival of other articles that sufficiently diminish the actual protection given to the rights of linguistic minorities.

Consider first the apparent protections. The Indian Constitution protects linguistic minorities through Articles 29 and 30, which guarantee the right to conserve their distinct language, script, and culture and to establish and administer educational institutions of their choice. Article 347 allows the President to recognise a language used by a substantial portion of a state's population as an official language. Additionally, Article 350A mandates the provision of facilities for instruction in the mother tongue at the primary stage for all linguistic minorities, and Article 350B provides for a Special Officer to report on the measures for the protection of linguistic minorities.

It will be obvious to the reader that for these protections to be delivered, there has to be an actual count of the number of linguistic minorities. As the Constitution does not name or list them, the only means by which such minorities can be enumerated is the Census, which, as we have seen, has, since 1971, developed a number of ruses to mask minority status. The purposeful undercounting of Indian MTs by the post-1971 Census is at least partially determined by the Indian state's panic-stricken response to a decolonial Census actually enumerating all the minorities that exist. Hence, the decision of refusal to count below the 10,000 speaker strength threshold and to discard those varieties not covered by the LSI.

Furthermore, although Article 350B is procedurally implemented in the appointment of a Special Officer and although it does define linguistic minorities — “any group or groups of people whose mother tongues are different from the principal language of the State, and at the district and taluka/tehsil levels, different from the principal language of the district or taluka/tehsil concerned” — it leaves it to the States / Union Territories to define them. No list of minority languages is ever compiled by this office using the information from the Censuses, nor does it exercise the power to demand the inclusion of minority languages in the State / Union Territories. A consideration of this office's last annual report in 2014–2015 available online²¹ shows that it has no justiciable objection to most States / Union Territories, barring a handful of, mainly identifying other Scheduled Languages, as the minority languages of their regions, paying scant attention to even the minorities that the Census does identify. Again, the post-1971 Census's strategy of grouping MTs under language labels helps in this endeavour, particularly if the MT is grouped under a Scheduled Language.

As we have seen, there is no other language label that is a beneficiary of the post-1971 strategy of grouping under a language label than ‘Hindi’. The steady inflation of the number of MTs it labels is the result of the weaponisation of the most problematic article of all, Article 351 (emphasis mine):

It shall be the duty of the Union **to promote the spread of the Hindi language**, to develop it so that it may serve as a medium of expression for all the elements of the composite culture of India and to secure its enrich-

²¹ http://164.100.166.181/annualreport/52ndReport_CLM_English.pdf (accessed on 10.10.2025).

ment by assimilating without interfering with its genius, the forms, style and expressions used in Hindustani and in the other languages of India specified in the Eighth Schedule, and by drawing, wherever necessary or desirable, for its vocabulary, primarily on Sanskrit and secondarily on other languages.

Article 351 was originally intended to achieve linguistic harmony and national integration by developing Hindi's connections to the originally 14 languages listed in the Eighth Schedule, but as the years have progressed, language politics in India has changed the meaning of inclusion in the Eighth Schedule. The schedule has been expanded through amendments to now total 22 languages, such as Sindhi (1967), Konkani, Manipuri, and Nepali (1992), and Bodo, Dogri, Maithili, and Santhali (2004). Languages in the Schedule are eligible for government support in development, use in secondary education, and for official purposes, but none of these 'advantages' invest such overwhelming power that there should be 38 languages queueing up for inclusion in the Schedule. The real reason for this aspiration is the sad fact that, since 1971, the only way a citizen can get to be recognised as a speaker of a 'language' is if its name is included in the Eighth Schedule. Because then, and only then, the state's Census methodology tells her, can she truly count.

Abbi, Gupta, and Aggarwal [Abbi et al. 1995] point out that the Eighth Schedule is best characterised as the state's elevation of a select group of Indian languages into an elite tier onto which it confers legitimacy. In the process, they argue that it constructs a hierarchy where languages outside the Schedule are relegated to the status of dialects. This has installed, what Abbi [1995] calls, a system of 'linguistic apartheid', where the 10,000-speaker threshold serves as a gatekeeper to political and social visibility. For a speaker of a minority or tribal mother tongue, the Census methodology ensures that their linguistic identity is either othered or forcibly subsumed under a dominant "language label" like Hindi. In this framework, the Eighth Schedule is not a tool for preservation but a mechanism of functional displacement, forcing citizens to abandon their native tongues for the prestige of a Scheduled language in order to be recognised by the state. It is this system of structural exclusion that the Census seeks to reproduce every decade through its practice of counting language labels rather than languages.

6. Conclusion

This article has examined the history of the enduring problem of the undercounting of India's minority languages and the ensuing confusion as to exactly how many languages are spoken in the country. It argues that this undercounting is not the result of an inheritance of colonial language policy, by showing how the LSI disrupted colonial categories of thought, and actually forced the counting of all minority languages for over three Censuses. It shows that barring the 1961 Census, where the aspiration to strengthen the LSI's legacy into a truly decolonial one was first showcased, the role adopted by the Census is to play handmaiden to the state. It does not therefore count the 'mother tongue' at all, insofar as it is a native speaker's self-identification, but only invented language labels.

Abbreviations

LSI — Linguistic Survey of India; MT — mother tongue; PLSI — People's Linguistic Survey of India.

References

- Abbi 1995 — A. Abbi. Language contact and language restructuring: A case study of tribal languages in Central India. *International Journal of the Sociology of Language*. 1995. Vol. 116. No. 1. P. 175–185. DOI: <https://doi.org/10.1515/ijsl.1995.116.175>.
- Abbi et al. 1995 — A. Abbi, R. S. Gupta, K. S. Aggarwal (eds.). *Language and the State: Perspectives on the Eighth Schedule*. New Delhi: Creative Books, 1995.
- Agnihotri 2015 — R. K. Agnihotri. Constituent Assembly debates on language. *Economic and Political Weekly*. 2015. Vol. 50. No. 80. P. 47–56.
- Bates 1995 — C. Bates. Race, caste and tribe in Central India: The early origins of Indian anthropometry. P. Robb (ed.). *The concept of race in South Asia*. Delhi: Oxford University Press, 1995. P. 219–259.
- Goswami 2004 — M. Goswami. *Producing India: From colonial economy to national space*. Chicago: Chicago University Press, 2004. DOI: <https://doi.org/10.7208/9780226305103>.
- Grierson 1903 — G. A. Grierson. *The languages of India: Being a reprint of the chapter on languages*. Calcutta: Superintendent of Government Printing, 1903.
- Karthick Narayanan 2025 — R. Karthick Narayanan. *Multilinguality, vitality, and endangerment: Insights from the lived experiences of multilingual India*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2025.
- Kidwai in press — A. Kidwai. The Linguistic Survey of India: The prequel. R. K. Agnihotri (ed.). *Census, survey, policy*. Delhi: Orient BlackSwan. In press.

- Majeed 2019 — J. Majeed. *Colonialism and knowledge in Grierson's Linguistic Survey of India*. London; New York: Routledge, 2019. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429439230>.
- Mignolo 2021 — W. Mignolo. *The politics of decolonial investigations*. Durham, NC: Duke University Press, 2021. DOI: <https://doi.org/10.1215/9781478002574>.
- Nigam 1971 — R. C. Nigam. *Language handbook on mother tongues in census*. Delhi: Manager of Publications, Government of India, 1971.
- Tieri 2024 — S. Tieri. The census amid language politics: The production of language data and the politics of mother tongue in the Census of India, Punjab, 1941–71. *South Asia: Journal of South Asian Studies*. 2024. Vol. 47. No. 2. P. 434–454. DOI: <https://doi.org/10.1080/00856401.2023.2275444>.

Sources

- Census 1891 — *General report on Census of India, 1891*. London: Eyre and Spottiswoode, 1893.
- Census 1901 — *Census of India, 1901*. Vol. 1. *India*. Pt. 1. *Report*. Calcutta: Superintendent of Government Printing, 1903.
- Census 1933 — Hutton J. H. *Census of India, 1931*. Vol. I — India. Pt. I — Report. Delhi: Manager of Publications, 1933.
- Census 1964 — *Census of India 1961*. Vol. I. Pt. II-C(ii): *Language tables*. Delhi: Government of India, 1964.
- Census 2011 — *Census of India 2011*. Paper 1 of 2018: *Language*. Delhi: Government of India, 2018.
- Ethnologue — D. M. Eberhard, G. F. Simons, Ch. D. Fennig. *Ethnologue: Languages of the world*. 28th edn. Dallas: SIL International, 2025. Available at: <https://www.ethnologue.com/> (accessed on 10.10.2025).
- Grierson 1927 — G. A. Grierson. *Linguistic Survey of India*. Vol. 1. Pt. 1: *Introductory*. Calcutta: Government of India, 1927.

Получено/received 17.11.2025

Принято/accepted 29.12.2025

Simulative plurals in Western Iranian languages

Mehrdad Naghzhguy-Kohan

Bu-Ali Sina University (Hamedan, Iran);

mehrdad.kohan@basu.ac.ir; ORCID: 0000-0002-3451-745X

Abstract. This study investigates the encoding strategies and diachronic sources of simulative plurals — constructions denoting ‘X and similar entities’ — in Western Iranian languages. Unlike ordinary plurals, the set formed by simulative plurals is comprised of some heterogeneous members. While previous research on Western Iranian languages has predominantly examined ordinary and associative plurals, simulative plurals remain understudied. Drawing on data from various languages and dialects across this branch, the present article identifies four major strategies for expressing simulative plurals: (1) echo-reduplication, (2) a complementary system of echo-reduplication and suffixation, (3) the functional extension of the default plural suffix *-hā* to a simulative marker, and (4) non-morphological constructions using lexical items meaning ‘thing’. In general, simulative plural constructions are headed by a nominal bearing the [–animate] feature, most commonly denoting trivialization, mockery, or ridicule; in some instances, they may additionally convey an ironic interpretation. However, in Iranian languages, simulative plurals may be deployed with nominals marked for the [+human] feature in specific contexts; in such cases, the construction conveys a pejorative meaning. The sole exception to this pattern is the use of the simulative suffix *-hā* with a proper noun head. Diachronic analysis shows that non-morphological simulative markers predominantly originate from lexical sources — most commonly nouns meaning ‘thing’, whereas the ultimate source of morphological simulative markers is unknown or only partially known — such as Persian *-hā*, which evolved from an adverbial derivational suffix into a plural marker before subsequently developing a simulative function. This trajectory constitutes a typologically rare pathway of linguistic change.

Keywords: simulative plural, heterogeneous plurals, Western Iranian languages

Acknowledgements: I would like to express my gratitude to Dr. Arseniy Vydrin for his insightful comments, as well as to the anonymous reviewer for their valuable feedback, both of which contributed to improving the final version of this article.

For citation: Naghzhguy-Kohan M. Simulative plurals in Western Iranian languages. *Indo-Iranian Languages*. 2026. 2 (1). P. 49–73.

DOI: 10.30842/30346800.2026.2.1.4

Симилятивная множественность в западных иранских языках

Мехрдад Нагзгуй-Кохан

Университет Бу-Али Сина (Хамадан, Иран);

mehrdad.kohan@basu.ac.ir; ORCID: 0000-0002-3451-745X

Аннотация. В статье рассматриваются стратегии выражения симилятивной множественности — конструкции со значением ‘X и подобные’ — и их диахронические источники в западных иранских языках. На материале различных языков и диалектов выделяются четыре основные стратегии: 1) эхо-редупликация; 2) система с дополнительной дистрибуцией эхо-редупликации и суффиксации; 3) расширение функций показателя множественного числа *-hā*; 4) конструкции с лексемой ‘вещь’. Анализируются признаки существительных (одушевленность, нарицательность), которые могут выступать вершинами в конструкции, и дополнительные значения, выражаемые данными конструкциями, такие как пейоративность.

Ключевые слова: симилятивная множественность, неаддитивная множественность, западные иранские языки

Благодарности: Я хотел бы выразить благодарность А. П. Выдрину за пронизательные комментарии, а также анонимному рецензенту за ценные замечания, которые помогли улучшить финальный вариант статьи.

Для цитирования: Naghzguy-Kohan M. Similative plurals in Western Iranian languages. *Indo-Iranian Languages*. 2026. 2(1). P. 49–73.

DOI: 10.30842/30346800.2026.2.1.4

1. Introduction

In the literature on categorization, a distinction is typically drawn between **stable categories** and **ad hoc categories** [Barsalou 1983; 1991; 2003; 2010]. Stable categories are context-independent and are expressed through conventional linguistic forms, whereas ad hoc categories are highly context-dependent, both in their construction and interpretation (cf. Casasanto, Lupyan [2015], who argue that all categories may be considered ad hoc). Many languages provide specific constructions for cases where context plays a crucial role in determining category membership; for further discussion, see [Mauri 2016; Moravcsik 2020; Ramat 2024]. For instance, within the domain of number, it is generally possible to distin-

guish two types of plurals cross-linguistically: the **ordinary** (or **additive plural**) and the **heterogeneous plural**, the latter comprising the **associative plural** and the **similative plural**. The ordinary plural, as a stable category, denotes a collection of referentially homogeneous members. That is, each referent of the plural form is also a referent of the singular nominal base [Daniel, Moravcsik 2013: 150]. For example, the plural noun *books* denotes a set of similar entities in which all members share the defining property of being a “book”. This type of plural is expressed cross-linguistically through various grammatical devices, the most common being inflectional affixes. In Persian, for instance, ordinary plural marking strategies include suffixes such as *-ân*, *-hâ/-â*, and *-ât*, as illustrated by *došman-ân* ‘enemies’, *ketâb-hâ* ‘books’, and *touzih-ât* ‘explanations’.

In contrast, associative plurals and similative plurals, as ad hoc categories, form sets with heterogeneous members. An associative plural refers to a construction in which a nominal, combined with a synthetic or analytic marker, denotes a human referent along with associated individuals, typically expressing meanings equivalent to ‘X and company’ [Mauri, Sansò 2023]. In Persian, for example, the associative plural is formed by attaching *-inâ* ‘these’ to a nominal, as in *Ali-inâ* ‘Ali and his associates’ (e.g., friends or family members); for a detailed discussion of associative plural markers in Iranian languages, see [Naghzguy-Kohan 2022].

On the other hand, the “similative plural” as labeled by Daniel and Moravcsik [2013] refers to a construction in which a nominal, combined with a synthetic or analytic marker, conveys the meaning of ‘X and similar entities’. This is exemplified in Persian by echo-reduplication, as in *ketâb metâb* ‘book(s) and similar items’ or *daftar maftar* ‘notebook(s) and similar items’.

The objective of this article is to identify the strategies encoding similative plurals in a selection of modern Iranian languages and to trace their diachronic sources. To this end, Section 2 provides a detailed analysis of similative plurals. Section 3 reviews existing literature on similative plurals in Western Iranian languages. Section 4 outlines the data and methodology employed in this study. Section 5 presents the various strategies used to encode similative plurals across Iranian languages. Section 6 compares and contrasts the diachronic sources of these plurals in Iranian languages with those identified by Mauri and Sansò [2023]. Finally, Section 7 summarizes the conclusions drawn from the data analysis.

2. Similitive plurals

The similitive plural denotes a construction expressing the meaning ‘X and similar entities’, where X serves as an exemplar representing a broader set of conceptually related items. Crucially, the members of this set are semantically heterogeneous, sharing only contextually relevant features with the exemplar. For instance, the Persian similitive construction *daftar maftar* ‘notebook and similar items’ establishes a set in which *daftar* ‘notebook’ functions as the exemplar, while the full referential range is contextually determined and may encompass stationery, paper-based objects, or other functionally analogous items. These elements resemble the exemplar only in specific semantic aspects while differing in others. Thus, similitive plurals encode heterogeneous sets whose precise interpretation depends on context.

Formally, similitive plurals may be expressed through morphological markers (bound morphemes such as affixes) or non-morphological markers (free lexical items). The morphological strategies, particularly affixation, typically represent older grammaticalization patterns, indicating their diachronic precedence in such constructions [Daniel, Moravcsik 2013: 151].

From a typological perspective, the similitive plural has received significantly less attention from researchers compared to the associative plural. Mauri and Sansò [2023] attribute this lack of attention to descriptive unawareness and a descriptive gap rather than to the low frequency of this construction. However, at times, there is no descriptive unawareness, and scholars have indeed acknowledged this distinct functional category, albeit employing alternative terminology. For instance, in their analysis of reduplication phenomena in Tamil, Wiltshire and Marantz [2000: 558] use the terms “plural/variation suffix” rather than “similitive plural”. Thus, in this case, the distinction lies solely in the choice of technical nomenclature. Moreover, the similitive plural in many languages (including Iranian languages) is typically restricted to highly informal speech styles. Consequently, it is rarely attested in linguistic corpora. Thus, as Mauri and Sansò [2023] also underscore, it can be argued that the occurrence of such a construction is not uncommon cross-linguistically, and it is primarily the aforementioned reasons that have led to the assumption otherwise.

Functionally, the simulative plural aligns with the notion of a **general extender** in pragmatics. General extenders — elements such as *etcetera*, *and so on*, and *and the like* — serve to expand either a specific list or a single item by incorporating unspecified referents, cf. [Overstreet 1999]. Mauri and Sansò [2023] argue that researchers' hesitation to classify this construction as a distinct plural type stems from its predominantly analytic expression in well-studied familiar languages, despite evidence of synthetic markers fulfilling the same function in languages like Karbi (a Trans-Himalayan Tibeto-Burman language). This article demonstrates that not only analytic but also synthetic simulative markers are attested — even within the same language — among Iranian languages.

Another key consideration in analyzing ordinary, simulative, and associative plurals is their sensitivity to the animacy hierarchy (Speech Act Participants > Proper Names > Kin > Human > Animate > Inanimate). In languages with optional plural marking, ordinary plurals are more likely to appear on nouns ranking higher in this hierarchy. Notably, in languages like Persian — where nominal pluralization involves distinct inflectional classes — these classes exhibit differential sensitivity to animacy. For instance, the suffixes *-ân* and *-in* (e.g., *zanân* 'women', *mostaxdemin* 'servants') show a strong correlation with animate referents, whereas *-hâ* applies freely to both animate and inanimate nouns. Other suffixes, however, display no statistically significant animacy-based patterning [Naghzhguy-Kohan, Kuteva 2016].

As Mauri and Sansò [2023] observe, simulative and associative plurals exhibit a near-complementary distribution, conditioned by their respective positions on the animacy hierarchy. Associative plurals primarily occur with proper nouns and kinship terms, whereas simulative plurals are typically restricted to non-human and inanimate referents.

In summary, the distinctive properties of ordinary and heterogeneous plurals, as analyzed in existing scholarly works, cf. [Mauri, Sansò 2023], can be systematically compared, as illustrated in Table 1 (the Persian examples provided are my own).

As will be demonstrated later in this article, regarding the simulative plural, data from Iranian languages reveal that the fourth feature in Table 1 does not apply uniformly. Specifically, the nominal head of a simulative plural construction may bear the feature [+human].

Table 1. Characteristic features of ordinary and heterogeneous plurals

Feature	Ordinary plural	Associative plural	Similitive plural
1. Composition	Homogeneous set: <i>sandali-hâ</i> ‘chairs’	Heterogeneous set: <i>Ali-inâ</i> ‘Ali and his associates’	Heterogeneous set: <i>sandali mandali</i> ‘chairs and similar items’
2. Set formation	Simple additive operation	Associative reasoning	Similarity-based reasoning
3. Context dependency	Context-independent	Context-dependent	Context-dependent
4. Animacy sensitivity	Higher animacy increases likelihood of marking	Restricted to proper nouns and kinship terms	Restricted to non-human/inanimate referents

3. Literature on similitive plurals

As previously noted, similitive constructions have received only sporadic attention in the relevant literature. This observation also applies to Iranian linguistic studies. Among Iranian languages, the construction that functionally expresses similitive plural and has garnered significant scholarly interest is echo-reduplication. The primary objective of existing studies on echo-reduplication constructions has been — at most — to offer a comprehensive description of this phenomenon, drawing on contemporary theoretical frameworks such as Inkelas and Zoll’s [2005] morphological model or Optimality Theory, e.g., [Shaghghi, Heidarpour Bidgoli 2001; Ghaniabadi et al. 2006]. The following works on Persian echo-reduplication are particularly relevant, as they address its functional properties: Rasekh-Mahand [2009] stands among the pioneering Iranian scholars to undertake a semantic analysis of reduplicative constructions. Drawing on the theoretical frameworks of Moravcsik [1978], Regier [1998], and Kajitani [2005], his study categorizes Persian echo-reduplicatives as instances of post-reduplication, wherein the reduplicated element follows the base. Furthermore, since the base is not fully duplicated, this process is characterized as partial reduplication. Rasekh-Mahand [2009] demonstrates that reduplication in Persian applies productively across lex-

ical categories — including nouns, verbs, adjectives, and adverbs — with nominal reduplicatives (e.g., *ketāb metāb* ‘book(s) and similar items’) constituting the majority. Crucially, such echo-formations predominantly encode a semantic nuance of quantitative augmentation. Similarly, Rezayati Kisheh-Khaleh and Soltani [2015] systematically extracted Persian reduplicative constructions and subjected them to morphological and semantic classification. Their study is distinguished by its extensive dataset and includes a thorough review of both international and Persian-language literature on reduplication. In one section, they analyze cases corresponding to what this study terms echo-reduplication. Rezayati Kisheh-Khaleh and Soltani identify the core semantic function of nominal echo constructions as expressing “adjacent and similar entities”. Ghaniabadi et al. [2006] likewise document echo-reduplicative constructions that semantically encode simulative plurality, though the authors do not employ this specific technical term in their analysis. Finally, although Smith’s [2020] study focuses exclusively on the semantics and pragmatics of simulative plurality in Persian and Japanese, it remains limited to *m*-reduplication (see Section 5.1). Other linguistic devices expressing simulative plural are entirely overlooked, suggesting the author may be unaware of this grammatical category as such.

To date, scholarly recognition of heterogeneous plurals in Iranian languages has been limited to just two diachronic-typological studies: Mauri and Sansò’s [2023] seminal work and Naghzguy-Kohan’s [2022] investigation. Departing from previous research, Mauri and Sansò [2023: 9] aim to “provide source-oriented explanations for the variety of synchronic manifestations of heterogeneous plurals”. Their analysis draws on a 110-language sample that includes just one Iranian language (Persian), in which they identify only the associative plural construction *N+inā*, without specifying any strategies for expressing simulative plurals. Through examining both synchronic and diachronic variations, the authors attempt to delineate the distinctions and commonalities between associative and simulative constructions. Similarly, Naghzguy-Kohan’s [2022] study focuses primarily on the encoding of associative plurals in Western Iranian languages, with only occasional references to simulative plurals.

These observations underscore the critical need for research on simulative constructions in Iranian languages — a gap the present study aims to address.

4. Data and methodology

Similitive plurals are typically used with very low frequency in formal conversation. Besides a lack of descriptive awareness, this may be one of the primary reasons for the limited attention given to this construction in the relevant literature; for discussion, see [Mauri, Sansò 2023]. For instance, even the most frequently used strategy for expressing similitive plural in Persian, namely that of echo-reduplication, is almost absent in the extant corpora of Persian language (like Dadegan¹). This situation is more unfavorable regarding other Iranian languages. Against this backdrop, the current study is based on the data gathered from a brief questionnaire I shared with some 700 people in social networks (especially the social media Instagram) during the COVID-19 pandemic quarantines. Since the audience consisted entirely of Iranians who were proficient in the official language (Persian), this short questionnaire was designed based on the common usage of similitive constructions occurring in Persian sentences. Participants were asked to provide the likely equivalent similitive constructions in their native languages. The questionnaire received responses from fifty-four individuals. All nonanonymous participants who responded to the questionnaire possessed at minimum a bachelor's degree, and their ages ranged from 23 to 61 years. It is evident that not all responses corresponded to fifty-four distinct languages or dialects. In some cases — particularly with different Persian varieties, the Lori varieties of Malâyeri and Borujerdi, and the Kurdish variety of Sine'i — multiple answers pertained to the same language or dialect, resulting in duplicates. All data were later double-checked and explicitly discussed with native speakers of respective Iranian languages. The languages and dialects that served as the foundation for the source data, references, and analysis in this article — each exhibiting structurally significant features central to the study — include several varieties of Colloquial Persian (Southwestern Iranian), such as Tehrâni spoken in Central Iran, Hamedâni and Arâki in the west, Shirâzi and Alâmarvdashti

¹ The Dadegan corpus (<https://dadegan.apll.ir/>) is a collection prepared by the Academy of Persian Language and Literature. In compiling this corpus, 1,493 texts have been utilized, spanning from the oldest surviving Persian texts to contemporary works. The number of selected phrases has now reached approximately five million.

in the southwest, Mashhadi in the east, and Birjandi in the southeast. Additionally, the study draws on Lori/Luri varieties, also Southwestern Iranian, including Malâyeri, Borujerdi, and Nahâvandi, all spoken in Western Iran. From the Northwestern Iranian group, Caspian languages such as Talyshi (Tâleshi) varieties from Shaft County and the city of Paresar in Gilân, as well as Gilaki from Anzali Port, Râmsari, Bâboli, Shâhrudi were examined. Finally, Kurdish varieties — also Northwestern Iranian — such as Sine’i, and Mahâbâdi contributed essential linguistic data to the analysis.

This study presents a diachronic-typological analysis of simulative plural markers across the aforementioned Western Iranian subgroups, focusing on languages within the geographical area of Iran. Departing from Mauri and Sansò [2023] but following Daniel and Moravcsik [2013], the data were examined to identify both dedicated and non-dedicated (or polyfunctional) encoding strategies for simulative plurals, including morphological and non-morphological markers. The diachronic component of this research traces the historical sources of these markers and, where possible, reconstructs their developmental trajectories. This approach could uncover developmental links — or typological correspondences — between simulative plurals and other plural types, specifically associative and ordinary plurals, in these languages.

5. Encoding simulative plurals in Western Iranian languages

Four major strategies are employed to express simulative plurals in Western Iranian languages. In many cases, more than one strategy is at work in a single language.

5.1. Echo-reduplication

As a form of partial reduplication² — or “complex reduplication” in Rubino’s [2005a: 16–17] terms — echo-reduplication generally entails the replication of the base with a replacement in the initial consonant,

² In contrast, Stolz et al. [2011: 47] and Stolz [2018: 248] classify echo-reduplication as a form of total reduplication.

consonant cluster, or syllable. The reduplicant lacks independent meaning and typically does not occur as a standalone form. Cross-linguistic studies demonstrate that echo-reduplication is particularly prevalent in the Indo-Iranian branch of the Indo-European language family, as well as in neighboring language families in South Asia such as Dravidian [Abbi 1992; Rubino 2005a: 24; 2005b; Singh 2005; Southern 2005: 135–156]. Across languages, echo-reduplication proper appears to be consistently linked to the expression of ad hoc categories, such as simulative plural, and related notions [Inkelas 2014: 171; Mauri, Sansò 2018].

Mauri and Sansò's [2023] survey of 110 languages identifies Bengali, Lao, and Tamil as using echo-reduplication to express simulative plurality, cf. Wiltshire, Marantz [2000: 558], who refer to the reduplicant in Tamil as a “plural/variation suffix”. This aligns with Abbi's [1992: 20] contention that echo-reduplication in South Asian languages primarily conveys meanings of ‘et cetera’, ‘things similar to’, and related notions. Similarly, Rubino [2005a: 24], in his discussion of reduplicative constructions in Indo-Iranian languages, provides the examples in which the following instances of simulative plural in Tajik and Punjabi are found:

- ТАЖИК (Iranian, Tajikistan) [Rastorgueva 1963: 25–26]
- (1) *non* ‘bread’, *nonpon* ‘food and the like’
- ПУНДЖАБИ (Indo-Aryan, India) [Bhatia 1993]
- (2) a. *paaNii* ‘water’, *paaNii vaaNii* ‘water and the like’
 b. *kamm* ‘work’, *kamm vamm* ‘work and the like’

The Tajik example above illustrates the use of echo-reduplication to encode simulative plural in an Iranian language. This phenomenon is a major widespread strategy across all sub-branches of the Iranian languages. However, echo-reduplication patterns exhibit minor variations among these languages and dialects, much like in non-Iranian languages, cf. [Inkelas 2014: 170].

In echo-reduplication constructions, the phonological form of the reduplicant is typically determined by the base word. A common feature across many Iranian languages is the use of the nasal /m/ as the default onset — unless the base itself begins with /m/, in which case the reduplicant's onset shifts to /p/. As the following examples in Table 2 demonstrate, this phonological pattern is attested in both Northwestern and Southwestern Iranian languages.

Table 2. Echo-reduplication in Iranian languages

Language/dialect	Examples
Tehrâni	<i>kâqaz mâqaz</i> ‘paper and similar stuff’; <i>miz piz</i> ‘table and similar stuff’
Arâki	<i>xune mune</i> ‘house and the like’; <i>mâšin pâšin</i> ‘car and the like’
Shirâzi	<i>difâl mifâl</i> ‘wall and similar stuff’; <i>medâd pedâd</i> ‘pencil and similar stuff’
Mashhadi	<i>čârqađ mârqađ</i> ‘scarf and similar stuff’; <i>milân pilân</i> ‘a wide alley and the like’
Shâhrudi	<i>sâroq mâroq</i> ‘bundle and the like’; <i>mašrafe pašrafe</i> ‘wine goblet and the like’
Gilaki	<i>šâlaki pâlaki</i> ‘rag/old cloth and the like’; <i>marqâne parqâne</i> ‘egg and the like’
Bâboli	<i>lave mave</i> ‘pot and similar stuff’; <i>metkâ petkâ</i> ‘pillow and similar suff’
Sine’i	<i>kâr-o-mâr</i> ‘business and similar affairs’; <i>psa-o-msa</i> ‘pistachio and similar stuff’ ³

While the general principles governing echo-reduplication formation described above exhibit systematic regularity, they are not entirely exceptionless. Specifically, a limited number of deviations from these patterns can be attested in the data. The existence of such exceptions necessitates further investigation in each language to determine whether factors such as analogy underlie these modifications or whether other linguistic mechanisms are responsible for their occurrence. Table 3 lists some attested instances of deviations from the general reduplication patterns across four languages/dialects in the dataset.

It is noteworthy that the features identified as irregularities in certain varieties of Persian — specifically, in Tehrâni and Mashhadi in the table above — exhibit complete regularity in some dialects of Talyshi, where the oral stop /p/ serves as the default reduplicant onset. This default is overridden only when the base word begins with /b/ or /p/, triggering a shift to the nasal onset /m/. The following examples come from the Talyshi variety spoken in Nasir-Mahale, a village in Shaft County, Gilan Province:

³ -o- in Sine’i examples is a linker/interfix.

TALYSHI (Nasir-Mahale)

- (3) a. *sefra* *pefra* b. *bez* *mez*
 tablecloth RED goat RED
 ‘tablecloth and the like’ ‘goat and the like’

liv *piv* *pele* *mele*
 leave RED steamed_rice RED
 ‘leave and the like’ ‘steamed rice and the like’

Table 3. Irregularities in reduplicative constructions in some Iranian languages

Language/dialect	Examples
Tehrâni	<i>kâhu mâhu</i> / <i>kâhu pâhu</i> ‘lettuce and similar stuff’ ⁴
Mashhadi	<i>late pate</i> ‘rag and the like’; <i>šeleng peleng</i> ‘hose and similar stuff’; <i>čoqok poqok</i> ‘sparrow and the like’; <i>zeqare peqare</i> ‘a little thing and the like’
Shirâzi	<i>mâšin tâšin</i> ‘car and similar stuff’; <i>menâre kenâre</i> ‘minâret and the like’
Râmsari	<i>mâšin bâšin</i> ‘car and similar stuff’

It is important to note that Talyshi is not the only language in which the rules governing reduplicative construction formation diverge from those found in the majority of Iranian languages, including Standard Persian (or Tehrâni). A parallel case can be observed in the Alâmarvdashti variety of Persian. In this dialect, as in most other Iranian languages, the default onset of the reduplicant is /m/. However, when the base begins with /m/, the reduplicant’s onset is realized as /t/ rather than /p/:

ALÂMARVDASHTI

- (4) a. *xârak* *mârak* b. *maxtak* *taxtak*
 unripe_date RED cradle RED
 ‘unripe date and the like’ ‘cradle and similar stuff’

tabar *mabar* *mox-o-tox*
 axe RED palm-LNK-RED
 ‘axe and the like’ ‘palm and the like’

⁴For more examples see [Ghaniabadi et al. 2006].

Naturally, certain irregularities or exceptions to the aforementioned rules are observed in Alâmarvdashti. Crucially, what may appear as deviations from these rules within Alâmarvdashti are, in fact, entirely regular in other varieties of Persian. These patterns can thus be attributed to the impact of Standard Persian, which has exerted a persistent contact influence on this variety of Persian. The following examples illustrate these deviations in Alâmarvdashti:

- ALÂMARVDASHTI
(5)	a. <i>morvârid</i> <i>porvârid</i>
pearl RED
‘pearl and similar stuff’ | b. <i>medâd</i> <i>pedâd</i>
pencil RED
‘pencil and similar stuff’ |
|-----|---|---|

5.1.1. Pragmatic functions of echo-reduplication

Like other types of reduplication constructions in the world’s languages, echo-reduplication constructions are multifunctional; for their different roles, see [Rubino 2005a: 19–22]. Despite Rubino’s [2005a: 24] assertion that echo-reduplication is unique to Eastern Indo-European languages, similar constructions exist even in English. One such example is *shm*-reduplication, a specific type of echo-reduplication that holds particular relevance for this study due to its multifunctional nature — mirroring the pragmatic functions observed in Iranian echo-reduplication. Nevins and Vaux [2003] note that it is used to downplay or deride a particular phrase, carrying a dismissive sense. Similarly, Ghomeshi et al. [2004] classify these constructions (exemplified by *table-shmable*) as deprecativ reduplication. In the same vein, other scholars contend that the construction denotes mockery and ridiculing, or is associated with ironic interpretation [Inkelas, Zoll 2005: 42; Kołłataj 2016: 243]. Cross-linguistic insights from Kdirbaeva [2024] corroborate these findings, demonstrating that reduplication structures in English and Karakalpak (a Turkic language spoken in Uzbekistan) similarly express pejoration and related notions. Collectively, these studies underscore echo-reduplication’s capacity to encode negative evaluation, playful derision, and pragmatic down-toning.

The same observations apply to echo-reduplication in Iranian languages. In these languages, when the base has the feature [–animate], the reduplication primarily conveys trivialization while also producing

diminutive effects. The following two examples from Tehrâni illustrate this point:

TEHRÂNI

- (6) a. *telvezyun-melvezyun faqat jâ-ro tang kard-an*
 TV-RED only space-ACC tight do.PFV-3PL
be dard ne-mi-xor-an.
 to pain NEG-PRS-eat-3PL
 ‘TV and the like are just taking up space and are useless.’
- b. *motor-potor vasile-ye naqliye hesâb*
 motorcycle-RED device-EZ vehicle count
ne-mi-š-e. bo-ro ye mâšin be-xar.
 NEG-PRS-become-3SG IMP-go.2SG one car IMP-buy.2SG
 ‘A motorcycle and the like are not considered a proper vehicle. Go buy a real car.’

Furthermore, in some contexts, a noun bearing the [+human] feature can serve as the nominal head/base, as illustrated by the following Persian examples:

TEHRÂNI

- (7) a. *doktor moktor* b. *mohandes pohandes*
 physician RED engineer RED
 ‘physicians and similar people’ ‘engineers and similar people’

In such cases, echo-reduplication acquires a pejorative — sometimes even derogatory — connotation, often signaling a negative evaluative stance toward the group it denotes.

Notably, the same phenomenon is attested in the Indo-Aryan language family. For instance, Singh [2005: 266], in analyzing partial reduplication in Modern Hindi, provides examples in which proper nouns serve as the base of reduplicative constructions, consistently yielding a “dismissive or ironic interpretation”:

- (8) MODERN HINDI (Indo-Aryan, India)
a. <i>narendra</i>
‘Narendra’
<i>narendravarendra</i>
‘undesirables like Narendra’ | b. <i>bhagavaan</i>
‘God’
<i>bhagavaanvagavaan</i>
‘crazy things like God’ |
|---|---|

However, these observations contrast with the properties that scholars have attributed to the nominal head of the simulative plural. For instance, in distinguishing associative plurals from simulative plurals, Daniel and Moravcsik [2013: 150] argue that a simulative plural “denotes a class of *objects* [emphasis mine — *M. N.-K.*] sharing similar features rather than a group of closely related associates”. Similarly, Mauri and Sansò [2023] observe that the feature [–animate] constitutes a defining characteristic of the nominal head in simulative plurals (see Table 1).

It should also be noted that in many Iranian languages, echo-reduplication permits adjectives, in addition to nominals, to function as heads, cf. [Rasekh-Mahand 2009]. In such cases, it appears that the nominal head — which would normally accompany its modifier — has been elided, with the nominal meaning and its category being transferred to the adjacent adjective through a metonymic process. This is illustrated by the following Persian examples:

STANDARD PERSIAN

- (9) a. *zan=e zarif marif* → *zarif marif*
 woman-LNK delicate RED
 ‘a delicate (woman) and the like’
- b. *mard=e čâq mâq* → *čâq mâq*
 man-LNK fat RED
 ‘a fat man and the like’

The use of lexical categories other than nouns as bases for echo-reduplication is not unique to the Iranian branch. For instance, Abbi [1992: 21–22] documents the use of adjectives in echo-reduplication in the Dravidian languages Tamil and Telugu. Furthermore, Mauri and Sansò [2018] observe that in Kannada — another Dravidian language — echo-reduplication can apply to words across all word classes. Their examples include both nominal and verbal bases, yielding a simulative plural (10a) and a similarity meaning (10b), respectively:

KANNADA (Dravidian, Southern Dravidian) [Lidz 2000: 148–149]

- (10) a. *pustaka* → *pustaka-gistaka*
 book book-RED
 ‘books and related stuff’

- b. *ooda* → *ooda-giida beeDa*
 run run-RED PROH
 ‘Don’t run or do related activities.’

5.2. Employment of echo-reduplication and suffixation as complementary strategies

In certain Southwestern Iranian languages — such as the Hamedâni variety of Persian and the Lori varieties of Borujerdi, Malâyeri, and Nahâvandi — the use of echo-reduplication and the suffixation of a simulative marker operate in complementary distribution. These two mutually exclusive strategies are phonologically conditioned: as a general rule, if the nominal base begins with any sound other than /m/, the onset of the reduplicated segment is replaced by /m/, see (11)–(12).

HAMEDÂNI	BORUJERDI
(11) <i>telâ melâ</i>	(12) <i>xodkâr modkâr</i>
gold RED	pen RED
‘gold and similar items’	‘pen and similar items’

Conversely, when the nominal base begins with /m/, a dedicated simulative suffix is attached instead (see Table 4). Despite minor phonetic variations, this simulative suffix remains consistent across all the aforementioned languages and dialects.

Table 4. Simulative suffixes

Language/dialect	Examples
Hamedâni (- <i>melân</i>)	<i>mâšin-melân</i> ‘car and similar stuff’; <i>moqr-melân</i> ‘chicken/hen and similar stuff’
Malâyeri (- <i>melon</i>)	<i>medâd-melon</i> ‘pencil and similar stuff’
Borujerdi (- <i>melu</i>)	<i>mâši-melu</i> ‘car and similar stuff’; <i>mobl-melu</i> ‘sofa and similar stuff’
Nahâvandi (- <i>malo</i>)	<i>mâšin-malo</i> ‘car and similar stuff’; <i>miva-malo</i> ‘fruit and similar stuff’

The origin of the simulative suffix *-melân* and its various forms in the aforementioned dialects remains uncertain. In general, this com-

plementary distribution strategy — specifically, the alternation between echo-reduplication and invariable suffixation — is confined to Iranian languages and dialects spoken in the Southwestern region of present-day Iran.⁵ However, a parallel usage is attested in the Northwestern Iranian language Talyshi, where the simulative marker *-mala* follows a distinct pattern. Unlike the phonologically conditioned systems of the Southwestern dialects, the Talyshi variety of Kische-Khale village in Paresar city of Gilan province possesses the suffix *-mala* which is lexically conditioned and does not depend on the phonological form of the nominal base. Instead, its application conveys a pragmatic nuance, typically indicating that the referent is perceived as of little value by the speaker. Examples include: *mâšin-mala* ‘car and similar items’; *mâtor-mala* ‘motorcycle and the like’; *dâz-mala* ‘sickle and similar items’; *kača-mala* ‘spoon and similar items’; *osun-mala* ‘iron and comparable materials’. This contrast between the phonologically driven systems of the Southwestern languages and the lexically/pragmatically motivated usage in Talyshi underscores the diversity in the functional distribution of simulative markers across Iranian languages.

5.3. Default plural suffix *-hâ* as a simulative marker

The suffix *-hâ* is the default plural marker in Modern Persian, applicable to both animate and inanimate nouns. However, when attached to a human proper noun, it can evoke a simulative plural interpretation, denoting a group of individuals who share the characteristic(s) associated with that proper noun. For example, *Ferdowsi-hâ*⁶ ‘similar people like Ferdowsi’, cf.:

STANDARD PERSIAN

- (13) *Iran Ferdowsi-hâ dâr-ad.*

Iran Ferdowsi-PL have-PRS.3SG

‘There are many poets like Ferdowsi in Iran.’

⁵ Unlike Arâki Persian, which uses only echo-reduplication, a Turkic variety spoken in Arak employs the suffix *-malân* to form a simulative plural for certain Turkic nouns — mostly loans from Iranian languages — that begin with /m/. An alternative explanation is that this suffix is a substratal remnant of the Turkic communities’ original language. Since non-Iranian languages in Iran lie beyond the scope of this article, I will provide only a few illustrative examples: *malo-malân* ‘cow and the like’; *milčak-malân* ‘fly and the like’; *movâ-malân* ‘clay jug and the like’; *miz-malân* ‘table and the like’; *mâšin-malân* ‘car and the like’.

⁶ Ferdowsi (940–1020) was a famous Iranian epic writer.

This usage appears atypical for similitive plurals, as it diverges from the properties typically ascribed to the nominal base in such constructions. Specifically, while similitive plurals most commonly involve common nouns with non-human or inanimate referents (see Table 1), the base in this case is a proper noun — a category occupying a higher position in the animacy hierarchy. In the same vein, it seems that the nominal head in the construction, while functioning as exemplar of the set, is not characterized by low referentiality and unidentifiability, as defined by Mauri and Sansò [2023]. Furthermore, unlike conventional similitive plurals, this construction — formed through suffixation of proper nouns with ordinary plural markers — carries no pejorative or derogatory connotations.

Moreover, a crucial theoretical issue concerns the origin of the similitive plural marker *-hā*, which derives from an ordinary plural marker. This developmental pathway — from an ordinary plural marker to a marker of heterogeneous plurals — is notably common for associative plurals but not typically observed for similitive plurals. For instance, Daniel and Moravcsik [2013: 150] observe that in half of their sample languages, the associative plural marker also functions as an ordinary plural marker. They argue that these markers are most likely polysemous rather than resulting from accidental homonymy, thereby supporting the claim that associative plurals and ordinary plurals are inherently related. As our findings demonstrate, a similar — though less extensive — connection exists between similitive and ordinary plurals. Similarly, Mauri and Sansò [2023] demonstrate this relatedness, though with some divergent findings. Based on their 110-language sample, they propose a bidirectional diachronic relationship between associative plurals and ordinary plurals, wherein either may serve as the source for the other. However, their data present a distinct pattern for similitive plurals: only three languages in their sample exhibit the optional use of similitive plurals as ordinary plurals. Crucially, in these cases, the similitive markers derive from uncertainty markers, prompting Mauri and Sansò to posit a unidirectional developmental pathway: **uncertainty marker** → **similitive plural** → **(optional) ordinary plural**. Notably, the Persian data constitute a significant counterexample to this generalization. In Persian, the ordinary plural marker *-hā* has simultaneously developed similitive plural function. This suffix originates from the Middle Persian derivational suffix *-īhā*, a category-changing morpheme that derived adverbs

from nouns and adjectives [Abu al-Qasemi 2008: 329], as illustrated by the following examples:

- *tan* ‘body’ → *tanīhā* ‘alone’;
- *wuzurg* ‘great’ → *wuzurgīhā* ‘magnanimously’;
- *amaragān* ‘totality’ → *amaragnīhā* ‘wholly’;
- *borz* ‘tall (adj.)’ → *borzīhā* ‘tall (adv.)’.

This adverbial function survives only in the lexicalized form *tanhā* ‘alone’ in New Persian. Based on the foregoing observation, the suffix’s historical development demonstrates a distinct trajectory:

**derivational suffix → ordinary plural marker →
→ similitive plural marker**

When examined in conjunction with Mauri and Sansò’s [2023] findings, this pathway provides empirical support for potential bidirectionality in the diachronic development of similitive and ordinary plurals across languages.

5.4. Non-morphological constructions

In colloquial Persian, an independent lexeme with the original meaning ‘thing’ follows the nominal head to express similitive plural meaning:

- (14) COLLOQUIAL PERSIAN
xodkâr-i čiz-i dâr-id?
 pen-INDF thing-INDF have-PRS.2PL
 ‘Do you have a pen and the like?’

In the above example, both the nominal and the independent similitive marker take the indefinite suffix *-i*. The same construction is attested in Birjandi:

- (15) BIRJANDI
ya piyâz-i čiz-ē
 one onion-INDF thing-INDF
 ‘an onion and the like’

A somewhat analogous strategy is attested across various Kurdish varieties. In these dialects, the nominal is followed by the enclitic *-o-* (linker)

and a lexical item meaning ‘thing’. This pattern is exemplified by the forms *çta* and *wânək* in the Sine’i and Mahâbâdi varieties of Kurdish, respectively:

- (16) SINE'I
 a. *mâšin-o-čta*
 car-LNK-thing
 'car and similar objects'
 b. *sanali-o-čta*
 chair-LNK-thing
 'chair and similar objects'
 c. *televiziyon-o-čta*
 television-LNK-thing
 'television and similar objects'
- (17) MAHÂBÂDI
sayâra-o-wânək
 car-LNK-thing
 'car and similar objects'

Of particular interest is the observation that in Sine'i Kurdish, in highly informal registers, *çta* following a proper noun can form an associative plural construction, as in *Mâral=o çta* 'Mâral and her associates'. Crucially, this usage carries strong derogatory connotations. This finding contrasts with Mauri and Sansò's [2023] observations, where heterogeneous markers deriving from 'thing' are exclusively documented with inanimate nominals functioning solely as simulative plural markers.

6. Diachronic sources of similitive markers in Iranian languages

In grammaticalization studies, the term “source” refers to the original linguistic element or construction from which a grammatical form develops. Drawing on their analysis of a 110-language sample, Mauri and Sansò [2023] identify six principal diachronic sources for simulative plurals cross-linguistically:

1. Universal quantifiers;
2. Connectives ('and', 'with', 'also');
3. The lexical item 'thing';
4. Indefinite pronouns;

5. Interrogative markers;
6. Markers of vagueness/uncertainty.

This list is not exhaustive, as some constructions — such as echo-reduplications — do not derive from a clear (lexical) source. Mauri and Sansò [2023] contend that echo-reduplication should be treated as a semantically transparent process rather than a grammaticalized simulative plural marker. Consequently, from a (lexical) source perspective, its role in the development of simulative plurals holds little theoretical significance. The same argument applies to Iranian languages, where echo-reduplication is productively used to convey simulative plural interpretations.

Beyond echo-reduplication, certain simulative plural markers, such as the Iranian suffix *-melān* and its variants, lack reliably documented historical origins. By contrast, the plural marker *-hā*, which has functioned as a simulative plural in Persian, can be traced to a derivational adverbial suffix in Middle Persian. Nevertheless, earlier/ultimate source of this derivational morpheme remains unattested in the historical record. The only simulative plural markers for which historical data is entirely unambiguous are those that derive from lexical sources meaning ‘thing’.

7. Conclusion

As an ad hoc category, simulative plurals exhibit significant context-dependence, driven largely by pragmatic factors. Their avoidance in formal contexts explains their underrepresentation in corpora and grammatical descriptions.

I identified four principal strategies for simulative plurality in Western Iranian languages:

1. Echo-reduplication (the most pervasive, with dialectal phonological and pragmatic variation);
2. Complementary use of echo-reduplication and suffixation;
3. Functional extension of the default plural suffix *-hā* to a simulative marker;
4. Non-morphological constructions.

Notably, multiple strategies coexist within a single language (e.g., Persian and Kurdish use strategies 1 and 3 in parallel). My findings chal-

lenge animacy-based accounts, showing that similitive plurals can sanction [+human] heads — albeit with pejorative/evaluative overtones.

Diachronically, Western Iranian languages both align with and diverge from Mauri and Sansò's [2023] cross-linguistic patterns. While some markers follow expected lexical sources (e.g., 'thing'-derived forms), Persian *-hā* defies typological expectations, grammaticalizing from **adverbial suffix** → **ordinary plural** → **similitive marker** — inverting the cross-linguistic unidirectional pathway (**similitive plural** → **ordinary plural**).

This study expands the typology of heterogeneous plurals, demonstrating Iranian similitive constructions as more widespread and functionally nuanced than previously recognized.

Abbreviations

ACC — accusative; EZ — ezāfe; IMP — imperative; INDF — indefinite; LNK — linker; NEG — negation; PFV — perfective; PL — plural; PROH — prohibitive; PRS — present tense; RED — reduplicant; SG — singular.

References

- Abbi 1992 — A. Abbi. *Reduplication in South Asian languages: An areal, typological, and historical study*. New Delhi: Allied Publishers, 1992.
- Abu al-Qasemi 2008 — M. Abu al-Qasemi. *Dastur-e târîxi-ye zabân-e fârsi* [A historical grammar of Persian]. 7th edn. Tehran: SAMT, 2008.
- Barsalou 1983 — L. W. Barsalou. Ad hoc categories. *Memory & Cognition*. 1983. Vol. 11. No. 3. P. 211–227. DOI: 10.3758/BF03196968.
- Barsalou 1991 — L. W. Barsalou. Deriving categories to achieve goals. G. H. Bower (ed.). *The psychology of learning and motivation: Advances in research and theory*. San Diego: Academic Press, 1991. P. 1–64.
- Barsalou 2003 — L. W. Barsalou. Situated simulation in the human conceptual system. *Language and Cognitive Processes*. 2003. No. 18. P. 513–562. DOI: 10.1080/01690960344000026.
- Barsalou 2010 — L. W. Barsalou. Ad hoc categories. P. C. Hogan (ed.). *The Cambridge encyclopedia of the language sciences*. New York: Cambridge University Press, 2010. P. 87–88.
- Bhatia 1993 — T. K. Bhatia. *Punjabi: A cognitive-descriptive grammar*. London; New York: Routledge, 1993.
- Casasanto, Lupyan 2015 — D. Casasanto, G. Lupyan. All concepts are ad hoc concepts. E. Margolis, S. Laurence (eds.). *The conceptual mind: New directions in the study of concepts*. Cambridge, MA: MIT Press, 2015. P. 543–566.

- Daniel, Moravcsik 2013 — M. Daniel, E. Moravcsik. The associative plural. M. Dryer, M. Haspelmath (eds.). *The world atlas of language structures*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. P. 150–153.
- Ghaniabadi et al. 2006 — S. Ghaniabadi, J. Ghomeshi, N. Sadat-Tehrani. Reduplication in Persian: A morphological doubling approach. C. Gurski, M. Radišić (eds.). *Proceedings of the 2006 annual conference of the Canadian Linguistic Association*. 2006. Available at: <https://cla-acl.ca/actes/actes-2006-proceedings.html> (accessed on 11.03.2017).
- Ghomeshi et al. 2004 — J. Ghomeshi, R. Jackendoff, N. Rosen, K. Russell. Contrastive focus reduplication in English (the salad-salad paper). *Natural Language & Linguistic Theory*. 2004. Vol. 22. No. 2. P. 307–357. DOI: 10.1023/B:NALA.0000015789.98638.f9.
- Inkelas 2014 — Sh. Inkelas. Non-concatenative derivation: Reduplication. R. Lieber, P. Štekauer (eds.). *The Oxford handbook of derivational morphology*. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 169–189.
- Inkelas, Zoll 2005 — Sh. Inkelas, Ch. Zoll. *Reduplication: Doubling in morphology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Kajitani 2005 — M. Kajitani. Semantic properties of reduplication among the world's languages. R. Shields (ed.). *LSO Working Papers in Linguistics. Vol. 5: Proceeding of WIGL*. Madison: University of Wisconsin-Madison, 2005. P. 93–106.
- Kdirbaeva 2024 — B. Kdirbaeva. Semantic properties of reduplication in English and Karakalpak. *Foreign Linguistics and Linguodidactics*. 2024. Vol. 2. No. 1. P. 202–208. DOI: 10.47689/2181-3701-vol2-iss1/S-pp202-208.
- Kořataj 2016 — A. Kořataj. Reduplication in English — typology, correlation with slang and metaphorisation. *Polilog. Studia Neofilologiczne*. 2016. Nr. 6. P. 237–248. DOI: 10.34858/polilog.6.2016.021.
- Lidz 2000 — J. Lidz. Echo reduplication in Kannada: Implications for a theory of word formation. *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics*. 2000. Vol. 3. No. 6. P. 145–166.
- Mauri 2016 — C. Mauri. Building and interpreting ad hoc categories: A linguistic analysis. J. Blochowiak, C. Grisot, S. Durrleman, Ch. Laenzlinger (eds.). *Formal models in the study of language: Applications in interdisciplinary contexts*. Berlin: Springer, 2016. P. 297–326. DOI: 10.1007/978-3-319-48832-5_16.
- Mauri, Sansò 2018 — C. Mauri, A. Sansò. Linguistic strategies for ad hoc categorization: Theoretical assessment and cross-linguistic variation. *Folia Linguistica Historica*. 2018. No. 39. P. 1–35. DOI: 10.1515/flih-2018-0001.
- Mauri, Sansò 2023 — C. Mauri, A. Sansò. Heterogeneous sets: a diachronic typology of associative and similitive plurals. *Linguistic Typology*. 2023. Vol. 27. No. 1. P. 1–40. DOI: 10.1515/lingty-2021-2072.
- Moravcsik 1978 — E. Moravcsik. Reduplicative constructions. J. H. Greenberg (ed.). *Universals of human language. Vol. 3: Word structure*. Stanford: Stanford University Press, 1978. P. 297–334.

- Moravcsik 2020 — E. Moravcsik. The place of ad hoc categories within the typology of plural expressions. *Language Sciences*. 2020. No. 81. P. 1–7. DOI: 10.1016/j.langsci.2020.101298.
- Naghzguy-Kohan 2022 — M. Naghzguy-Kohan. Jam'e hamrâhi dar zabânâ-ye irâni [Associative plurals in Iranian languages]. *Language and Linguistics. Journal of Linguistic Society of Iran*. 2022. No. 32. P. 49–60.
- Naghzguy-Kohan, Kuteva 2016 — M. Naghzguy-Kohan, T. Kuteva. On competition and blocking in inflectional morphology: Evidence from the domain of number in New Persian. *Folia Linguistica*. 2016. Vol. 50. No. 1. P. 65–96. DOI: 10.1515/flin-2016-0003.
- Nevins, Vaux 2003 — A. Nevins, B. Vaux. Metalinguistic, shmetalinguistic: The phonology of *shm*-reduplication. *Proceedings from the Annual Meeting of the Chicago Linguistic Society*. 2003. Vol. 39. No. 1. P. 702–721.
- Overstreet 1999 — M. Overstreet. *Whales, candlelight, and stuff like that: General extenders in English discourse*. New York; Oxford: Oxford University Press, 1999.
- Ramat 2024 — P. Ramat. Reflections on the “ad hoc categories”. *Linguistic Typology at the Crossroads*. 2024. Vol. 4. No. 2. P. 273–289. DOI: 10.6092/issn.2785-0943/19288.
- Rasekh-Mahand 2009 — M. Rasekh-Mahand. Barresi-ye ma'nâ-ye tekrâr dar zabân-e fârsi [A semantic analysis of reduplication in Persian]. *Journal of Linguistics*. 2009. No. 44. P. 65–74.
- Rastorgueva 1963 — V. S. Rastorgueva. *A short sketch of Tajik grammar*. The Hague: Mouton, 1963.
- Regier 1998 — T. Regier. Reduplication and the arbitrariness of the sign. M. A. Gernsbacher, Sh. J. Derry (eds.). *Proceedings of the 20th Annual Conference of the Cognitive Science Society*. Mahwah; London: Lawrence Erlbaum Associates, 1998. P. 887–892.
- Rezayati Kisheh-Khaleh, Soltani 2015 — B. Rezayati Kisheh-Khaleh, B. Soltani. Barresi-ye sâxt-vâze'i, dasturi va ma'nâi-ye farâyande-ye tekrâr dar zabân-e fârsi [A study on the reduplication process in Persian language from vocabulary building, grammar and semantics points of view]. *New Literary Studies*. 2015. Vol. 48. No. 2. P. 81–112.
- Rubino 2005a — C. Rubino. Reduplication: Form, function and distribution. B. Hurch (ed.). *Studies on reduplication*. Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 2005. P. 11–29. DOI: 10.1515/9783110911466.11.
- Rubino 2005b — C. Rubino. Reduplication. M. Haspelmath, M. S. Dryer, D. Gil, B. Comrie (eds.). *The world atlas of language structures*. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 114–117.
- Shaghaghi, Heidarpour Bidgoli 2011 — V. Shaghaghi, T. Heidarpour Bidgoli. Ruykard-e nazari-ye behinegi be tekrâr [The approach of Optimality Theory

- to reduplication in Persian]. *Journal of Researches in Linguistics*. 2011. Vol. 3. No. 4. P. 45–66.
- Singh 2005 — R. Singh. Reduplication in Modern Hindi and the theory of reduplication. B. Hurch (ed.). *Studies on reduplication*. Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 2005. P. 263–281. DOI: 10.1515/9783110911466.263.
- Smith 2020 — R. W. Smith. Similitative plurality and the nature of alternatives. *Semantics and Pragmatics*. 2020. Vol. 13. Article 15. Available at: <https://semprag.org/index.php/sp/article/view/sp.13.15> (accessed on 11.03.2017).
- Southern 2005 — M. R. V. Southern. *Contagious couplings: Transmission of expressives in Yiddish echo phrases*. Westport; London: Praeger, 2005.
- Stolz 2018 — Th. Stolz. (Non-)canonical reduplication. A. Urdze (ed.). *Non-prototypical reduplication*. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2018. P. 201–278. DOI: 10.1515/9783110599329-007.
- Stolz et al. 2011 — Th. Stolz, C. Stroh, A. Urdze. *Total reduplication: The areal linguistics of a potential universal*. Berlin: Akademie Verlag, 2011.
- Wiltshire, Marantz 2000 — C. Wiltshire, A. Marantz. Reduplication. G. Booij, Ch. Lehmann, J. Mugdan (eds.). *Morphologie / Morphology. An international handbook on inflection and word-formation*. Vol. 1. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2000. P. 557–567. DOI: 10.1515/9783110111286.1.8.557.

Получено/received 26.02.2025

Принято/accepted 02.07.2025

What we do in the shadows of the pear tree: **Tense switching in Shughni Pear Stories**

Maksim G. Melenchenko

HSE University (Moscow, Russia); maksmerben@gmail.com;

ORCID: 0000-0001-9040-2318

Abstract. This article presents the results of a study on the narrative functions of verb tenses in Shughni. Shughni is an Eastern Iranian language with a compact TAME system, which has tensed evidentials (with Preterite being the direct past and Perfect, the indirect past) and lacks grammaticalized aspect. The current study analyzes five narrations of the Pear Film plot by native Shughni speakers recorded in Kharagh in 2023. The Pear Film is a famous short film devised for linguistic experiments. For analysis, I used only independent clauses, as suggested by the Labovian framework of narrative analysis. Three consultants watched the film directly, while the other two only knew its plot as rendered by another speaker. They were then asked to retell the plot of the film in Shughni. This difference in the source information did not produce a definitive influence on the speakers' tense choice. Four consultants used the Present as the main narrative tense, while the fifth preferred the Preterite. It is unclear what motivates the choice of the narrative tense, and further study on this topic is necessary. All the five consultants switched to other tenses at least a few times. In Present-tense narratives, the Preterite and the Perfect are used to refer to past events. The Perfect is employed for events that were not witnessed by the narrator or the characters and therefore is often attested in backgrounding contexts denoting events outside of the main plot line. On the other hand, the Preterite is used for witnessed past events. In Preterite-tense narratives, the speaker often switches to the Present to denote imperfective events. The particle *yal* 'still, while' is often used in Present-tense clauses, functioning as an additional imperfective marker. Sequences of tensed verbs are often interrupted by clauses with the null copula. It is frequent even in Preterite-tense narratives where Russian translations use the past form of the verb of being. This fact indicates that the null copula is to some extent "tenseless" in narrative discourse.

Keywords: narrative, tense switching, Pear Film, Shughni, Pamir languages

Acknowledgments. I am grateful to all Shughni speakers who participated in the experiment, as well as to my colleagues Daria Chistiakova, Niyaz Kireyev, Polina Padalka, Daria Ryzhova and Boris Yakubson who recorded and/or glossed the narratives. This article is an output of a research project implemented as part

of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

For citation: Melenchenko M. G. What we do in the shadows of the pear tree: Tense switching in Shughni Pear Stories. *Indo-Iranian Languages*. 2026. 2(1). P. 74–99.

DOI: 10.30842/30346800.2026.2.1.5

Что мы делаем в тени грушевого дерева: переключение времен в шугнанских «Рассказах о грушах»

М. Г. Меленченко

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва, Россия);
maksmerben@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9040-2318

Аннотация. Статья посвящена исследованию нарративных функций глагольных форм в шугнанском языке на материале пересказов «Фильма о грушах». Шугнанский — язык с компактной видовременной системой, в которой есть эвиденциальность, но отсутствует грамматикализованный аспект. Основной нарративной формой в пересказах большинства информантов оказалась форма презенса. Формы претерита и перфекта в нарративах используются для описания прошедших событий, сохраняя эвиденциальный контраст, а переключения с прошедших времен на форму презенса (иногда с дополнительным лексическим маркером) могут обозначать имперфективность клаузы.

Ключевые слова: нарратив, переключение времен, Фильм о грушах, шугнанский язык, памирские языки

Благодарности. Я благодарен всем носительницам и носителям шугнанского языка, которые поучаствовали в эксперименте, а также моим коллегам Дарье Чистяковой, Ниязу Кирееву, Полине Падалке, Дарье Рыжовой и Борису Якубсону, которые записали и/или отгlossировали полученные нарративы. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Melenchenko M. G. What we do in the shadows of the pear tree: Tense switching in Shughni Pear Stories. *Indo-Iranian Languages*. 2026. 2(1). P. 74–99.

DOI: 10.30842/30346800.2026.2.1.5

1. Introduction

This article is a preliminary study of tense use in Shughni narratives. It is based on the data from five retellings of the Pear Film by native Shughni speakers. Research on the functions of tenses in narratives is based on the idea that narratives constitute a specific speech register. Whereas tense semantics is usually described in relation to speech time, in narratives event time relates to the current moment in the story instead of speech time [Paducheva 2010: 286]. Therefore, the use of tense forms in narratives may be different from those in conversations and, moreover, it is often conventionalized. As J. Obrtelová put it, tense choice is not “a purely random choice of the narrator, but rather seems to follow certain rules” [Obrtelová 2017: 39]. This is especially pertinent for languages with evidentials, which can be used as genre markers, allowing listeners to differentiate between several types of stories [Aikhenvald 2004: 310]. Switching between different forms may also serve to structure the narrative [Verhees 2019: 108–111; Urmanchieva 2021].

Shughni is an Eastern Iranian language spoken in Tajikistan and Afghanistan. It belongs to the areal grouping of Pamir languages. Although there are grammars of Shughni, the most important being [Karamshoev 1963; Parker 2023], semantics of tense forms and their use in narratives have not been studied extensively. The study [Melenchenko 2023] is devoted to the semantics of the Perfect tense but provides limited information on its use in narrative sequences.

Shughni seems to be a promising language for such research for two main reasons. Firstly, it has two past tenses, which encode direct and indirect evidentiality (the Preterite and the Perfect). As will be shown below, the interplay of evidentiality and narratives can be very non-trivial and is understudied cross-linguistically. Secondly, Shughni has no fully grammaticalized aspectual markers (both of the past tenses can be used for imperfective and perfective events). Since aspect plays a crucial role in narrative structuring in many languages [Fludernik 2012: 75], it is interesting how Shughni speakers manage the narrative discourse without it. The TAME system is rather compact, and therefore each of its tense forms may be expected to have a variety of functions, which would otherwise be distributed across several forms. The study of narratives can complement our understanding of the grammatical semantics of this system as well

as cultural conventions for different types of narratives in the Shughni community.

This article consists of five sections. Section 2 provides a short overview of the TAME system in Shughni. Section 3 describes the collected data and discusses the methodology of the study. Section 4 presents the results of the analysis of tense forms in the collected narratives. Section 5 concludes the article.

2. Tenses in Shughni

Contemporary Shughni has three tenses. The Present, or Present-Future (Russian *nastojasčee*, *nastojasče-buduščee*) is the default tense for ongoing and future events. For most verbs, it can refer both to habitual and non-habitual events. Future time reference and habituality can be expressed by a clausal enclitic =*ta*, but its exact functions are unclear [Parker 2023: 339–344]. The Preterite (Russian *preterit*, *prošedšee*) is described in traditional grammars as an unmarked past tense [Karamshoev 1963: 154, 161–162; Edelman, Dodykhudoeva 2009: 806–807]. More recent research, however, has shown that the Preterite is a marked direct evidential form [Melenchenko 2023]. It is contrasted with the Perfect (Russian *perfekt*), whose main function in contemporary Kharagh Shughni¹ is the expression of indirect evidentiality [Ibid.: 124; Parker 2023: 348–350]. The Perfect form is also used in experiential and modal (e.g. counterfactual) contexts. At the same time, at least for some stative verbs (in particular, verbs of posture) the Perfect expresses ongoing states without regard to the evidential status [Melenchenko 2023: 124–132].

Shughni has other verb forms that need to be briefly mentioned. The Pluperfect form, which is derived from the Perfect with a suffix *-at/-it*, used to have deictic uses (“past-in-the-past”), but in contemporary language in Kharagh it is ungrammatical in such contexts. It has only retained modal uses, in which it is interchangeable with the Perfect [Melenchenko 2025]. There are no instances of the Pluperfect in the collected narratives. There are also two Infinitives, which are non-finite forms, and the Imperative, which, naturally, never appears in a narrative clause. There are several

¹ In this article, I use the alternate spelling of the town’s name, Kharagh, which corresponds to its pronunciation in Shughni (*Xaray*), instead of a more traditional spelling Khorugh, which corresponds to the Tajik version of the name (*Xoruy*).

participles, the most widely used of which is the Resultative participle, derived from the Perfect. Infinitives and participles are used in several periphrastic constructions, including inchoative, progressive, prospective and “passive” [Parker 2023: 352–356, 370–376].

The Present tense drastically differs from all other finite verb forms in its agreement system. A Present verb form consists of the verbal stem and a subject agreement suffix. In contrast, all other finite verb forms except the Imperative (Preterite, Perfect, Pluperfect) express agreement by means of clausal enclitics, which are usually positioned after the first nominal phrase [Chistiakova 2022]. Nominal predicates such as nouns, adjectives or participles employ the null copula or verb-like copular particles: the existential *yast* ‘there is’ and the universal negative *nist* ‘is not’. For agreement, nominal predicates also use clausal enclitics. More detailed descriptions of Shughni verb morphosyntax, including verbal stems, agreement and periphrastic constructions can be found in grammars [Karamshoev 1963; Parker 2023] or in the article [Melenchenko 2023: 122–124].

3. Data and methodology

Pear Film is a short film designed at the University of California in Berkeley in 1975. It was created for a project aimed at studying cultural and linguistic differences manifested in specific properties of the narratives [Chafe (ed.) 1980: xi–xv]. Speakers of different languages were asked to watch the film and then retell its plot to a different speaker who had not seen the film. None of the characters in the film speak to each other so the experiment is easily reproduced for different languages. The narratives of these speakers were recorded, transcribed and analyzed. Several studies that used the results of the project were published in a highly influential collective monograph [Ibid.]. The film was subsequently used by many linguists working in different fields of linguistics, including studies on reference and anaphora [Du Bois 1987; Bickel 2003], use of gestures in spoken languages [Kibrik, Fedorova 2018], speech of people with aphasia [Khudyakova et al. 2016] and schizophrenia [van Schuppen et al. 2020], audio description for blind or visually impaired people [Orero 2008; Mazur, Kruger 2012], variation and language change [Fafulas 2021; Sonnenhauser et al. 2023] and many other topics. The reason why the Pear Film is so popular is that it allegedly provides a culturally universal stim-

ulus for elicitation of spontaneous oral texts, which can then be used differently depending on the goals of the researcher.

This study uses five narrations of the plot of the Pear Film by Shughni speakers recorded by Niyaz Kireyev, Daria Ryzhova, Boris Yakubson and me during our stay in Kharagh (Shughni *Xaray*), Tajikistan, in 2023. Three consultants (R99, N75, O04) were asked to watch the film and then retell its events to another speaker. The other two speakers (A99, M91) listened to their renarration but did not watch the film themselves (A99 listened to O04's narrative, and M91 listened to N75's narrative). Then they were asked to retell the story once again to other consultants. In each session, the listeners were encouraged to ask questions during and after the story, but that happened rarely.

The following table summarizes the metadata of the speakers and their narratives. The code used to refer to the consultant consists of the first letter of their name (e.g. M) and the last two digits of their year of birth (e.g. 99). As can be seen from the table, three of the consultants were born in 1999–2004 and were around 23 years old during the experiment, another speaker was born in 1991 and was around 32 years old, and one of the speakers was born around 1975 and was around 50 years old. Three of the consultants (N75, M91, O04) were born in Kharagh, two were born in the Porshinev (*Porxinev*) community, which is located about 15 km north of Kharagh. There is no systematic research on the Porshinev variety, but it is expected that the speech of its residents is slightly different from those born in Kharagh. Currently, however, all the consultants live in Kharagh. The narratives were of different lengths with 437 clauses total; the mean length is 87 clauses.

Table 1. Data on the collected narratives and the consultants that produced them

Speaker	Source	Gender	Place of birth	Clauses
N75	watched the film	F	Kharagh	123
M91	from N75's retelling	F	Kharagh	41
O04	watched the film	F	Kharagh	100
A99	from O04's retelling	M	Porshinev	90
R99	watched the film	F	Porshinev	83

Each session of narrative retelling was filmed and recorded with lapel microphones and then transcribed, translated into Russian and glossed by several participants of the Pamir research group in HSE with the help of Shughni speakers. For the aims of this study, I divided the texts into individual clauses and annotated each clause with several labels. The principles of the annotation follow the basics of the methodology of narrative analysis proposed by W. Labov and J. Waletzky [Labov, Waletzky 1967; Labov 2013] and their application in J. Obrtelová's extensive research on narratives in Wakhi, another Eastern Iranian language of the Pamir area [Obrtelová 2017: 34–38; 2019: 142–146].

Labov and Waletzky suggest that only matrix clauses are included in the “temporal sequence” of the narrative, since dependent clauses usually denote actions outside of the main sequence of events [Labov, Waletzky 1967: 21; Labov 2013: 15]. Following Obrtelová [2019: 145], I take subordinate clauses into consideration but assign different labels to matrix and subordinate clauses in order to distinguish them. Again, following Obrtelová, I distinguish clauses with direct speech and label them separately. Sentences addressed to the listener of the story were also labeled as direct speech, since they are not part of the narrative. All the other clauses were also annotated according to the type of the predicate. The following types were distinguished: PST (Preterite), PF (Perfect), PQP (Pluperfect), PRS (Present), IMP (Imperative), COP (copula), TA (Present or copula with the clitic =*ta*), PTCP (Resultative participle with the null copula) and UNF (for unfinished clauses). Infinitives and adnominal participles were not regarded as separate clauses. Periphrastic constructions were annotated according to the tense of their auxiliary verb (e.g. a prospective construction with the auxiliary in the Present was labeled PRS).

The process of annotation faced several issues. Firstly, for Shughni, the task of delimiting clauses is sometimes problematic. Since Shughni syntax is still under-studied, it is often unclear whether a certain phrase constitutes its own clause or where the border between the two clauses is. In many cases, it is also unclear which clauses should be treated as subordinate. Many narrative passages in Shughni seemingly have a quite “flat” syntactic structure: clausal coordination in a Shughni narrative is often paralleled by subordination in the Russian translation. However, there are also clear markers of subordination, which are used almost exclusively in dependent clauses: *aga* ‘if’, *ca* ‘when, if’, (*d*)*idi* ‘that, which’, *to* ‘when,

until’ and others. In one case, even though no subordination markers are present, the verb in the Present tense clearly performs a dependent function (see similar examples in e.g. [Parker 2023: 385]) and is considered to constitute a subordinate clause.

Apart from the overall approach to narrative structure, Labov and Waletzky proposed a specific analytical framework, in which each of the clauses is assigned a certain type. Narrative clauses denote consequential events, and coordinate clauses denote events that are simultaneous with events from other clauses. These two types are claimed to constitute the foreground of the narrative and are contrasted with free clauses, which denote events that take place during the whole narrative, and restricted clauses, which denote events that take place only during some part of the narrative [Labov, Waletzky 1967: 22–28]. This framework was later further developed by many scholars, who distinguished other clause types, such as summative, informative, evaluative, etc. (see [Obrtelová 2019: 144–145]). These labels were not used in annotation, but they will be brought up occasionally in the analysis of the results, as well as some other aspects of the Labovian framework.

To provide a clearer representation of the distribution of predicate types in the narrative, I have created catplot diagrams for each of the narratives using Python modules “seaborn” [Waskom 2021] and “Plotly” [Plotly 2015]. The module “seaborn” was employed to export the diagrams into static images, and “Plotly” to export the interactive versions of the diagrams, which allow the user to read each of the clauses, its glossing and translation. Dots on the plot represent individual clauses, they are placed on the x-axis one after another, as in the narrative. Different values of the y-axis represent different clause type labels (matrix clause, subordinate clause, direct speech), whereas different predicate types (PRS, PST, COP, etc.) are shown with different colors of the dots. Examples of these diagrams are shown in Section 4.1. The code and all the resulting diagrams can be found in a GitHub repository: <https://github.com/maxmerben/shughni-narratives>.

A few remarks regarding the presentation of the text material are necessary. The Shughni examples in this article are written in the Iranistic transcription used by the Pamir research group in HSE.² Since the exam-

² The description of the transcription can be found on this webpage: <https://pamiri.online/blog/ortho>.

ples in this article are quite large, I use simplified glossing for brevity. Many morphemic divisions are not shown, and many glosses are simplified and shortened. Namely, demonstratives, which are very frequent in Shughni speech, are glossed with English words that have similar meanings. The number [2] in square brackets denotes that this demonstrative is of the medial series (2nd series). Demonstratives of the distal (3rd) series, which are more frequent, are not marked with a number [Parker 2023: 200–220]. Clause boundaries are marked with square brackets. In clauses with the null copula, the main nominal predicate is underlined. To facilitate the reader's understanding of the Shughni text, I attempted to make the English translation as literal as possible, with the Present translated as English Present Simple or Present Progressive, the Preterite as Past Simple and the Perfect as Present Perfect.

4. Analysis

This section is devoted to the analysis of the collected Pear Stories. The whole dataset of clauses in the five narratives contains 375 independent clauses and 29 subordinate clauses, which correspond to the events in the narrative. Apart from that, 33 clauses were labeled as direct speech. Among the 375 matrix clauses, there are 241 clauses with the Present tense (including clauses with the enclitic *=ta*), 61 clauses with the Preterite, 47 clauses with the null copula, 15 with the Perfect, and another 11 were not finished by the speaker.

4.1. The choice of narrative tense

As shown above, the Present is by far the most frequent form in the narratives. The reason for that is that it functions as a narrative tense in 4 out of 5 narratives. The excerpt (1), taken from the midpoint of N75's retelling, exemplifies this function of the Present tense. In R99's retelling, however, the Preterite is a narrative tense: it is used in 42 out of 67 independent clauses, while the Present is used only in 8 clauses. Figures 1 and 2 show a visual representation of two narratives: the Present-tense narrative by N75 and the Preterite-tense narrative by R99.

Fig. 1. Predicate types across N75's narrative

Fig. 2. Predicate types across R99's narrative

- (1) [Wāδ bād yi.čīz=aθ na-lūv-en],
 they then something=INT NEG-say-PRS.3PL
 [yordam di-rd kin-en],
 help he[2].OBL-DAT do-PRS.3PL
 [δūv-en di=qatī]=xu,
 pick-PRS.3PL he[2].OBL=COM=AND1
 [wam di sabad vo ribi-yen
 she.OBL he[2].OBL basket again put-PRS.3PL
 di vilisped=tī]=xu, [vid bād tīzd].
 he[2].OBL bike=SUP=AND1 (s)he[2] then go.PRS.3SG
 [Naw dūs.ik joy tīzd]=atā,
 only little place go.PRS.3SG=AND3
 [yu sar zulik bād wam žīr
 he most small then she.OBL stone
 as pūnd=tī zēzd]=xu,
 EL road=SUP take.PRS.3SG=AND1
 [δīd wam šič],
 give.PRS.3SG she.OBL now
 [vid pi wam-and ca juk-t].
 (s)he[2] UP she.OBL-LOC SUBD hit-PST
 ‘Then they [the boys] **don’t say** anything, **help** him [the protagonist], **pick**
 [the pears] with him, **put** the basket back on top of the bike, and he **leaves**.
 He only **rides** a little bit, and then the smallest one [from the boys] **takes**
 the stone from the road, the one which he **hit** [previously]’ [N75: 164–172]

What motivates different choices of the narrative tense? There is little information about this problem in sources on Shughni. According

to [Karamshoev 1963: 161], the Shughni Perfect may be used for narration in folk tales. The same is briefly mentioned in [Parker 2023: 214]. Unfortunately, there is no data on the narrative Present. While it is impossible to give a proper answer to this question with such a small and homogeneous corpus, I will address several different ideas that might be useful for further studies.

Firstly, there is the notion of the historical present, which is often evoked in discussions on tense switching and tense choice. This term conflates two different phenomena: the use of the present tense as a narrative tense and its sporadic use in an otherwise past-tense narrative [Fludernik 1991: 368; Paducheva 2010: 288]. Both phenomena can be found in the recorded Pear Stories; the first (“narrative present”) is attested in four of them and the second (“emphatic present”) is found in R99’s predominantly Preterite-tense narrative (see Section 4.3). Studies on the historical present usually focus on unexpected switches to the “emphatic” present tense and back to the past tense. According to a cross-linguistic study on verb tenses in Pear Stories [Taylor, Mauro 2011], the present tense is the most widely used strategy for retelling the Pear Film in the majority of European languages in the sample (e.g. English, French, German, Greek, Polish and many others); the study, however, provides no explanation for this fact and does not go into details on the matter.

A further complication is the presence of evidentiality in Shughni. Since the Preterite is the direct evidential past and the Perfect is the indirect evidential past, one could assume that both are used as narrative tenses in witnessed and unwitnessed narratives correspondingly. However, that is not the case. Even though perfects are traditionally thought of as intrinsically non-narrative tenses, perfects with an indirect evidential meaning may be used as the narrative tense [Dahl 1985: 138, 151–152; Verhees 2019: 108–109]. Still, languages with evidentiality systems similar to Shughni often employ other strategies and avoid using the Perfect. For example, according to Obrtelová [2019: 53–63], in Wakhi, the Preterite is used as the default narrative form for witnessed stories, and the Present is used for unwitnessed stories (usually anecdotes, legends, and folk tales). In contrast, in Sarikoli, a language related to Shughni, as well as in Tajik, the Perfect can be freely used as a narrative tense for unwitnessed stories, namely, traditional folk tales [Palmer 2016: 97–99; Nilsson 2022: 191–192].

However, it is important to distinguish conventionalized narrative genres such as folk tales and simple retelling of unwitnessed events. Several studies of narratives in different languages with evidential systems show significant variation and speakers' freedom in framing unwitnessed events; see e.g. research on Macedonian (< Indo-European) [Mushin 2000: 935] and Andi (< East Caucasian) [Verhees 2019: 125–127]). Finally, it is unclear whether the initial source of information (Pear Film) is considered to be a direct or indirect source. Languages with evidential distinctions may choose different strategies to express information acquired through phone calls, radio, TV, seen in a dream, etc. [Aikhenvald 2004: 343–354]. Interestingly, in the description of the Sarikoli Perfect, Palmer [2016: 99] explicitly states that it is used as a narrative tense when describing events in videos. The discussion of the role of evidentiality regarding tense choice in the collected narratives requires further studies on how events witnessed on a screen are perceived by Shughni speakers. It should also be noted that, while two of the narrators did not see the film themselves, it did not have a definitive impact on their tense choice; however, major differences may emerge in a study based on a larger sample. Thus, the choice of the narrative tense requires further research. Yet, the collected material allows us to make some inferences about tense switching.

4.2. Tense switching: Present to Preterite

Even though the majority of independent clauses in four out of five narratives use a Present verb form, in each of them there is at least one instance of a Preterite form used in a matrix clause outside of direct speech. There are eight such switches in total. Some of these switches have a “deictic” function: they are used to refer to previous events of the narrative that for some reason need to be brought up again. In (2), N75 used the Preterite to highlight a potential past event that could but did not happen. While this function of the Preterite may seem trivial, it is important to remember that Shughni has two past tenses. In examples such as (2), the speaker chooses the Preterite instead of the Perfect to highlight that the event was perceived directly by the speaker (see Section 4.4 for a discussion of the parallel use of the Perfect for unwitnessed events).

- (2) [Wam di-rd *dākiṣt*]=xu,
 she.OBL he[2].OBL-DAT give.PRS.3SG=AND I

[*bād id ik.di.yec bād wev-ard*
 then (s)he[2] before then they.OBL-DAT
na-dākčūd nok=atā,
 NEG-give.PST pear=AND3
 [*idi wi šlāpa yod*]=xu,
 COMPL he.OBL hat carry.PST=AND1
 [*bād yu ara dūnā nok zēzd*]...
 then he three unit pear take.PRS.3SG
 ‘He [one of the boys] **gives** it [the hat] to him [the protagonist], and before [he] **didn’t give** them pears, but when he **brought** [him] his hat, he **takes** three pears...’ [N75: 95–98]

In (3), A99 apparently noticed that the listener was confused by something, so he stopped the narrative sequence to explain what he thought caused the confusion: that *yu* ‘he’ was just a stranger (the reference might be to the man with the donkey who passed near the pear picker), and he did not play an important role in the story. In his explanation, A99 used the Preterite to refer to past events. After the confusion has been cleared, the story goes on in the Present tense.

- (3) ...[*yi čorik markab=qati naŷjīst yam.va*],
 INDEF man donkey=COM pass.PRS.3SG there
 [*yu naŷjīst*], [*yu sof xu.rd.aθ ānjā*]
 he pass.PRS.3SG he only simply there
naŷjīst=xu, [*tayor*]=at...
 pass.PRS.3SG=AND1 finished=AND2
 <...>
 ...Ūn, [*di zulikak, yu velik=qati*].
 yes he[2].OBL small_child he bike=COM
 [*Di polni ribi-yen, fukaθ*].
 he[2].OBL full put-PRS.3PL all
 [*Yu tūyd*], [*yu sof xu.rd.aθ*...]
 he go.PST.M he only simply
popūtčik vud. [*Yu tūyd*]=atā,
 stranger be.PST.M he go.PST.M=AND3
 [*id zulikak dam ribīzd*...]
 (s)he[2] small_child she[2].OBL put.PRS.3SG
 ‘...there **passes** a man with a donkey, he **passes**, he just **passes** there, and that’s it... <...> ...Yes, that child, he is with a bike. He **fills** the basket... (notices

the listener's confusion) He [the man with a donkey] **left**, he simply... [he] **was** a stranger³. He **left**, and [then] the child **puts**...' [A99: 23–26, 36–41]

An interesting instance of tense switching in (4) apparently happened due to priming by the listener, who interrupted O04's narration with two Preterite-tense clauses. In her reply, O04 copies the tense used in the question but then switches back to the Present continuing the story.

- (4) **Speaker:** [*Bād yu yal padam=āj*
 then he still there=DIR
sifint]=at, [*azam.aθ yi.ga...*
 climb.PRS.3SG=AND2 from there another
Listener: [*Dev mūn-en=i fuk ar sabad*
 those[2] apple-PL=3SG all DOWN basket
lākčūd]=xu, [*bād sifid=o*]?
 let.PST=AND1 then climb.PST.M=Q
Speaker: [*Mūn nay*], [*nok*]. *Ūn*, [*wev=i*
 apple no pear yes they.OBL=3SG
fukaθ lākčūd]=xu, [*bād sifid*].
 all let.PST=AND1 then climb.PST.M
[Aro yu yal sifint...]
 HEZ he still climb.PRS.3SG
S: 'He **climbs up**, and from there...'
L: 'He **left** the apples in the basket and then **left**?'
S: 'Not apples, pears. Yes, [he] **left** them all, and **climbed up**.
 So, he **climbs up**...' [O04: 18–23]

A curious observation is that out of eight switches to the Preterite, four (including the one above) happen with the verb *sifidow* 'climb up' (5). Three of them describe the pear picker climbing back onto the tree at the beginning of the film (R99 also uses the Preterite form *sifid* here, although that is of course not a tense switch), and another instance (A99) describes the boy getting up after the bike crash. It is unclear how such a high frequency of the Preterite switches for this particular form can be explained.

³ It seems here that A99 was looking for a word that meant 'stranger' and decided to switch to Russian to use the word *popūtčik*, which, however, means 'travel companion'.

- (5) [Auyũn=en yam.and pur]=atã,
 two=3PL there full=AND3
 [yu=yi wam yi.ga yi.lāv aram čūd]=xu,
 he=3SG she.OBL other a_little there do.PST=AND1
 [bād sifid vo],
 then climb.PST.M again
 [vo sifid pi wam daraxt].
 again climb.PST.M UP she.OBL tree
 [Sifid pi wam daraxt]=xu,
 climb.PST.M UP she.OBL tree=AND1
 [qaroraθ — na gāp δūd],
 silently NEG word give.PRS.3SG
 [na yi.čīz] — [nok δūv-d].
 NEG something pear pick-PRS.3SG
 ‘Two [baskets are already] full, and he **put** a few [pears] in the other [basket], then **climbed up** again, again **climbed up** on the tree. **Climbed up** on the tree, and silently— **does not say** a word or anything— **picks** pears.’ [N75: 19–25]

4.3. Tense switching: Preterite to Present

Among the five retellings, there is one (R99) in which the Preterite functions as the narrative tense. Nevertheless, at some points in the story, R99 unexpectedly switches to the Present tense. Scholars usually theorize that switches to the historical present may express a “turn of events”: surprising, memorable events, the result of a character’s actions, introduction and description of new entities and characters [Fludernik 1991: 368–376; Thoma 2011], but other functions have been suggested for different languages and text genres as well (see [Johnstone 1987; Leith 1995; Louro, Ritz 2014]).

R99’s narrative contains five switches to the Present tense. Apparently, the Present form is used to explicitly mark an imperfective event. In excerpt (6), taken from the end of the narrative, this form is used to describe several simultaneous actions: the pear picker is sitting and thinking, while the boys are “showing off” (this line probably refers to one of the boys playing with his ping-pong toy) and eating pears. However, the reasons for the sudden interruption of the sequence of Present-tense clauses by the Preterite form *načjīd* ‘passed’ are unclear. Apart from Present-tense verb forms,

this example also features the Present-tense negative copular particle *nist*, which reflects the temporal perspective of the pear picker (‘[now] one of the baskets is gone’).

- (6) ...[*yu=yi... du sabad pur čũ*]=*yatā*,
 he=3SG two basket full do.PST=AND3
 [*yi.ga sabad xoli vad*],
 other basket empty be.PST.F/PL
 [*yā=yi sabad nist*]. [*Yu yal nīθt*],
 she=3SG basket be.NEG he still sit.PRS.3SG
 [*čurt δīd*]=*at*,
 thought give.PRS.3SG=AND2
 [*dāδ bačgala noz-en*]=*at*,
 they[2] children show_off-PRS.3PL=AND2
 [*naǰǰīd=en*], [*kayũn xen*]=*at*,
 pass.PST=3PL pear eat.PRS.3PL=AND2
 ī... [*yed.and bād tayor suf*].
 and there[2] then finished become.PST.M
 ‘(He knew that) he... **filled** two baskets, and another one **was** empty, [and now] that basket **is not** [there]. He **is** still **sitting, thinking**, and those children are **showing off**, they **passed by**, [they are] **eating** pears, and... that **was** the end.’ [R99: 67–75]

Other instances of the Present occur in a single clause; nevertheless, they also denote lasting events. In (7), where R99 introduces the girl, she says that the girl was riding the bike on the same road and then describes the same scene again, suddenly using the Present tense. Apparently, in doing so, she references the long shot of the two kids riding towards each other that appears in the Pear Film.

- (7) [*Aro, pis pũnd-aθ=atā, yi.ga yac-ak*
 HEZ GOAL road-ADV=AND3 other girl-DIM
azam yat aro, velosiped=qati aro],
 from_there come.PST HEZ bike=COM HEZ
 [*tar yakdigar=aǰ yal ti-yen=atā*].
 EQ each_other=DIR still go-PRS.3PL=AND3
 [*Yā yac-ak dis.ga xāy*],
 she girl-DIM so pretty
 [*wam yũnǰ-ak daroz-aθ wīč-in-aθ*].
 she.OBL hair-DIM long-ADV weave.PF-PTCP-ADV

[Aro yu=yi koroči wam wīn-t],
 HEZ he=3SG HEZ she.OBL see-PST
 [yu=yi wam wīn-t]=xu,
 he=3SG she.OBL see-PST=AND1
 [xu uχ=i binēs-t], [fām-t=at=o]?
 REFL mind=3SG lose-PST understand-PST=2SG=Q
 [Bād, mi.ti aray sabad yam.and]=atā...
 then there three basket there=AND3

‘So, on the road, another girl **went**, on a bike, they **are** still **riding** towards each other. And that girl [is] very pretty, her long hair braided. So, then he **saw** her, he **saw** her and **lost** his mind, you **understood**? So, [there are] three baskets there...’ [R99: 25–28]

Another instance of a Present-tense switch occurs when R99 describes what the protagonist sees after the bike crash (8). The tense switch seems to play a similar role here. This scene in the film is deliberately static, and the viewer does not see the boys coming. The protagonist raises his head from the ground and finds the boys already standing there and looking at him. Examples (7) and (8) fit the apt observation which E. V. Paducheva [2010: 289–290] has formulated for Russian: Present-tense switches can be used to introduce a static “background” for the following events. Similar functions of the Present tense are attested in the Vakh dialect of Northern Khanty [Urmanchieva 2021: 299–309].

- (8) [Yu wi kayūn fukaθ taxirm sut].
 he he.OBL pear all scattered become.PST.M
 [Bād wi-nd aram yam.and aray=ga
 then he.OBL-LOC there there three=ADD
 wi doδ=ga bačgalā-yak-en
 he.OBL measure=ADD children-DIM-PL
 ik.dis=ga]... [bačamard-aθ=en, wiriv3-in]...
 such=ADD strong-ADV=3PL stand.PF.F/PL-PTCP
 [aro tar wi čis-en].
 HEZ EQ he.OBL look-PRS.3PL
 ‘All his pears **became** scattered. Then there are also three children of his age... [they’re] fit, [they’re] standing [there]... looking at him.’ [R99: 39–42]

The particle *yāl*, translated in the dictionary [Karamshoev 1988] as ‘still, while’, which appears with the first instance of the Present-tense clause

in both of these examples, seems to play an important role in the explicit marking of imperfectivity. In (6), it is possible to imagine a literal interpretation of this word ('while the pear picker is sitting and thinking, the kids are passing by [and] eating pears'), but in the context of (7) neither 'still' nor 'while' seem to be fitting translations for it. Apart from (6) and (7), *yal* is used in another Present-tense context in R99's retelling. This property of *yal* was briefly noted in [Melenchenko 2023: 127, 129] but requires further research.

Overall, *yal* is used 19 times in the collected Pear Stories, at least once in each person's narrative. 14 instances occur in Present-tense clauses, 2 with the Perfect, 1 with the Preterite, 1 with the null copula, 1 in an unfinished clause. Analysis of the Present-tense contexts shows that, indeed, *yal* is regularly used to contextualize other perfective events in relation to lasting imperfective events. Examples (9) and (10) present clear cases of such use. Note that *yal* appears in clauses with coordinating enclitics =*at* and =*atā* in (6), (7), (9), and (10): these conjunctions, in contrast to another coordinator, =*xu*, are used for simultaneous events⁴.

- (9) [Po putī yu yal tīzd]=*atā*,
 on way he still go.PRS.3SG=AND3
 [yak.čand nok woŋ-en]...
 few pear fall-PRS.3PL
 'On [protagonist's] way, while he **is riding**, several pears **fall**...' [O04: 36–37]
- (10) [Bād padam yal jām kiŋt]=*at*,
 then there still collected do.PRS.3SG=AND2
 [yīw az wi woŋt ar zimāδ]...
 one EL he.OBL fall.PRS.3SG DOWN ground
 'Then, while he [the pear picker] **is picking** [the pears], one of them **falls** on the ground...' [A99: 8–9]

4.4. Perfect

In the collected Pear Stories, Shughni speakers rarely used the Perfect tense. In sum, Perfect forms occur in 15 matrix clauses out of 375. Cross-

⁴ According to C. Parker [2023: 439–440], =*at* is used for simultaneous events, while =*atā* is used for contrasting events ('but'). Fieldwork conducted by Polina Padalka and me in 2024 shows that both conjunctions are used interchangeably in both types of contexts, and the semantic differences between them are vague. Anyway, both types of contexts actually presuppose simultaneity of events in most cases.

linguistically, perfects are often used in narratives for “backgrounding”, e.g. for events that happened before the main narrative [Bybee et al. 1994: 62]. Backgrounding usually occurs in the beginning of the narrative, where the narrator sets the scene for the forthcoming plot, and often within the narrative itself. Such uses are attested in many languages. Pamir languages are no exception: the “backgrounding” function of the perfect tense is attested in Sarikoli [Palmer 2016: 98] and Wakhi [Obortelová 2017: 65–66].

Use of the Shughni Perfect in narratives has been briefly described in [Melenchenko 2023: 132–134]. Occurrences attested in the Pear Stories generally seem to support the same conclusions, which I will shortly reintroduce here with corresponding examples. For example, M91’s retelling begins with at least 6 matrix clauses⁵, in which she outlines the setting of the future plot, describing what, in her view, happened before the beginning of the actual story, which uses the Present (11).

- (11) [Ruzo **vud** *idi*], [yi *čorik=i* **siftōj**
 one_day be.PST.M COMPL INDEF man=3SG climb.PF.M
pi daraxt=xu, pi xu boγ=and]=xu,
 UP tree=AND1 UP REFL garden=LOC=AND1
*[xuśrūy boγ wi-nd **vuđj**, yulā boγ]*=xu,
 beautiful garden he.OBL-LOC be.PF.M big garden=AND1
*[yu **siftōj** *pi daraxt=xu*], [xoyiχ=i **čūj**,
 he climb.PF.M UP tree=AND1 wish=3SG do.PF
 <...> [*Bād=i zočč*,
 then=3SG take.PF
*[padam **siftōj**]=xu, [bād=i **čūčč**
 there climb.PF.M=AND1 then=3SG look.PF
idi], [*čiz yam.and vaz=ga vīšč-in*
 COMPL thing there goat=ADD tie.PF-PTCP
 <...> [*Bād azam=ti **xāfct**...*
 then from_there=SUP get_down.PRS.3SG**

‘There **was** a day, one man **has climbed up** on the tree, in his garden, and there **has been** a beautiful garden of his, a large garden, and he **has climbed up** on the tree, he **has wanted** (from the pear tree... you know, for himself.) Then he **has taken, has climbed up** there and **has seen** that there is also

⁵ It is unclear whether the second clause should be considered subordinate (since there is a complementizer *idi*) or matrix (since the first clause represents a formulaic narrative introduction).

a goat tied <to another tree, near the tree that he has climbed on, nearby.>
Then he **gets down** from there...' [M91: 1–12]

Excerpt (12) is an example of backgrounding in the middle of the narrative. The film begins with the pear picker already standing on the ladder, and the speaker did not see him climbing up. So, to refer to the event of climbing up, N75 switches to the Perfect, since it is an event that happened before the beginning of the narrative.

- (12) [Čorik pi diraxt aro nok **đũv-d**]. <...>
man UP tree HEZ pear pick-PRS.3SG
[yu wi ar xu fārtuk darūn **đũv-d**].
he he.OBL DOWN REFL apron inside pick-PRS.3SG
Atā [pi diraxt yu xubaθ **na-sifđj**].
AND3 UP tree he REFL NEG-climb.PF.M
[yu **sifđj** padam čiz=qati]...
he climb.PF.M there thing=COM
[narvünd=qati padam **sifđj**].
ladder=COM there climb.PF.M
'A man picks **pears** from the tree. <He picks pears, yeah... the pears he picks, since there is nothing else [to put them in],> he **picks** them into his apron. And he **hasn't climbed up** on the tree himself, he **has climbed** with this thing... **has climbed** with the ladder' [N75: 11–14]

The importance of the evidential meaning of the Perfect is shown in example (13). This context cannot be explained simply by backgrounding: the stealing of the pears happened in the film and was actually witnessed by the speaker. However, the speaker uses the Perfect because he adopts the perspective of the pear picker, who has not seen his basket being stolen and finds it missing only after getting down from the tree. These examples show the interplay of the narrative function of backgrounding and the indirect evidential meaning of the Perfect. All three examples can be explained by indirect evidentiality: from the viewer's perspective in case of (11) and (12) and from a character's perspective in case of (13).

- (13) ...[čost], [yam.and i.ga xoli]=yatā,
look.PRS.3SG there other empty=AND3
[yā yi.ga **nist**]. [Wam=en zoǰ-č]...
she other be.NEG she.OBL=3PL take-PF

‘...[the pear picker] **looks**, one [basket] there [is] empty, and another **is not** [there]. [They] **have taken it...**’ [A99: 58–61]

Several additional remarks are necessary to conclude the section devoted to the Perfect. There is one instance of the stative use of the Perfect tense with the verb *nīstow* ‘sit’ (see [Melenchenko 2023: 127–129] on stative Perfects). There is also one use of the Perfect which I cannot explain with the current knowledge about tense semantics in Shughni (14), since the event was witnessed. Some studies suggest that indirect evidentials can perform an opposite function of foregrounding, highlighting important events [Aikhenvald 2004: 316–318; Verhees 2019: 128], but it is unclear whether this context is a case of foregrounding. A more plausible explanation would suggest that *ribūyǝ* here is an instance of a stative Perfect, but unfortunately, I do not know if it belongs to the class of stative verbs in Shughni.

- (14) [yā=ga dis yulā=yaθ]=at...
 she=ADD such big=ADV=AND2
 [yu=yi ribūyǝ=ga xu čiz=ti wam...
 he=3SG put.PF=ADD REFL thing=SUP she.OBL
 ‘She [the basket is] so big... And he **has put** it on his thing... (on his bike).’
 [R99: 19–20]

4.5. Null copula

An interesting property of Shughni narratives is the prominence of the null copula. The Present tense of the verb *vidow* ‘be’ is used only in irrealis contexts and is therefore rare in texts (there are zero instances in the collected Pear Stories). In realis contexts, the functions of the verb of being are fulfilled by the null copula and the second-position agreement clitics⁶. In the collected texts, the null copula appears in 47 clauses, which makes up about 13% of all the clauses. The null copula is used, in Labovian terms, in restricted and free clauses, i.e. in clauses that comment on states that hold true at least for some section of the narrative.

It is especially curious that the null copula is frequent in R99’s narrative, whose narrative tense is the Preterite. In R99’s retelling, it usually corresponds to the verb ‘be’ in the past tense in the Russian translation,

⁶ An alternative view is that the agreement clitics *are* copulas, see e.g. [Parker 2023: 265–272].

and literal translation of such excerpts with the Russian null copula often sounds strange. The Shughni clauses with the null copula seem to be able to interrupt narrative sequences with any tense. This can be seen in examples (3), (5) and (11) with Present-tense narratives, but note especially example (7), where R99 uses the null copula in the middle of her Preterite-tense narration. (15) shows another excerpt of this kind, where both the null copula and the negative copula *nist* appear.⁷

- (15) [Čūd=i gīr], atā [yu virod-ik
do.PST=3SG fixed AND3 he brother-DIM
pi xu daraxt], [yu yam-aθ **nist**].
UP REFL tree he SORROW-ADV be.NEG
[Aro yu zulikak **yaf**]=xu...
HEZ he small_child come.PST=AND1
‘[The boy on the bike] **stopped**, and the guy [the pear picker is] on his
tree, he **is not** bothered. So, the child **came** and...’ [R99: 14–17]

5. Conclusions

In this article, I have attempted to show that Pear Stories can be useful for studying how Shughni tenses function in narratives. In four out of five Pear Stories, Shughni speakers used the Present as the main narrative tense, another speaker used the Preterite. The choice of the narrative tense requires further research on a larger sample. However, all speakers used both the Present and the Preterite to some extent. In Present-tense narratives, the Preterite and the Perfect are used to refer to events that precede the current moment in the story. The Preterite is employed when the event was a part of the narrative or was witnessed by the narrator or the characters. On the other hand, the Perfect refers to past events that happened “outside” of the narrative. The indirect evidential meaning of the Perfect tense correlates with its backgrounding function.

In the Preterite-tense narrative, the speaker often switches to the Present to refer to an imperfective event. The particle *yāl* ‘still, while’, which is often used in Present-tense clauses, highlights that other events are happening during this event. It was observed that even in the Preterite-tense narrative, the speaker often uses the null copula instead of the Preterite

⁷ Nominal predicates with null copulas are underlined.

form of the verb of being, which indicates that the null copula is to some extent “tenseless” in narratives. Tense switching allows the speakers to navigate the discourse and make the events of the story easier to understand for the listener.

Abbreviations

[2] — demonstratives of the 2nd (medial) series; ADD — additive; ADV — adverbializer; AND1, AND2, AND3 — coordinating conjunctions; COM — comitative; COMPL — complementizer; COP — copula; DAT — dative; DIM — diminutive; DIR — directive (‘towards’); DOWN — essive with the spatial meaning ‘down there’; EL — elative; EQ — essive with the meaning ‘on the same level’; F — feminine; GOAL — goal; HEZ — hesitation markers; IMP — Imperative; INDEF — indefinite article; INT — intensifier; LOC — locative; M — masculine; NEG — negation; OBL — oblique case; PF — Perfect; PL — plural; PQP — Pluperfect; PRS — Present; PST — Preterite; PTCP — Resultative participle; Q — question enclitic; REFL — reflexive; SG — singular; SUBD — subordinating conjunction; SUP — superessive; TA — Present or copula with the clitic =*ta*; UNF — unfinished clause; UP — essive with the meaning ‘up there’.

References

- Aikhenvald 2004 — A. Yu. Aikhenvald. *Evidentiality*. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Bickel 2003 — B. Bickel. Referential density in discourse and syntactic typology. *Language*. 2003. Vol. 79. No. 4. P. 708–736. DOI: 10.1353/lan.2003.0205.
- Bybee et al. 1994 — J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. *The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago: The University of Chicago Press, 1994.
- Chafe (ed.) 1980 — W. L. Chafe (ed.). *The pear stories: Cognitive, cultural, and linguistic aspects of narrative production*. Norwood: Ablex, 1980.
- Chistiakova 2022 — D. G. Chistiakova. Sintaksicheskiye i semanticheskiye svoystva klitiki *i* v shugnanskom yazyke [Syntactic and semantic properties of the clitic *i* in Shughni]. *Vestnik RGGU* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities]. 2022. No. 5. P. 67–91.
- Dahl 1985 — Ö. Dahl. *Tense and aspect systems*. Oxford: Basil Blackwell, 1985.
- Du Bois 1987 — J. W. Du Bois. The discourse basis of ergativity. *Language*. 1987. Vol. 63. No. 4. P. 805–855. DOI: 10.2307/415719.
- Edelman, Dodykhudoeva 2009 — J. Edelman, L. Dodykhudoeva. The Pamir languages. G. Windfuhr (ed.). *The Iranian languages*. London; New York: Routledge, 2009. P. 773–786.

- Fafulas 2021 — S. Fafulas. Variation of the simple present and present progressive: Peruvian Spanish, 'Pear Story,' and language contact, oh my! M. Díaz-Campos (ed.). *The Routledge handbook of variationist approaches to Spanish*. London; New York: Routledge, 2022. P. 328–344.
- Fludernik 1991 — M. Fludernik. The historical present tense yet again: Tense switching and narrative dynamics in oral and quasi-oral storytelling. *Text – Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse*. 1991. Vol. 11. No. 3. P. 365–398. DOI: 10.1515/text.1.1991.11.3.365.
- Fludernik 2012 — M. Fludernik. Narratology and literary linguistics. R. I. Binnick (ed.). *The Oxford handbook of tense and aspect*. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 75–101. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780195381979.013.0002.
- Johnstone 1987 — B. Johnstone. 'He says ... so I said': Verb tense alternation and narrative depictions of authority in American English. *Linguistics*. 1987. Vol. 25. No. 1. P. 33–52. DOI: 10.1515/ling.1987.25.1.33.
- Karamshoev 1963 — D. K. Karamshoev. *Badzhuvskiy dialekt shugnanskogo yazyka* [Bajuwi dialect of Shughni]. Dushanbe: Academy of Sciences of Tajik SSR, 1963.
- Karamshoev 1988 — D. K. Karamshoev. *Shugnansko-russkiy slovar* [Shughni-Russian dictionary]. In 3 vols. Vol. I. Moscow: Nauka, 1988.
- Khudyakova et al. 2016 — M. Khudyakova, M. Bergelson, Y. Akinina, E. Iskra, S. Toldova, O. Dragoy. Russian CliPS: A Corpus of Narratives by Brain-Damaged Individuals. D. Kokkinakis (ed.). *Proceedings of LREC 2016 Workshop. Resources and Processing of Linguistic and Extra-Linguistic Data from People with Various Forms of Cognitive/Psychiatric Impairments (RaPID-2016)*. Linköping: Linköping University Electronic Press, 2016. P. 22–26.
- Kibrik, Fedorova 2018 — A. A. Kibrik, O. V. Fedorova. An empirical study of multichannel communication: Russian Pear chats and stories. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey Shkoly Ekonomiki* [Psychology. Journal of Higher School of Economics]. 2018. Vol. 15. No. 2. P. 191–200. DOI: 10.17323/1813-8918-2018-2-191-200.
- Labov, Waletzky 1967 — W. Labov, J. Waletzky. Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience. J. Helm (ed.). *Essays on the verbal and visual arts*. Seattle; London: University of Washington Press, 1967. P. 12–44.
- Labov 2013 — W. Labov. *The language of life and death: The transformation of experience in oral narrative*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. DOI: 10.1017/CBO9781139519632.
- Leith 1995 — D. Leith. Tense variation as a performance feature in a Scottish folktale. *Language in Society*. 1995. Vol. 24. No. 1. P. 53–77.
- Louro, Ritz 2014 — C. R. Louro, M.-E. Ritz. Stories down under: Tense variation at the heart of Australian English narratives. *Australian Journal of Linguistics*. 2014. Vol. 34. No. 4. P. 549–565. DOI: 10.1080/07268602.2014.929080.

- Mazur, Kruger 2012 — I. Mazur, J.-L. Kruger. Pear Stories and audio description: Language, perception and cognition across cultures. *Perspectives*. 2012. Vol. 20. No. 1. P. 1–3. DOI: 10.1080/0907676X.2012.633769.
- Melenchenko 2023 — M. G. Melenchenko. Evidentsialnyy perfekt v shugnanskom yazyke [Evidential perfect in Shughni]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the study of language]. 2023. No. 6. P. 120–137. DOI: 10.31857/0373-658X.2023.6.120-137.
- Melenchenko 2025 — M. G. Melenchenko. Plyuskvamperfekt v shugnanskom i drugih pamirskikh yazykakh [Pluperfect in Shughni and other Pamir languages]. *Indoiranskie yazyki* [Indo-Iranian Languages]. 2025. Vol. 1. No. 1. P. 50–88. DOI: 10.30842/30346800.2025.1.1.4.
- Mushin 2000 — I. Mushin. Evidentiality and deixis in narrative retelling. *Journal of Pragmatics*. 2000. Vol. 32. No. 7. P. 927–957. DOI: 10.1016/S0378-2166(99)00085-5.
- Nilsson 2022 — A. Nilsson. *Evidentiality in Tajik*. PhD thesis. Uppsala: Uppsala University, 2022.
- Obrtelová 2017 — J. Obrtelová. *Narrative structure of Wakhi oral stories*. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, 2017.
- Obrtelová 2019 — J. Obrtelová. *From oral to written: A text-linguistic study of Wakhi narratives*. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, 2019.
- Orero 2008 — P. Orero. Three different receptions of the same film: ‘The Pear Stories Project’ applied to audio description. *European Journal of English Studies*. 2008. Vol. 12. No. 2. P. 179–193. DOI: 10.1080/13825570802151454.
- Paducheva 2010 — E. V. Paducheva. *Semanticheskiye issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; semantika narrativa* [Semantic studies: Semantics of tense and aspect in Russian; semantics of narrative]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2010.
- Palmer 2016 — T. S. Palmer. *Verbal morphology and grammatical aspect in Sarikoli*. PhD thesis. Grand Forks: University of North Dakota, 2016.
- Parker 2023 — C. Parker. *A grammar of the Shughni language*. PhD thesis. Toronto: McGill University, 2023.
- Plotly 2015 — Plotly Technologies Inc. *Collaborative data science*. Montréal: Plotly Technologies Inc., 2015. Available at: <https://plot.ly> (accessed on 29.05.2024).
- Sonnenhauser et al. 2023 — B. Sonnenhauser, B. Ismajli, P. Widmer. Pairing peers and pears: Changing conventions of Gheg Albanian heritage speakers. *Language Dynamics and Change*. 2023. Vol. 13. No. 2. P. 277–302. DOI: 10.1163/22105832-bja10027.
- Taylor, Mauro 2011 — Ch. J. Taylor, G. Mauro. The Pear Tree Project: A geographico-statistical and linguistic analysis. *Perspectives*. 2011. Vol. 20. No. 1. P. 25–41. DOI: 10.1080/0907676X.2011.632689.
- Thoma 2011 — Ch. A. Thoma. The function of the Historical Present tense: Evidence from Modern Greek. *Journal of Pragmatics*. 2011. Vol. 43. No. 9. P. 2373–2391. DOI: 10.1016/j.pragma.2011.03.003.

- Urmanchieva 2021 — A. Yu. Urmanchiyeva. Ispolzovaniye glagolnykh form dlya strukturirovaniya narrativa i markirovaniya tekstov razlichnykh zhanrov v dialektakh khantyyskogo [Use of verb forms for structuring the narrative and marking text genres in Khanty dialects]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2021. Vol. 17. No. 3. P. 287–323. DOI: 10.30842/alp23065737173287323.
- Verhees 2019 — S. Verhees. *Evidentiality as part of tense-aspect in East Caucasian languages*. Candidate thesis. Moscow: HSE University, 2019.
- van Schuppen et al. 2020 — L. van Schuppen, K. van Krieken, J. Sanders. Variations in viewpoint presentation: The ‘Pear Story’ as told by people with a schizophrenia diagnosis. *Open Library of Humanities*. 2020. Vol. 6. No. 2. P. 1–43. DOI: 10.16995/olh.487.
- Waskom 2021 — M. L. Waskom. Seaborn: Statistical data visualization. *Journal of Open Source Software*. 2021. Vol. 6. No. 60. P. 3021. DOI: 10.21105/joss.03021.

Получено/received 26.08.2024

Принято/accepted 07.12.2025

Реализация звонких смычных в современном осетинском языке

В. Т. Дзахова

Институт истории и археологии Республики Северная Осетия —
Алания; Северо-Осетинский государственный университет
имени К. Л. Хетагурова (Владикавказ, Россия);
tambi69@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8767-8177

Аннотация. В статье анализируются слова иронского диалекта осетинского языка с целью выяснения того, каким позиционным и комбинаторным изменениям подвержены осетинские звонкие смычные согласные. В частности, рассматривается произношение согласных, обозначенных на письме буквами *б*, *д*, *г*. Инструментальный анализ, осуществленный в полуавтоматическом режиме в программе Praat, позволил установить, что в конечной позиции согласные *д* и *г* реализуются как глухие /t/ и /k/ соответственно. Согласный *б* в этой позиции не встречается. В середине слов звонкие оглушаются факультативно, для чего пока не удалось установить закономерности.

Ключевые слова: осетинский язык, орфоэпия, ассимиляция, оглушение

Для цитирования: Дзахова В. Т. Реализация звонких смычных в современном осетинском языке // Индоиранские языки. 2026. 2(1). С. 100–128.

DOI: 10.30842/30346800.2026.2.1.6

Realization of voiced plosives in modern Ossetic

Veronika T. Dzakhova

Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia —
Alania; North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov
(Vladikavkaz, Russia); tambi69@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8767-8177

Abstract. The article presents an analysis of Ossetic words aiming to identify positional and combinatorial changes in Ossetic voiced plosive consonants. Specifically, it examines the pronunciation of the consonants represented in writing by the letters *б* /b/, *д* /d/, and *г* /g/. The analysis employs instrumental methods and is conducted semi-automatically by using Praat. The findings indicate that

in the word-final position, the consonants /d/ and /g/ are realized as their voiceless counterparts /t/ and /k/, respectively. The consonant /b/ does not occur in this position. In medial positions, the voiced consonants may undergo optional devoicing, although no consistent patterns have yet been identified. The fact that the causes of consonant voicing/de-voicing have not yet been determined for all positions, suggests that the voicing/de-voicing of a consonant is conditioned not only by its linear position in a word (beginning, middle, end), but also by other factors such as its position relative to the stress, the number of syllables in the word, the frequency of the word, and whether the word belongs to the native or borrowed vocabulary layer. Additional research is needed to identify all the factors that influence consonant realization in the Ossetic language.

Key words: Ossetic language, orthoepy, assimilation, devoicing

For citation: Dzhakhova V. T. Realization of voiced plosives in modern Ossetic. *Indo-Iranian Languages*. 2026. 2 (1). P. 100–128.

DOI: 10.30842/30346800.2026.2.1.6

1. Введение

Артикуляция смычных согласных иронского диалекта осетинского языка уже была предметом инструментального анализа [Соколова 1953; Дзахова 2008]. В частности, в работе В. С. Соколовой отмечалось, что для глухих смычных в осетинском языке существенно наличие придыхания, а для звонких — неполнозвонкость. Вместе с тем, как отмечала В. С. Соколова, в осетинском языке имеются предпосылки для того, чтобы противопоставление смычных осуществлялось не по наличию или отсутствию придыхательности, а по звонкости-глухости [Соколова 1953: 41]. Инструментальное и экспериментальное исследования, проведенные в 2008 г., выявили, что «релевантным признаком глухих согласных /p, t, k/ является глухость, а придыхательность, сопутствующая этим согласным во всех случаях, является нерелевантным признаком. Релевантным признаком звонких согласных /b, d, g/ является звонкость. Следовательно, противопоставление между этими согласными идет по линии “глухость–звонкость”, а не “придыхательность–непридыхательность”» [Дзахова 2008: 124].

Надо, однако, отметить, что пересмотру подверглись релевантные признаки смычных согласных безотносительно к их комбинаторным изменениям. Вместе с тем не вызывает сомнения тот факт, что в соседстве с другими согласными звонкие смычные могут полностью

либо частично ассимилироваться. Особенно актуально исследование ассимиляционных процессов в настоящее время, так как начата работа над составлением осетинского орфоэпического словаря для школьников [Дзахова 2024]. Данный словарь, предназначенный для использования прежде всего в учебном процессе, актуален не только для школьников, но и для их родителей, которые, в силу устойчивого билингвизма (с существенным преобладанием русского языка), испытывают порой значительные трудности в правильном произношении отдельных слов. В случае частичной ассимиляции звонких конечных согласных их следует обозначать в произносительном словаре как звонкие фонемы с соответствующими диакритическими знаками. При полной ассимиляции на месте орфографических звонких следует в транскрипции ставить знаки глухих фонем.

В настоящей статье представлены результаты анализа слов, содержащих в своем графическом облике звонкие согласные *б, д, з*. Поскольку исследование призвано ответить на вопрос, какие именно фонемы реализуются на месте графических *б, д, з*, принято решение на данном этапе по возможности избегать их фонематической транскрипции.

В разделе 2 описаны материал и методика исследования. Раздел 3 посвящен описанию результатов анализа (отдельно по каждому анализируемому согласному и по каждой позиции). В разделе 4 представлены основные выводы и перспективы дальнейшего исследования.

2. Материал и методика исследования

Материалом исследования послужили аудиозаписи слов осетинского языка, в которых смычные согласные представлены во всех возможных позициях в слове. Отбор слов происходил по согласным из осетинско-русского словаря под общей редакцией А. М. Касаева [1952]: отбирались слова, в которых анализируемые согласные представлены в начале, середине и конце слова во всех возможных сочетаниях. При этом отбирались не только заглавные слова в словарной статье, но и слова и словосочетания из примеров, поэтому некоторые анализируемые слова представлены не в начальной форме. Слова были начитаны двумя нормативными дикторами, носителями иронского диалекта осетинского языка, постоянными жителями Северной Осетии. Первый — мужчина, 50 лет, диктор радиовещания ГТРК «Алания». Второй диктор — женщина, 50 лет, лингвист, телеведущая ГТРК «Алания».

Аудиозаписи слов анализировались в программе Praat. В ходе анализа учитывались традиционные, описанные еще Л. В. Бондарко [1977] типичные конфигурации, характерные для разных групп звуков на осциллограмме. Визуализация разных звуков на динамических спектрограммах подробно описана применительно к русскому языку в [Деркач и др. 1983], а также в инструкции по работе с программой Praat, представленной на сайте Лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета¹. В частности, у глухих смычных на осциллограмме присутствует прямая горизонтальная линия, соответствующая глухой смычке (неколеблющиеся голосовые связки) до момента взрыва. Для звонких согласных моменту взрыва предшествует волнистая линия на осциллограмме, соответствующая работе голосовых связок. Взрыв регистрируется на спектрограмме высокочастотным шумом. В случае, если согласный придыхательный, после взрыва на спектрограмме визуализируется выраженный и длительный участок фрикативного шума.

В ходе анализа фиксировались общая длительность смычки и длительность ее глухой и звонкой частей (при их наличии), длительность и интенсивность взрыва (программа Praat позволяет автоматически определить интенсивность выделенного отрезка речи). В случае наличия придыхания фиксировались его длительность и интенсивность. Поскольку принципиальных отличий в реализации анализируемых согласных в произнесении двух дикторов не обнаружено, в данной статье приводятся средние значения по всем словам у одного диктора.

3. Результаты анализа

3.1. Согласный *б*

Сразу отметим, что в осетинском языке нет слов, которые бы оканчивались на согласный *б*. В связи с этим в экспериментальном материале этот согласный представлен только в начале и в середине слова.

Всего было проанализировано 86 слов с согласным *б*. В 27 словах согласный *б* встречался в начале слова перед гласным. Во всех этих

¹ Доступна по ссылке URL: <https://illa.tsu.ru/wp-content/uploads/2017/08/Vvedenie-v-akustiku-rechi.-E%60ksperimentalno-foneticheskaya-programma----Praat---.pdf> (дата обращения 01.08.2025).

случаях был реализован звонкий смычный /b/. Длительность смычки равна 0,07 с, взрыва — 0,01 с, средняя интенсивность взрыва — 64,71 dB. Ниже на Рисунке 1 представлены осциллограмма и спектрограмма начального б. На данном и всех последующих рисунках верхний слой представляет собой осциллограмму анализируемого слова. На втором слое представлена спектрограмма. Горизонтальная линия с точками на спектрограмме соответствует частоте колебания голосовых связок (частота основного тона, ЧОТ), которая измеряется в герцах. Эта линия важна при определении звонкости/глухости согласного, так как звонкие и глухие согласные отличаются работой голосовых связок при произнесении: при произнесении звонких согласных голосовые связки колеблются, при произнесении глухих — не колеблются. Однако в потоке речи, при коартикуляции звуков, колебания голосовых связок с затуханием продолжают и после завершения звонкого согласного. Может наблюдаться и другая картина: после глухого согласного колебания голосовых связок на звонком согласном или гласном могут начинаться с опозданием. Наглядно длительность и частоту колебания голосовых связок и отражает горизонтальная линия с точками на спектрограмме.

Как видно на Рисунке 1, время начала озвончения (VOT) имеет отрицательное значение, т. е. колебание голосовых связок начинается до момента размыкания смычки, в самом начале артикуляции согласного /b/. Длительность интервала от начала колебания голосовых связок до следующего гласного равна 0,08 с.

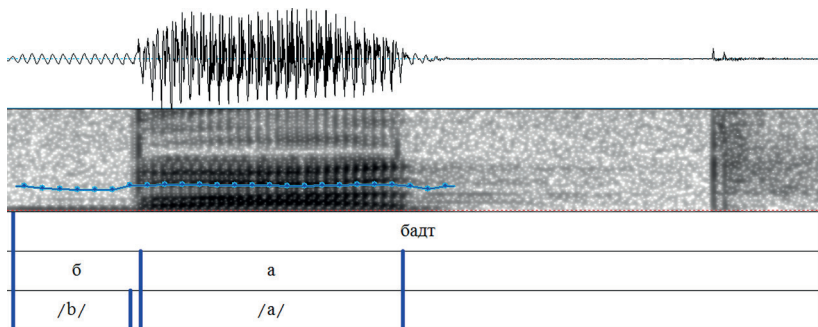

Рис. 1. Сочетание ба в слове бадт ‘сидение (действие)’

Fig. 1. The combination ba in the word badt ‘sitting’

Здесь и далее на первом слое аннотации представлено слово целиком, на втором слое анализируемый звук обозначен буквой, соответствующей ему в графике. На третьем слое представлен транскрипционный знак смычного. При этом на третьем слое смычка отделяется от взрыва. В некоторых случаях, если начальная часть смычки озвончена, она также выделяется на третьем слое. При этом отнесение переходного отрезка к гласному или согласному определялось каждый раз не по осциллограмме, а по изменению спектральной картины.

В позиции середины слова *б* встречался в интервокальной позиции 3 раза (*нарагкьубал* ‘с тонким горлом’, *сдзабабахганаен* ‘улучшение’, *харзцыбыр* ‘очень короткий’). Во всех случаях произнесен звонкий смычный /b/, средняя длительность звонкой смычки которого составляет 0,07 с, взрыва — 0,01 с, интенсивность взрыва — 66,07 dB.

После гласного перед согласным *б* встретился 5 раз (*абхазаг* ‘абхазский’, *Абхазы* ‘в Абхазии’, *ибкае* ‘юбка’, *клубтае* ‘клубы’, *микробтае* ‘микробы’). Все эти слова заимствованы из русского языка, в исконно осетинских словах *б* в такой позиции не встречается. Во всех анализируемых словах *б* находится перед глухим согласным и реализуется как глухой смычный /p/ с начальной звонкой частью смычки, см. Рисунок 2. Средняя длительность звонкой части смычки — 0,02 с, затем следует глухая часть смычки со средней длительностью 0,05 с и взрыв с длительностью 0,02 с и интенсивностью 63,22 dB.

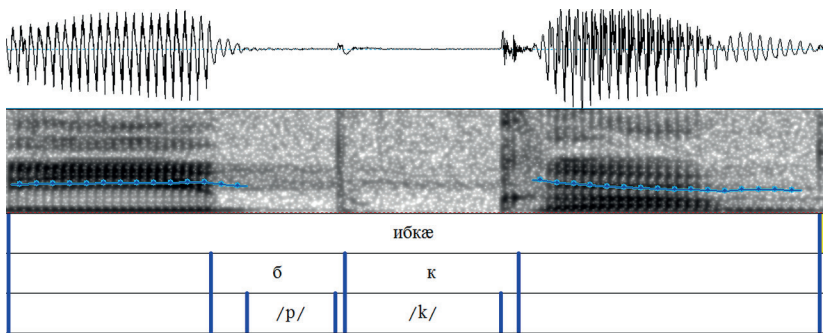

Рис. 2. Сочетание *бк* в слове *ибкае* ‘юбка’

Fig. 2. The combination *bk* in the word *ibkae* ‘a skirt’

В позиции после одного или двух согласных перед гласным *б* встретился 41 раз. В подавляющем большинстве случаев *б* находился в позиции начала второй основы в сложных словах: *сырх-бын* ‘красноватый’, *хæрз-бон* ‘прощай’ и т.д.

В большинстве случаев в данной позиции реализуется звонкий смычный /b/. Средняя длительность звонкой части смычки составляет 0,07 с, взрыва — 0,01 с, интенсивность взрыва — 66,24 dB.

В двух словах (*ихбыл* ‘ледяной край’, *исбон* ‘имущество’) начальная часть смычки была глухой, но затем следовали звонкая смычка и звонкий взрыв. Наглядно это представлено на Рисунке 3.

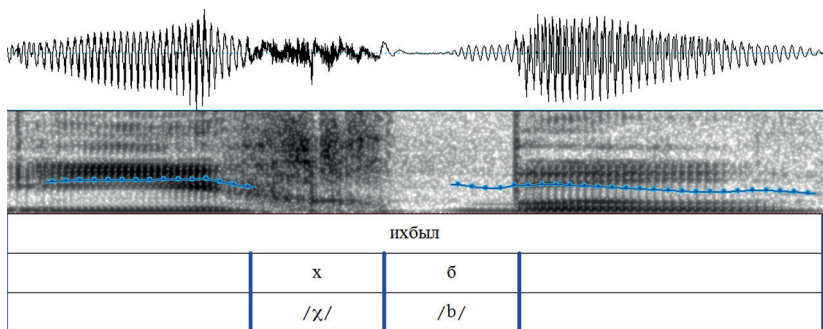

Рис. 3. Сочетание *хб* в слове *ихбыл* ‘ледяной край’

Fig. 3. The combination *xb* in the word *ixbəl* ‘an ice edge’

В словах *сбаездзына* ‘пригодишься’, *сбаæг* (*каены*) ‘обнаружить’, *цъупбаεта* ‘возвышенная местность’, *цъупбылай* ‘с возвышенного склона’ согласный, обозначенный на письме буквой *б*, был реализован как глухой смычный /p/. Объяснить, почему после *с* в слове *исбон* произнесен звонкий /b/, а в слове *сбаæг* — глухой /p/, на основании проведенного исследования трудно. В обоих случаях согласный *б* находится в позиции после шумного щелевого на стыке морфем. Возможно, роль играет позиция относительно ударного гласного: в слове *исбон* ударный гласный предшествует согласному *б*, в слове *сбаæг* — ударный гласный стоит после согласного *б*. Можно предположить также, что причиной оглушения или неоглушения согласного является слогораздел: в слове *ис-бон* согласный *б* находится в начале слога, в слове *сба-æг* — в середине слога.

В случае, когда *б* встречался после группы согласных (словосочетания *тулдз бæлас* ‘дуб’, *урс базыр* ‘белое крыло’, *къуырт бадæн* ‘на-сест’, *тыхст бон* ‘трудный день’ и др.), средняя длительность смычки составляет 0,07 с, взрыва — 0,01 с, интенсивность взрыва — 66,81 dB. Во всех случаях был реализован звонкий смычный /b/.

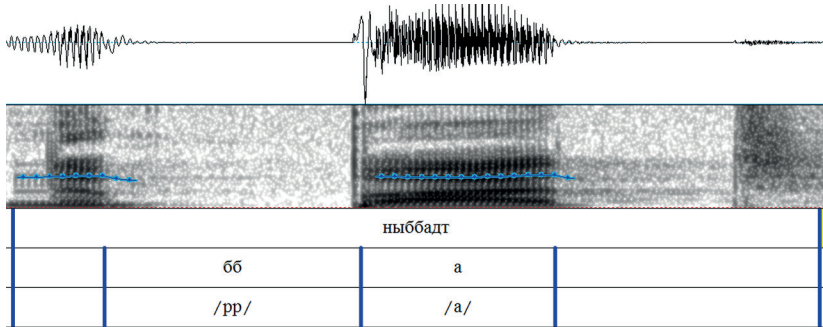

Рис. 4. Сочетание *бба* в слове *ныббадт* ‘(он) присел’

Fig. 4. The combination *bba* in the word *nəbbadt* ‘(he) sat down’

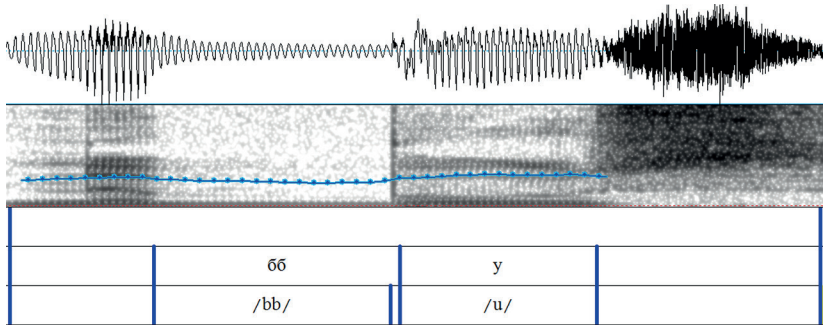

Рис. 5. Сочетание *ббу* в слове *ныббуц* (*уын*) ‘быть довольным’

Fig. 5. The combination *bbu* in the word *nəbbus* (*wən*) ‘be satisfied’

В случае геминированного *бб* после префикса *ны-* во всех анализируемых словах (их было 5), кроме слова *ныббуц* (*уын*) ‘быть довольным’, произнесен глухой смычный /p/ (Рисунок 4). В слове *ныббуц* произнесен звонкий /b/ (Рисунок 5). Позиция после префикса *ны-* характеризуется тем, что согласные удваиваются. Получается

ситуация, когда, с одной стороны, геминированные звонкие смычные оглушаются (что было подтверждено экспериментально, см. [Каболова 1995]), с другой стороны, в сознании носителя языка активен слуховой образ производного слова без префикса *ны-*, который начинается со звонкого согласного. Можно предположить, что слова с префиксом *ны-*, чаще употребляемые в речи, будут произноситься с глухим согласным, а реже употребляемые — со звонким. Для подтверждения /опровержения этого предположения следует расширить экспериментальный материал, включив в него все представленные в словаре слова (21 слово) с согласным *б* в данной позиции.

Подводя итоги анализа слов с согласным *б*, можно сделать следующие выводы:

1. Согласный *б* в осетинском языке произносится всегда как звонкий /b/ в начале слова перед гласным и в интервокальной позиции.
2. Согласный *б* в осетинском языке произносится как глухой /p/ после гласного перед глухим согласным.
3. Согласный *б* в осетинском языке может произноситься и как звонкий /b/, и как глухой /p/ в следующих случаях: после согласного перед гласным в середине слова; в случае геминации после префикса *ны-*.

3.2. Согласный *д*

3.2.1. Согласный *д* в конце слова

Конечный согласный *д* встретился в 39 словах в следующих сочетаниях: *ад* — 20 раз (*хорздзинад* ‘благо’, *авзагзонынад* ‘языкознание’ и др.), *æд* — 9 раз (*æгъгъæд* ‘довольно’, *къухæд* ‘след от руки’ и др.), *ыд* — 8 раз (*рæсыд* ‘опухший’ и др.), *уд* — 1 раз (*уд* ‘душа’), *ид* — 1 раз (*уаид* ‘он был бы’).

Во всех случаях согласный, обозначенный в графике как звонкий *д*, был реализован как глухой /t/. Длительность глухой части смычки в среднем составляет 0,04 с. Средняя длительность взрыва — 0,02 с, средняя интенсивность — 43,06 dB. В некоторых случаях взрыв сопровождался придыханием, средняя длительность которого составляет 0,04 с, средняя интенсивность — 42,14 dB. Придыхание встречалось и в односложных словах (*уд* ‘душа’), и в многосложных (*тæригъæд*

‘грех’). Типичная осциллограмма согласного, реализуемого на месте орфографического конечного *д*, представлена на Рисунке 6.

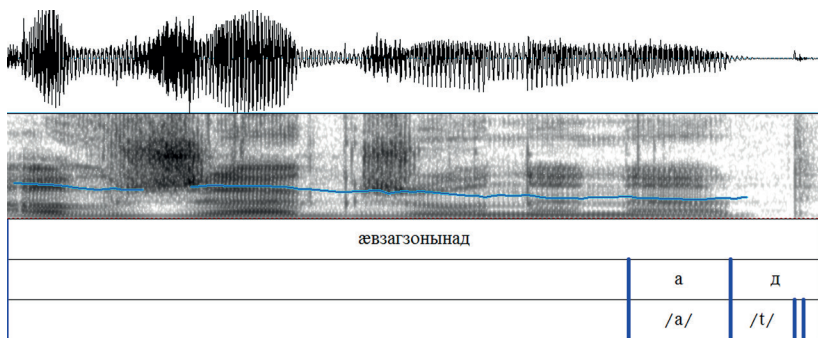

Рис. 6. Сочетание *ад* в слове *ævzagžonənad* ‘языкознание’

Fig. 6. The combination *ad* in the word *ævzagžonənad* ‘linguistics’

Для сравнения анализировались слова с конечным согласным *т* (например, *мæзджыт* ‘мечеть’, *удпарахат* ‘щедрая душа’). Средняя длительность смычки равна 0,05 с, взрыва — 0,02 с. Интенсивность взрыва в среднем составляет 42,6 dB. В некоторых случаях присутствует придыхание длительностью 0,07 с и интенсивностью 47,9 dB. Типичная осциллограмма конечного согласного, произнесенного диктором на месте глухого *т*, представлена на Рисунке 7.

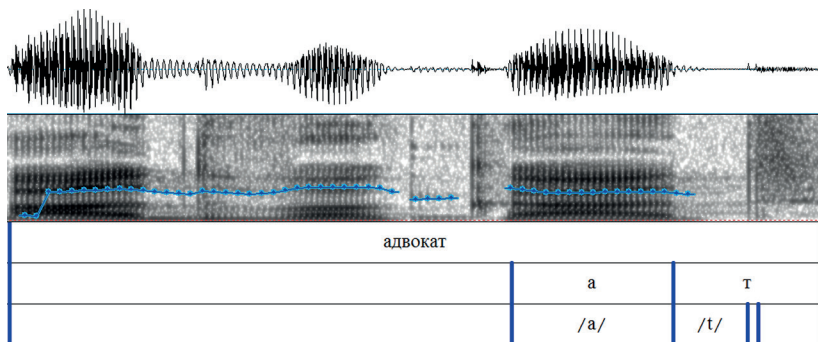

Рис. 7. Сочетание *ат* в слове *advokat* ‘адвокат’

Fig. 7. The combination *at* in the word *advokat* ‘an advocate’

Таким образом, ни по осциллограммам, ни по средним показателям длительности и интенсивности, различий между согласными, произнесенными на месте конечных *д* и *т*, нет: в обоих случаях произносится глухой согласный */t/*.

Конечный *д* встречался и после других согласных: *вд* — 5 слов (*авд* ‘семь’, *куывд* ‘молитва’ и др.), *гьд* — 5 слов (*сыгьд* ‘сгоревший’, *тагьд* ‘быстрый’ и др.), *зд* — 2 слова (*мызд* ‘плата’, *аенамызд* ‘бесплатно’), *лд*, *мд*, *нр*, *рд* — 20 слов (*згәхәрд* ‘ржавый’, *нымд* ‘набитый’, *сзынд* ‘он показался’, *хәлд* ‘испорченный’ и др.).

В сочетании *вд* средняя длительность глухой смычки равна 0,07 с, длительность взрыва — 0,04 с, интенсивность взрыва — 44,18 dB. В некоторых словах присутствовало придыхание средней длительностью 0,05 с, интенсивностью 42,3 dB.

Во всех словах, кроме слова *авд* ‘семь’, сочетание *вд* было реализовано как */ft/*, т. е. глухой, реализованный на месте орфографического звонкого, влиял на предшествующий звонкий, вследствие чего на его месте также произносился глухой.

В сочетании *гьд* средняя длительность глухой смычки составила 0,08 с, взрыва — 0,02 с, интенсивность взрыва — 44,78 dB. В некоторых словах присутствует придыхание средней длительностью 0,04 с и интенсивностью 42,47 dB. На месте конечного *д* всегда произносится глухой */t/*. Согласный *гь* в 4 случаях реализован как глухой */χ/*, в 1 случае — как звонкий */в/*. Для сравнения ниже приведены осциллограммы сочетания *гьд*, реализованного как */χt/* (Рисунок 8) и */вт/* (Рисунок 9).

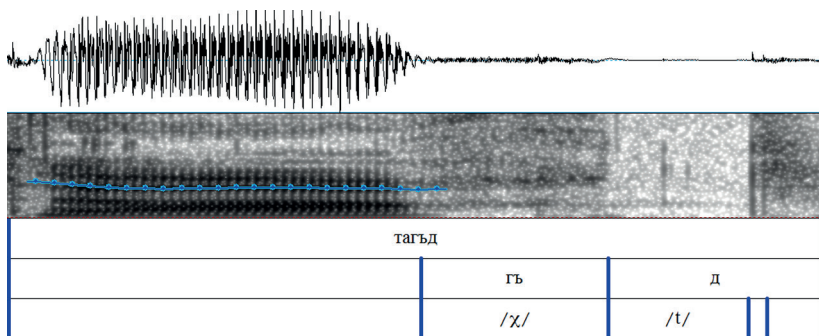

Рис. 8. Сочетание *гьд* в слова *тагьд* ‘быстро’

Fig. 8. The combination *gьd* in the word *tagьd* ‘quickly’

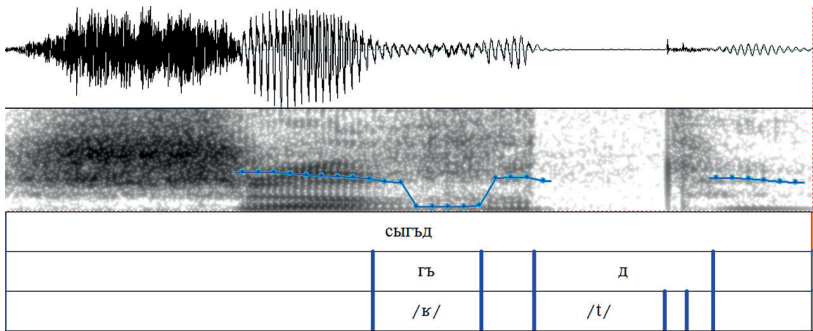

Рис. 9. Сочетание *гъд* в слове *сыгъд* ‘сгоревший’

Fig. 9. The combination *gъd* in the word *sъgd* ‘burnt’

В сочетании *зд* средняя длительность глухой смычки равна 0,06 с, взрыва — 0,03 с. Интенсивность взрыва составляет 46 dB. За взрывом следует придыхание средней длительностью 0,05 с и интенсивностью 57 dB. Предшествующий согласный в одном случае произнесен как глухой /ɣ/ (Рисунок 10), в другом — как звонкий /z/ (Рисунок 11).

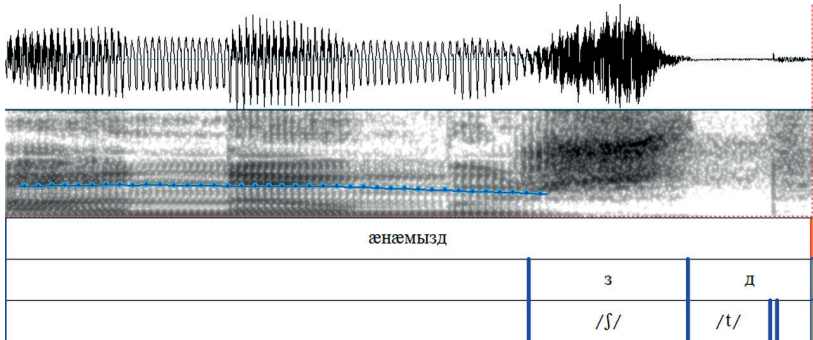

Рис. 10. Сочетание *зд* в слове *æнæмызд* ‘бесплатно’

Fig. 10. The combination *zd* in the word *ænæmъzd* ‘free of charge’

В позиции после сонантов *д* во всех случаях реализован как глухой /t/. Средняя длительность глухой смычки составляет 0,05 с, взрыва — 0,02 с. Средняя интенсивность взрыва равна 42,86 dB. В некоторых словах согласный произносится с придыханием средней длительностью 0,04 с и интенсивностью 43,66 dB.

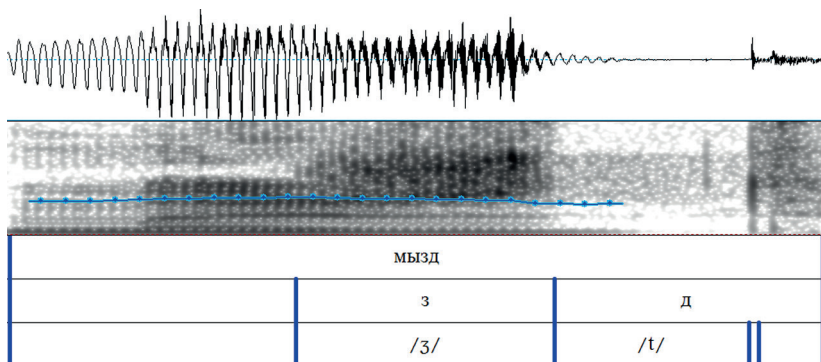

Рис. 11. Сочетание *зд* в слове *мъзд* ‘зарплата’

Fig. 11. The combination *žd* in the word *māžd* ‘salary’

В сочетаниях *рд* после сонанта *р* произнесен протетический гласный *ы*. Такой же гласный иногда встречается после конечного согласного, например в слове *нард* ‘жирный’ (см. Рисунок 12).

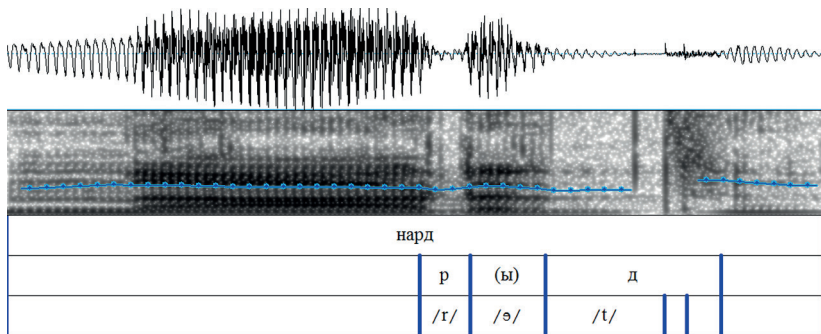

Рис. 12. Сочетание *рд* в слове *нард* ‘жирный’

Fig. 12. The combination *rd* in the word *nard* ‘fat’

Таким образом, можно констатировать, что на месте конечного звонкого *д* во всех случаях реализуется глухой смычный */t/*.

В случаях, когда *д* встречается в конечной позиции после шумного звонкого щелевого (*гъ*, *в*, *з*), предшествующий звонкий может произноситься и как звонкий, и как глухой.

3.2.2. Согласный *д* в неконечной позиции

В экспериментальном материале встретилось 180 позиций с неконечным согласным *д*.

В начале слова перед гласным *д* встретился 23 раза. Во всех случаях произнесен как звонкий /d/. Средняя длительность смычки — 0,08 с, длительность взрыва — 0,01 с, интенсивность взрыва — 65,8 dB. Типичная осциллограмма согласного *д* в начальной позиции представлена ниже на Рисунке 13.

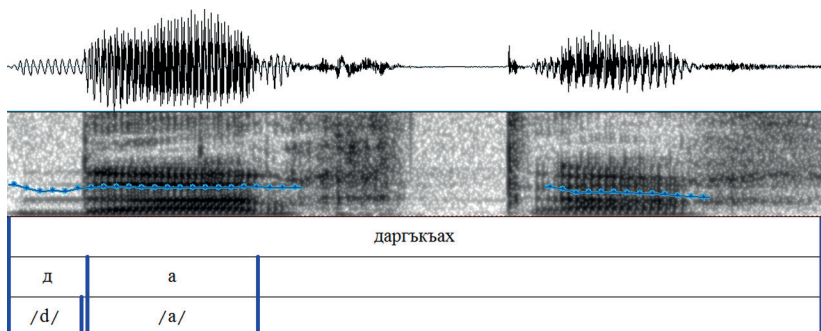

Рис. 13. Сочетание *да* в слове *дарǵǵах* ‘долгоногий’

Fig. 13. The combination *da* in the word *darǵǵ'ax* ‘long-legged’

В интервокальной позиции *д* встретился 10 раз. Во всех случаях согласный был произнесен как /d/ со звонкой смычкой без придыхания. Средняя длительность смычки составляет 0,06 с, средняя длительность взрыва — 0,01 с, интенсивность взрыва — 65,47 dB.

В позиции после щелевого согласного *д* встретился 32 раза. В 28 словах *д* произнесен как звонкий согласный /d/. Как глухой /t/ был произнесен только в 4 случаях из 32: в словах *цәхдон* ‘рассол’, *ихдон* ‘ледяная вода’, *әмхицдаер* ‘более похожий’, *арәхдаер* ‘чаще’. Средняя длительность смычки составляет 0,06 с, взрыва — 0,01 с. Интенсивность взрыва в среднем составляет 64 dB.

В двух словах, в которых *д* был реализован как звонкий, колебания голосовых связок начинались только непосредственно перед раскрытием смычки, большая часть смычки была глухой, о чем свидетельствует отсутствие линии ЧОТ на спектрограмме. Это слова

æвидауцдær ‘более некрасивый’ и *цъæхдær* ‘более синий’. Ниже на Рисунке 14 приведена осциллограмма сочетания *xd* из слова *цъæхдær*.

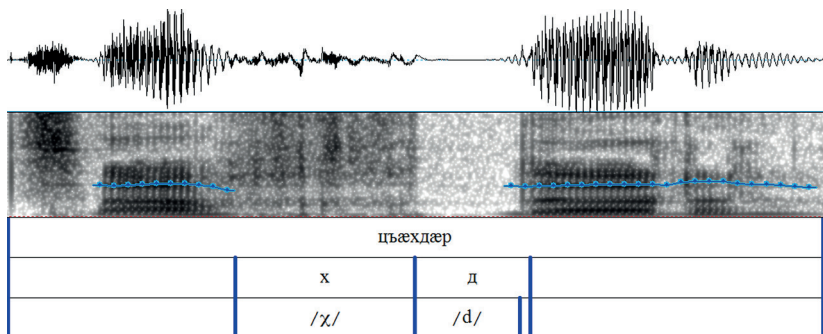

Рис. 14. Сочетание *xd* в слове *цъæхдær* ‘более синий’

Fig. 14. The combination *xd* in the word *c'æxdær* ‘bluer’

В сочетании перед щелевым согласным (*дв, дгъ, ддз, дз, дс, дф, дх, дц*) *д* встретился 23 раза. В 9 случаях произнесен как звонкий /d/ (средняя длительность звонкой смычки — 0,04 с, взрыва — 0,04 с, интенсивность взрыва — 60,28 dB). В остальных случаях произнесен как глухой /t/, у которого в начале звонкая часть смычки (0,02 с), затем глухая смычка (0,03 с), взрыв (длительность 0,01 с, интенсивность 51,68 dB), придыхание (длительность 0,02 с, интенсивность 56,42 с).

В трех словах *хъæддзау* ‘дровосек’, *фыдцард* ‘трудная жизнь’, *фыдцæф* ‘тяжелый удар’ переход /t/ в последующий щелевой происходит плавно, вследствие чего акустически это воспринимается как глухая аффриката /ts/ (см. Рисунок 15).

В позиции после смычного *д* встретился 9 раз. Это сочетания *гд, кд, нд, тд*. После смычного *г* согласный *д* реализуется как звонкий /d/. После глухих смычных он может реализовываться и как звонкий (в слове *дзуаппдæттæг* ‘ответчик’), и как глухой (*фæныкдон* ‘зольник’). В случае звонкой реализации средняя длительность звонкой смычки равна 0,09 с, взрыва — 0,01 с, интенсивность взрыва — 62,8 dB. В случаях глухой реализации средняя длительность глухой смычки составляет 0,1 с, взрыва — 0,02 с, интенсивность взрыва — 59,47 dB.

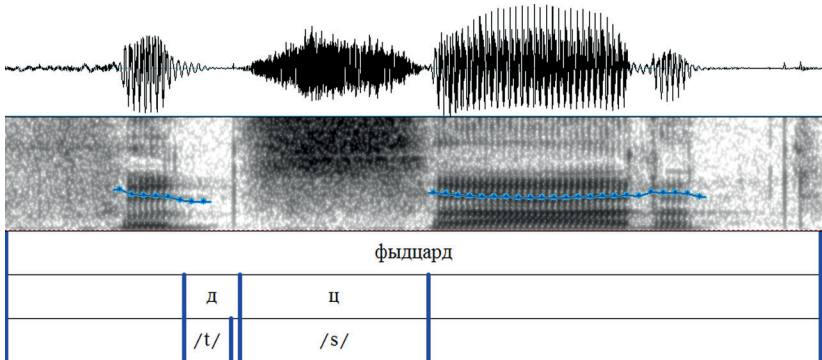

Рис. 15. Сочетание *дц* в слове *фьдцард* ‘тяжелая жизнь’

Fig. 15. The combination *ds* in the word *fadsard* ‘a hard life’

Интересно отметить, что в некоторых словах звонкий *д* после глухого смычного не имел смычки, вслед за глухим смычным сразу следовал звонкий взрыв. Это произнесение представлено ниже на Рисунке 16.

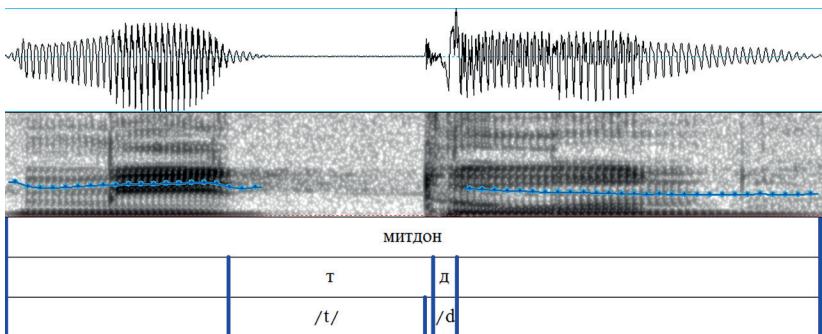

Рис. 16. Сочетание *тд* в слове *митдон* ‘вешняя вода’

Fig. 16. The combination *td* in the word *mitdon* ‘meltwater’

В позиции перед смычным согласный *д* встретился 22 раза. Это сочетания *дб*, *дг*, *дк*, *дкь*, *дп*, *дт*. Перед звонкими смычными *д* реализован как звонкий */d/* (средняя длительность звонкой смычки 0,05 с, взрыва — 0,01 с, интенсивность взрыва в среднем равна 63,27 dB).

Перед глухими смычными *д* реализован как глухой /t/ (средняя длительность глухой смычки равна 0,07 с, взрыва — 0,01 с, интенсивность взрыва равна в среднем 57,88 dB). Для глухой реализации характерно также наличие придыхания средней длительностью 0,03 с и интенсивностью 50,1 dB.

В позиции после сонанта *д* встретился в 26 случаях. Это сочетания *лд*, *нд*, *рд*. Во всех случаях произнесен как звонкий /d/. Средняя длительность смычки равна 0,05 с, взрыва — 0,01 с, интенсивность взрыва — 64,2 dB. В некоторых случаях между согласными *р* и *д* обнаруживается протетический гласный *ы*, что видно на Рисунке 17.

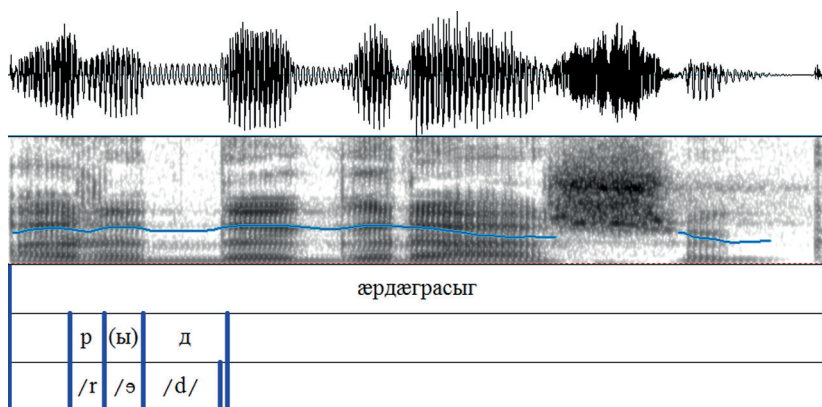

Рис. 17. Сочетание *рд* в слове *ærdægrasyg* ‘полупьяный’

Fig. 17. The combination *rd* in the word *ærdægrasyg* ‘half-drunk’

В позиции перед аффрикатой *дж* встретился 6 раз. Во всех случаях (и перед звонкой аффрикатой *дж*, и перед глухими *цъ* и *чъ*) реализован как глухой непридыхательный /t/. В некоторых случаях начало смычки озвончено (0,04 с). Средняя длительность глухой смычки 0,07 с, взрыва — 0,01 с, интенсивность взрыва — 50,82 dB.

В экспериментальном материале были слова, в которых *д* встречается в трехчленных комбинациях согласных. Это сочетания *вдг*, *нддж*, *рдв*, *рдг*, *рдгъ*, *рddз*, *рдф*, *рдх*, *рдхъ*, *рдцъ*. Всего обнаружено 15 слов с такими сочетаниями. В этих сочетаниях перед *д* стоит сонант или звонкий щелевой (*кардга* ‘кройка’, *тавдганаг* ‘обогреватель’), после *д* может находиться звонкий щелевой (*дардвандга* ‘дальняя

дорога'), глухой щелевой (*æрдхæрдтæ* 'друзья'), звонкая аффриката (*зондджын* 'умный'), глухая аффриката (*мæрдџынд* 'уснувший мертвым сном'), звонкий смычный (*кæрдгæ* 'кройка'), глухой смычный (*цæрдхъуаг* 'преждевременно умерший').

Как звонкий согласный *д* был реализован только перед согласными *в* и *г* (*дардвæндаг* 'дальняя дорога', *кæрдгæ* 'кройка', *тæвдгæнаг* 'обогреватель', *цæрдвæндаг* 'жизненный путь'). Во всех остальных случаях на месте *д* произнесен глухой смычный /*t*/.

Средняя длительность смычки звонкой реализации составляет 0,05 с, взрыва — 0,01 с, интенсивность взрыва — 60,4 dB.

Средняя длительность глухой смычки глухой реализации составляет 0,06 с, взрыва — 0,01 с, интенсивность взрыва — 50,25 dB. В некоторых случаях у глухой реализации согласного *д* наблюдается придыхание средней длительностью 0,02 с и интенсивностью 50,75 dB.

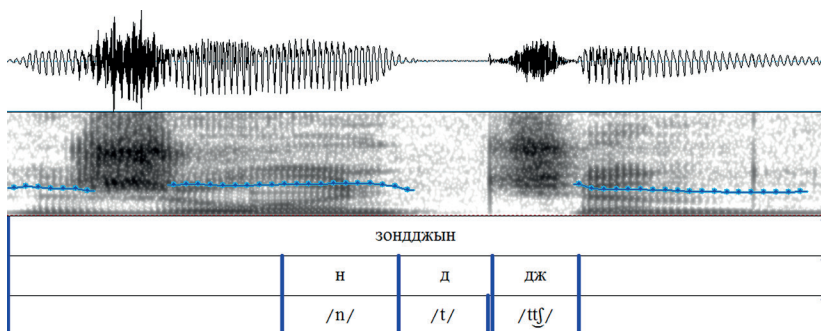

Рис. 18. Сочетание *нддж* в слове *зондджын* 'умный'

Fig. 18. The combination *nddž* in the word *žonddžyn* 'clever'

Анализ материала позволяет сделать следующие выводы относительно произнесения согласного, обозначенного на письме буквой *д*:

1. Согласный *д* в осетинском языке произносится как глухой /*t*/ в следующих случаях: в конце слова, в середине слова перед аффрикатой, в середине слова после щелевых /*χ*/ и /*ts*/ перед гласным, в середине слова перед глухим смычным согласным, в трехчленных сочетаниях перед согласными (кроме *в* и *г*).

2. Согласный *ð* в осетинском языке произносится как звонкий /d/ в следующих случаях: в начале слова перед гласным, в интервокальной позиции, в середине слова после щелевого перед гласным, в середине слова после согласного *z* и сонантов, перед звонким смычным согласным, в трехчленных сочетаниях перед согласными *в* и *z*.
3. Согласный *ð* может реализовываться и как звонкий, и как глухой в следующих случаях: перед щелевым согласным, после смычного согласного (кроме согласного *z*).

3.3. Согласный *z*

3.3.1. Согласный *z* в конце слова

Конечный *z* встретился в 64 словах. Комбинаторные сочетания распределились следующим образом: *az* — 30 раз, *æz* — 24 раза, *nz* — 4 раза, *zɜ* — 3 раза, *oz* — 2 раза, *vz* — 1 раз.

Во всех анализируемых случаях конечный *z* реализуется как глухой взрывной смычный. Средняя длительность глухой смычки составляет 0,05 с. Раскрытие смычки осуществляется в виде взрыва средней длительностью 0,01 с, интенсивность 44,7 dB. В большинстве случаев согласный не придыхательный. Придыхание наблюдалось только в 12 случаях. Средняя длительность придыхания 0,06 с, интенсивность — 44 dB.

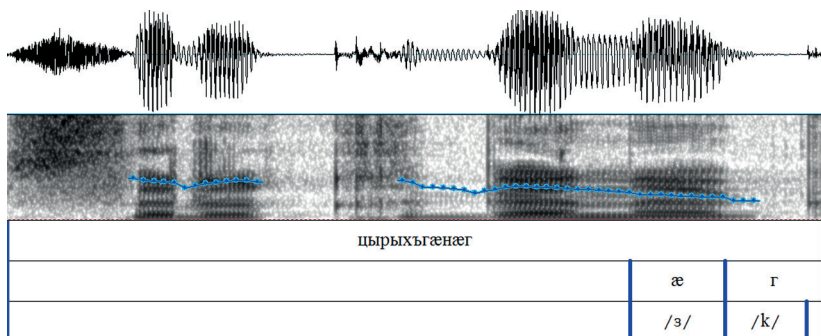

Рис. 19. Сочетание *æz* в слове *цырыхъæнæз* ‘сапожник’

Fig. 19. The combination *æz* in the word *səɾəɣɣænæz* ‘a shoemaker’

В пяти случаях глухой смычке предшествовала звонкая часть средней длительностью 0,02 с. Однако с учетом того, что артикуляция предшествующего гласного заканчивается не резко, а постепенно, накладываясь на начало последующего согласного, этот факт не препятствует трактовке конечного согласного, произносимого диктором на месте звонкого *г*, как глухого смычного /*k*/, см. типичную осциллограмму конечного *г* на Рисунке 19.

Осциллограмма конечного согласного *г*, реализуемого как глухой согласный с озвонченным началом, представлена также на Рисунке 20.

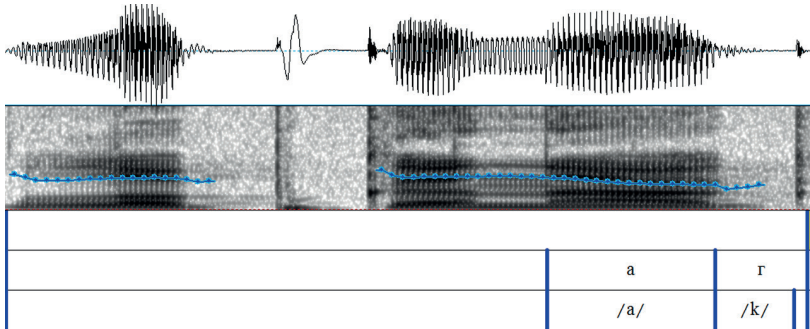

Рис. 20. Сочетание *аг* в слове *læpgænag* ‘хлюпающий’

Fig. 20. The combination *ag* in the word *læpgænag* ‘slurping’

Осциллограмма конечного *г*, произнесенного с придыханием после взрыва, приведена на Рисунке 21.

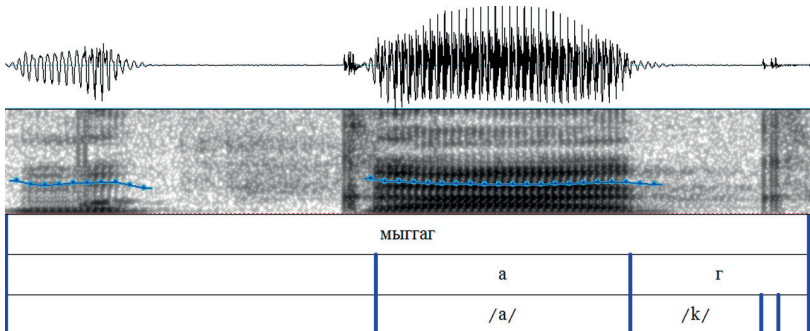

Рис. 21. Сочетание *аг* в слове *мыггаг* ‘фамилия’

Fig. 21. The combination *ag* in the word *mæggag* ‘a surname’

Наглядно разница между звонким согласным /g/ и глухим /k/, реализуемым на месте *з* в конечной позиции, показана на Рисунках 22 и 23.

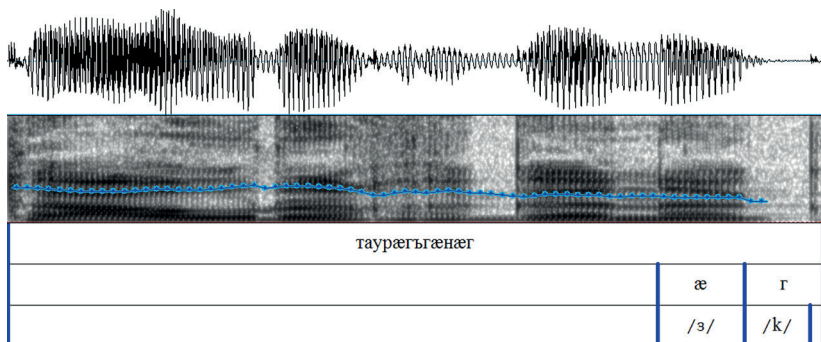

Рис. 22. Сочетание *æg* в слове *таурæггæнæг* 'сказочник'

Fig. 22. The combination *æg* in the word *tauraeggaenæg* 'a story-teller'

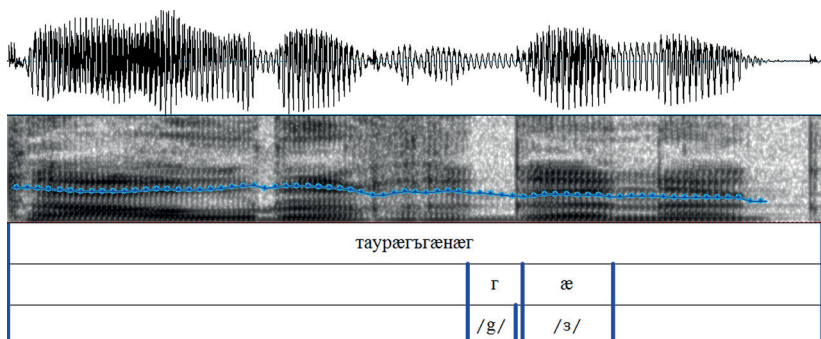

Рис. 23. Сочетание *gæ* в слове *таурæггæнæг* 'сказочник'

Fig. 23. The combination *gæ* in the word *tauraeggaenæg* 'a story-teller'

3.3.2. Согласный *з* в неконечной позиции

В неконечной позиции согласный *з* встретился 141 раз. В 59 случаях на месте *з* был реализован глухой согласный /k/, в 82 случаях — звонкий /g/.

Ниже перечисляются позиции, в которых *з* был реализован как глухой согласный /k/.

1. На стыке морфем после глухого согласного (смычного и щелевого) 29 раз (например: *баѣтгѣ* ‘завязывая’, *баѣхгѣс* ‘конюх’, *дзѣ-баѣхгѣнинаг* ‘тот, кого надо вылечить’). Средняя длительность глухой смычки — 0,07 с, взрыва — 0,02 с. Интенсивность взрыва 56,5 dB.
2. На стыке морфем перед глухим согласным (смычным или щелевым) 25 раз (например: *ѣрдаѣгтырх* ‘наполовину разорванный’, *ѣрдаѣгфых* ‘наполовину сваренный’, *сатѣгсау* ‘черный-пречерный’). Средняя длительность глухой смычки 0,05 с, взрыва — 0,02 с. Интенсивность взрыва 50,7 dB.
3. В единичных случаях глухой на месте *г* реализовывался перед звонким смычным (*дзѣгдар* ‘более полный’) и щелевым (*тыз-маѣггыыз* ‘строгий’) и после глухого щелевого внутри морфемы (*ѣрфгыутаѣ* ‘брови’). Средняя длительность глухой смычки в этих случаях составляет 0,03 с, взрыва — 0,01 с. Интенсивность взрыва 51,2 dB.

Рассмотрим позиции, в которых *г* не оглушался, произносился как звонкий смычный.

1. В конце морфемы после гласного перед звонким согласным: смычным, щелевым, аффрикатой (*ѣвзаг-зонынад* ‘языкознание’ (Рисунок 24), *вазыг-джын* ‘важный’, *баѣрѣг-бон* ‘праздник’). Средняя длительность смычки — 0,05 с, взрыва — 0,02 с. Средняя интенсивность взрыва составляет 60,6 dB. Интересно отметить, что в 8 случаях между согласным *г* и следующим звонким согласным произносился протетический гласный *ы*, таким образом *г* оказывался в интервокальной позиции, что, очевидно, препятствовало его оглушению. Это происходило, в частности, в словах *зынггыыз* ‘подобный огню’, *ѣердаѣггыыз* ‘зеленый’, *лаѣгдзинад* ‘мужество’ (Рисунок 25), *рогдар* ‘легче’.
2. Начало морфемы или второй части сложного слова после звонкого согласного (24 слова, например: *кад-гѣнаѣг* ‘оказывающий почет’ (Рисунок 26), *ѣхсѣв-гѣс* ‘ночной сторож’). Средняя длительность смычки — 0,06 с, взрыва — 0,01 с. Средняя интенсивность взрыва составляет 61,4 dB.

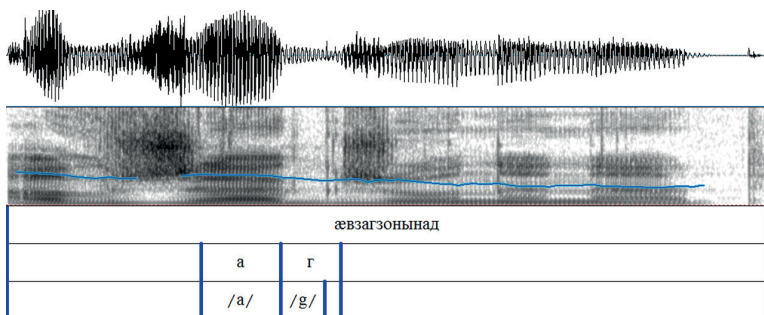

Рис. 24. Сочетание *ag* в слове *ævzagžonənad* ‘языкознание’

Fig. 24. The combination *ag* in the word *ævzagžonənad* ‘linguistics’

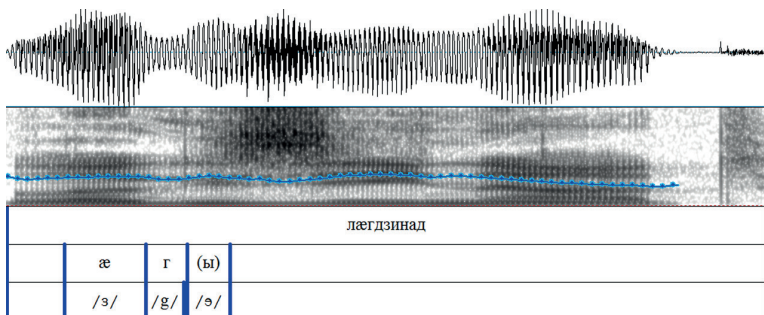

Рис. 25. Сочетание *æg* в слове *lægžzinad* ‘мужество’

Fig. 25. The combination *æg* in the word *lægžzinad* ‘bravery’

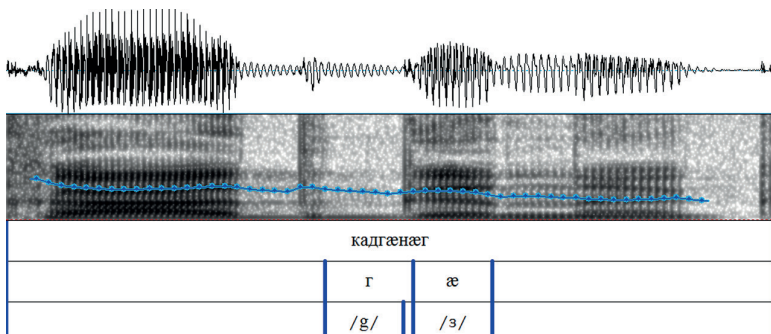

Рис. 26. Сочетание *gæ* в слове *kadgænæg* ‘оказывающий почет’

Fig. 26. The combination *gæ* in the word *kadgænæg* ‘paying respect’

3. Внутри морфемы в интервокальном положении *г* встретился только в двух словах — *æгад-дзинад* ‘позор’ и *цæгат-варс* ‘северная сторона’ (Рисунок 27). Средняя длительность смычки составляет 0,07 с, взрыва — 0,01 с. Интенсивность взрыва равна 60,8 dB.

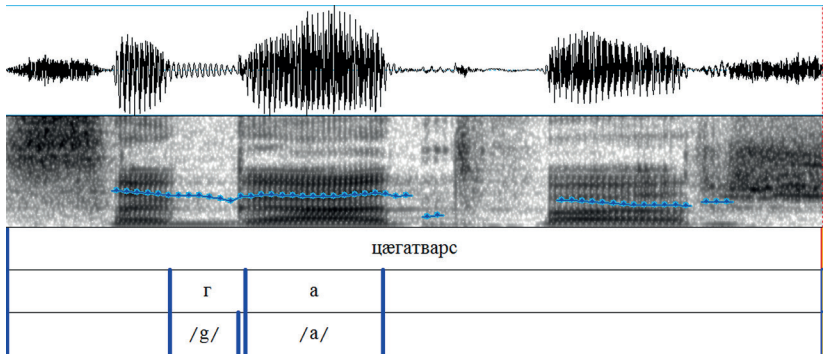

Рис. 27. Сочетание *га* в слове *цæгатварс* ‘северная сторона’

Fig. 27. The combination *ga* in the word *sægtavars* ‘the north side’

4. Внутри морфемы после звонкого согласного или сонанта *г* встретился в 10 словах: *æнгуз-цæгъдаен* ‘устройство для сбивания орехов’, *а-ргæвст-ой* ‘(они) зарезали’, *чызг-æн* ‘девочке’ (Рисунок 28) и др. Средняя длительность смычки составляет 0,06 с, взрыва — 0,01 с. Средняя интенсивность взрыва равна 61,8 dB.

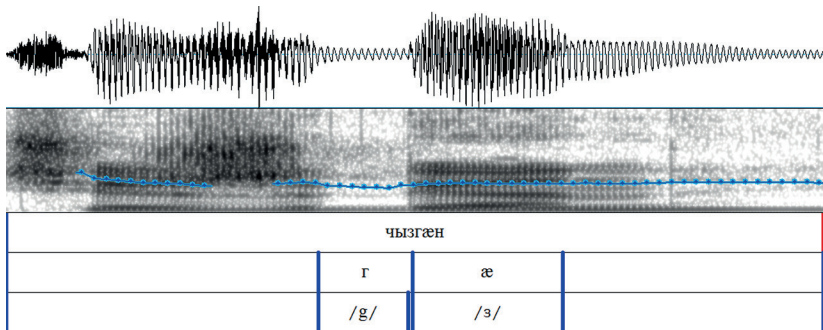

Рис. 28. Сочетание *gae* в слове *чызгæн* ‘девочке’

Fig. 28. The combination *gae* in the word *čəžgæn* ‘to a girl’

5. Начало морфемы после глухого согласного (*æлхынцъ-гонд* ‘нахмуренный’ (Рисунок 29), *сахъ-гуырð* ‘бравый’, *тых-гæнаг* ‘насильник’, *цырыхъ-гæнаг* ‘сапожник’). Средняя длительность смычки составляет 0,07 с, взрыва — 0,01 с. Средняя интенсивность взрыва равна 60,8 dB.

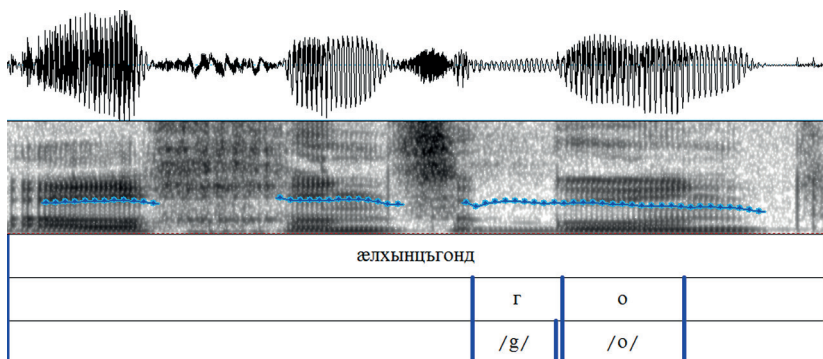

Рис. 29. Сочетание *go* в слове *æлхынцъгонд* ‘нахмуренный’

Fig. 29. The combination *go* in the word *ælxənc'gond* ‘frowning’

6. Начало слова перед гласным или сонантом /w/ (*гæпгæнгæ* ‘прыгая’, *гуырðзвидыц* ‘стройный’ (Рисунок 30)). Средняя длительность смычки составляет 0,07 с, взрыва — 0,01 с. Средняя интенсивность взрыва равна 60,5 dB.

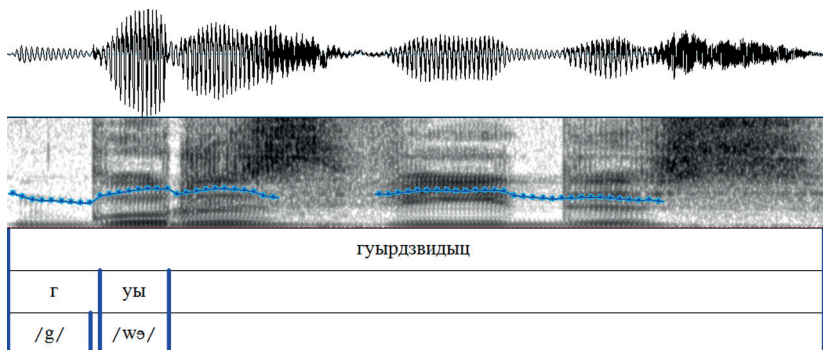

Рис. 30. Сочетание *гуы* в слове *гуырðзвидыц* ‘стройный’

Fig. 30. The combination *g^wə* in the word *g^wərzvidəs* ‘slim’

Подводя итоги проведенного анализа, представляется возможным сформулировать следующие выводы относительно произнесения согласного *ɣ*:

1. Согласный *ɣ* в осетинском языке произносится как звонкий /g/ в следующих случаях: в начале слова перед гласным и сонантом /w/, в начале морфемы после звонкого согласного, внутри морфемы между гласными и после звонкого согласного или сонанта.
2. Согласный *ɣ* в осетинском языке произносится как глухой /k/ в следующих случаях: в конце слова, в конце морфемы перед глухим согласным.
3. Согласный *ɣ* в осетинском языке может произноситься и как звонкий /g/, и как глухой /k/ в следующих случаях: в начале морфемы после глухого согласного, в конце морфемы перед звонким согласным.

4. Выводы и перспективы дальнейшего исследования

По результатам проведенного анализа можно сформулировать следующие выводы:

1. Согласный *б*, который не встречается в конце слова, чаще всего сохраняет свою звонкость, о чем свидетельствует тот факт, что в большинстве позиций он реализован как звонкий смычный согласный, обозначаемый в транскрипции знаком /b/. Средняя длительность смычки /b/ составляет 0,07 с, средняя длительность взрыва равна 0,01 с, интенсивность взрыва в среднем составляет 65,9 dB. В редких случаях, когда на месте *б* произносится глухой смычный согласный /p/, он характеризуется следующими параметрами: длительность смычки 0,07 с, длительность взрыва 0,02 с, интенсивность взрыва 63,22 dB.
2. Согласный *д* встречается и в начале слова, и в конце слова, и в середине слова. Этот согласный очень часто реализуется как глухой смычный /t/. В позиции конца слова *д* всегда произносится как глухой /t/, средняя длительность смычки которого составляет 0,06 с, взрыва — 0,03 с, интенсивность взрыва — 44,18 dB. Для конечной реализации согласного *д* характерно небольшое придыхание средней длительностью 0,05 с и интенсивностью 46,27 dB.

В начальной позиции длительность смычки согласного /d/ составляет в среднем 0,08 с, взрыва — 0,01 с, интенсивность взрыва — 65,8 dB. В середине слова *ḍ* может произноситься и как глухой (длительность смычки — 0,07 с, взрыва — 0,01 с, интенсивность взрыва — 55,68 dB, придыхание длительностью 0,02 с и интенсивностью 52,4 dB), и как звонкий (длительность смычки — 0,06 с, взрыва — 0,01 с, интенсивность взрыва — 62,75 dB) в зависимости от качества соседних согласных.

3. Согласный *ḡ* также может встречаться во всех позициях в слове. В начальной позиции реализуется как звонкий смычный /g/ (длительность смычки — 0,07 с, взрыва — 0,01 с, интенсивность взрыва — 60,5 dB). В конечной позиции *ḡ* реализуется как глухой смычный /k/ (длительность смычки — 0,05 с, взрыва — 0,01 с, интенсивность взрыва — 44,7 dB, придыхание длительностью 0,06 с и интенсивностью 44 dB). В середине слова есть позиции, в которых *ḡ* реализуется как глухой /k/ (длительность смычки в среднем составляет 0,05 с, взрыва — 0,02 с, интенсивность взрыва — 52,8 dB) и как звонкий /g/ (средняя длительность смычки — 0,06 с, взрыва — 0,01 с, интенсивность взрыва — 61,1 dB). Зависимость произнесения звонкого /g/ или глухого /k/ на месте орфографического *ḡ* от какого-либо фактора выявить пока не удалось.

В дальнейшем планируется продолжить исследование с учетом не только позиции в слове, но и таких характеристик, как положение по отношению к ударению, количество слогов в слове, частотность употребления слова, отнесение слова к исконному или заимствованному слою лексики.

Тот факт, что пока не для всех позиций удалось определить причины озвончения/оглушения анализируемых согласных, не позволяет использовать при составлении орфоэпического словаря автоматический транскриптор. На данном этапе предполагается давать помету о произношении для каждого слова, в котором *ḇ*, *ḍ*, *ḡ* находятся в позиции, допускающей необъясненную вариативность.

Л и т е р а т у р а

- Бондарко 1977 — Л. В. Бондарко. Звуковой строй современного русского языка. М.: Просвещение, 1977.
- Деркач и др. 1983 — М. Ф. Деркач, Р. Я. Гумецкий, Б. М. Гура, М. Е. Чабан. Динамические спектры речевых сигналов. Львов: Вища школа, 1983.
- Дзахова 2008 — В. Т. Дзахова. Релевантные признаки простых смычных согласных осетинского (иронского) литературного языка // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2008. Т. 145. № 3. С. 121–124.
- Дзахова 2024 — В. Т. Дзахова. Школьный орфоэпический словарь осетинского языка: исследование консонантных сочетаний // Казанская наука. 2024. № 10. С. 449–451.
- Каболова 1995 — В. Т. Каболова. Фонологическая интерпретация простых и геминированных согласных осетинского языка (в сопоставлении с русскими и немецкими согласными). Автореф. ... дис. канд. наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 1995.
- Касаев 1952 — А. М. Касаев (ред.). Осетинско-русский словарь. 20000 слов с приложением грамматического очерка осетинского языка. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1952.
- Соколова 1953 — В. С. Соколова. Очерки по фонетике иранских языков. II. Осетинский, ягнобский и памирские языки. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1953.

R e f e r e n c e s

- Bondarko 1977 — L. V. Bondarko. *Zvukovoy stroy sovremennogo russkogo yazyka* [Sound structure of the modern Russian language]. Moscow: Prosveshcheniye, 1977.
- Derkach et al. 1983 — M. F. Derkach, R. Ya. Gumetskiy, B. M. Gura, M. E. Chaban. *Dinamicheskiye spektry rechevykh signalov* [Dynamic spectra of speech signals]. Lviv: Vyshcha shkola, 1983.
- Dzakhova 2008 — V. T. Dzakhova. Relevantnyye znaki prostykh smychnykh soglasnykh osetinskogo (ironskogo) literaturnogo yazyka [Relevant features of simple plosive consonants of the Ossetic (Iron) literary language]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennyye nauki* [Bulletin of higher education institutes. North Caucasus region. Social sciences]. 2008. Vol. 145. Iss. 3. P. 121–124.
- Dzakhova 2024 — V. T. Dzakhova. Shkolnyy orfoepicheskiy slovar osetinskogo yazyka: issledovaniye konsonantnykh sochetaniy [School orthoepic dictionary of the Ossetic language: A study of consonantal combinations]. *Kazanskaya nauka* [Kazan science]. 2024. No. 10. P. 449–451.

- Kabolova 1995 — V. T. Kabolova. *Fonologicheskaya interpretatsiya prostykh i geminirovannykh soglasnykh osetinskogo yazyka (v sopostavlenii s russkimi i nemetskimi soglasnymi)* [Phonological interpretation of simple and geminated consonants of the Ossetic language (in contrast with Russian and German consonants)]. Candidate dissertation abstract. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 1995.
- Kasaev 1952 — A. M. Kasaev (ed.). *Osetinsko-russkiy slovar. 20000 slov s prilozheniyem grammaticheskogo ocherka osetinskogo yazyka* [Ossetic-Russian dictionary. 20,000 words with a sketch of Ossetic grammar]. Moscow: State Press of Foreign and National Dictionaries, 1952.
- Sokolova 1953 — V. S. Sokolova. *Ocherki po fonetike iranskikh yazykov. II. Osetinskiy, yagnobskiy i pamirskiye yazyki* [Essays on the phonetics of Iranian languages. II. Ossetic, Yagnobi and Pamir languages]. Moscow; Leningrad: Press of the Academy of Sciences of the USSR, 1953.

Получено/received 28.02.2025

Принято/accepted 05.08.2025

Этимология некоторых индоиранских культурных терминов и теория индоиранского субстрата.

I. Индоир. **Hišti-/ *Hišta-* ‘кирпич’

Д. Б. Буянер

Свободный университет Берлина (Берлин, Германия);
buyaner@zedat.fu-berlin.de; ORCID: 0009-0004-4337-1570

Аннотация. За последние три десятилетия в индологии и иранистике утвердилась теория, согласно которой целый пласт общеарийской лексики обязан своим возникновением контактам индоиранцев с носителями культуры Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК). Начиная с нижеследующих замечок, я планирую опубликовать серию статей, призванных показать, что по крайней мере некоторые из предполагаемых заимствований гораздо убедительнее объясняются как относящиеся к индоевропейскому наследию в индоиранском. В первой из них речь пойдет об индоиранском обозначении кирпича, для которого постулируется индоевропейский прототип **h₂h₁s-tó-/ *h₂h₁s-ti-* от **h₂eh₁s-* ‘сушить, высушивать’, отвечающий как семантическим, так и формальным — фонологическим и морфологическим — критериям этимологической достоверности.

Ключевые слова: кирпич-сырец, этимология, теория индоиранского субстрата, тохарский язык, индоиранский праязык

Благодарности. Выражаю глубокую признательность проф. А. С. Николаеву и к.ф.н. О. И. Беляеву за ценные замечания в процессе подготовки рукописи. Ответственность за выводы и возможные ошибки несу, разумеется, я один.

Для цитирования: Буянер Д. Б. Этимология некоторых индоиранских культурных терминов и теория индоиранского субстрата. I. Индоир. **Hišti-/ *Hišta-* ‘кирпич’ // Индоиранские языки. 2026. 2(1). С. 129–166.

DOI: 10.30842/30346800.2026.2.1.7

Etymology of some Indo-Iranian cultural terms and the Indo-Iranian substratum theory.

I. Indo-Iranian **Hišti-/*Hišta-* ‘brick’

David B. Buyaner

Freie Universität Berlin (Berlin, Germany);

buyaner@zedat.fu-berlin.de; ORCID: 0009-0004-4337-1570

Abstract. In the last three decades, a new hypothesis on the origins of the Indo-Iranian lexicon has been gaining wide acceptance. It suggests that a substantial stratum of the Indo-Iranian lexicon owes its origin to contacts between Indo-Iranians and bearers of the Bactria–Margiana Archaeological Complex (BMAC) culture which existed in the 3rd–2nd millennia BC between the Pamir and the Kopet Dag. This hypothesis, often called “the theory of the Indo-Iranian substratum”, was suggested by Michael Witzel in 1995 and later elaborated by him in a series of papers. While this theory has been subsequently approved by many prominent scholars, I argue that it is built on methodologically shaky foundations: Witzel postulates a non-Indo-European substratum in Indo-Iranian based on a small list of words found in both Indo-Aryan and Iranian with no reliable Indo-European etymology available. Notably, in order to substantiate this hypothesis, he and his followers had to enlist material which fails to meet the original criteria. Beginning with this essay, I plan to publish a series of papers to show that at least some of the alleged borrowings can be more convincingly explained as inherited Indo-Iranian lexemes. The first of these articles deals with the Indo-Iranian word for ‘brick’, which plays an important role in substantiating the theory of the Indo-Iranian substratum. I postulate the Indo-European prototype **h₂h₁s-tó-/*h₂h₁s-ti-* from **h₂eh₁s-* ‘to dry’, which meets both the semantic and formal criteria of etymological reliability.

Keywords: adobe brick, etymology, theory of the Indo-Iranian substratum, Tocharian, Indo-Iranian proto-language

Acknowledgements. I would like to express my profound gratitude to Prof. A. S. Nikolaev and Dr. O. I. Belyaev for valuable observations and advice. Responsibility for the conclusion, as well as for any errors, is mine alone.

For citation: Buyaner D. B. Etymology of some Indo-Iranian cultural terms and the Indo-Iranian substratum theory. I. Indo-Iranian **Hišti-/*Hišta-* ‘brick’. *Indo-Iranian Languages*. 2026. 2(1). P. 129–166.

DOI: 10.30842/30346800.2026.2.1.7

За последние три десятилетия в индологии и иранистике утвердилась теория, согласно которой целый пласт общеарийской лексики обязан своим возникновением контактам индоиранцев с носителями культуры Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК), существовавшей в области между Памиром и Копетдагом в конце III — начале II тыс. до н. э. Эта гипотеза, часто именуемая «теорией индоиранского субстрата», была выдвинута в 1995 г. М. Витцелем и разработана им в ряде статей [Witzel 1995; 1999a; 1999b; 2000; 2015], а впоследствии поддержана несколькими ведущими индоевропеистами. Достаточно упомянуть такие имена, как А. М. Лубоцкий [Lubotsky 2001; 2020: 8], Ж.-Ж. Пино [Pinault 2002; 2003a; 2003b; 2006] и М. Й. Кюммель [Kümmel 2017: 279, n. 10; 2018: 166], чтобы оценить масштаб влияния теории индоиранского субстрата.

Между тем зиждется она на методологически шатких основаниях. Так, один из главных ее адептов, А. М. Лубоцкий, в программной статье «Indo-Iranian Substratum» утверждает следующее: «Мы вправе подозревать, что некоторые слова были заимствованы [из неизвестного языка носителей БМАК. — Д. Б.], если они относятся к определенному семантическому полю, даже в том случае, когда они не обнаруживают фонологических или морфологических аномалий» [Lubotsky 2001: 304]¹. Таким образом, наличие небольшого числа слов, общих для обеих основных ветвей индоиранской группы, но не имеющих надежной индоевропейской этимологии, позволило М. Витцелю постулировать наличие неиндоевропейского субстрата в индоиранском, но, чтобы его обосновать, ему и его последователям потребовалось привлечь материал, не отвечающий первоначальным критериям. Кроме того, теория субстрата негласно подразумевает заимствование предметов материальной культуры непременно вместе с их обозначениями в языке-источнике, что, безусловно, типично, но отнюдь не обязательно. Начиная с нижеследующих замечаний, я планирую опубликовать серию статей, призванных показать, что по крайней мере некоторые из предполагаемых заимствований гораздо убедительнее объясняются как относящиеся к индоевро-

¹ «We can suspect that some words have been borrowed because they belong to a specific semantic field, even if they display no phonological or morphological anomalies».

пейскому наследию в индоиранском (что, разумеется, совершенно не означает праиндоевропейского возраста соответствующих культурных реалий).

В первой из предлагаемых статей речь пойдет об индоир. **(H)išti-/*(H)išta-* ‘кирпич’², играющем важную роль в обосновании теории индоиранского субстрата. Обозначения кирпича, восходящие к индоир. **(H)išti-/*(H)išta-*, представлены как в древних (др.-инд. *iṣṭakā-, iṣṭikā-* ‘обожженный кирпич’³; ав. *iṣtiia-* ‘кирпич’, *zəmōišṭ(uu)a-* ‘кирпич-сырец’⁴, др.-перс. *i-š-t-i-/išti-* ‘тж.’)⁵, так и в более поздних языках обеих основных ветвей индоиранской семьи, ср. пехл. *hšt’/’xišt*, ман.-парф. *hyštyg/hištīg*, хор. *’štyc*, н.-перс. *خشت/xišt*, газ. *iss* (все в значении ‘кирпич’); пали *iṭṭhakā-* ‘обожженный кирпич’,

² Данная транскрипция праформы, реконструируемой на основе сравнения индийских и иранских обозначений кирпича, носит предварительный и этимологически нейтральный характер. В ходе нижеследующих рассуждений она будет существенно уточнена.

³ Первый вариант засвидетельствован начиная с брахман (VS XIII.31; ŚB VI.1.2.22–24; VII.1.1.32; VIII.7.2.17–19, 7.3.1; IX.4.3.6; X.1.3.5–7, 4.2.1–2; KU I.1.15 и т. д.), второй — в более поздних памятниках.

⁴ V 8.10: *zəmōišṭuuē* (местн. п. ед. ч.). Это слово засвидетельствовано в трех основных вариантах, а именно *zəmōišṭi* или *zəmōište* (так во всех иранских рукописях Видевдад-Саде, ср., например, Ave977/978, f. 126v, l. 4; Ave991, f. 117v, l. 3; TU1, f. 132r, l. 9; K9, f. 176v, ll. 6–7; L1, f. 109v, l. 19 и т. д.), *zəmōišṭuuā* или *zəmōišṭuuō* (ср., например, рукописи K1, f. 70r, l. 7; M13, f. 154r, l. 13; L4a, f. 134r, l. 8 и т. д.) и *zəmōišṭiie* или *zimōišṭiie* (так в рукописях B1, f. 202r, ll. 2–3; M3, f. 140r, l. 4). Обычно аутентичным считается второй вариант [Geldner 1896, III: 58; Bartholomae 1904: 1691], но К. Хоффманн со ссылкой на [Geldner 1896, I: xiv, n. 2] приводит в качестве исходного третий [Hoffmann 1976: 608, n. 3]. Мнение К. Хоффманна разделяет Кс. Трамбле [Tremblay 2001: 27, n. 38]. При этом, однако, необходимо учесть, что рукописи B1 и M3, в которых представлены варианты *zəmōišṭiie* и *zimōišṭiie*, являются копиями рукописи K1 (в которой соответствующий фрагмент, к сожалению, не сохранился), так что этот вариант в любом случае вторичен. Впрочем, нельзя исключать и того, что считающийся основным вариант *zəmōišṭuuē* возник под влиянием соседнего *zərəštuuē* ‘камень’ (местн. п. ед. ч.). В этом случае как первоначальный должен, вероятно, рассматриваться вариант *zəmōište*.

⁵ Бросается в глаза семантическое расхождение между древнеиндийскими и древнеиранскими рефlekсами индоир. **(H)išti-/*(H)išta-*: если первые обозначают ‘обожженный кирпич’, то вторые — ‘кирпич-сырец’. Как будет показано ниже, первичным следует считать значение, сохранившееся в древнеиранских.

кхов. *uštú* ‘высушенный на солнце кирпич’ и т. д. [ЭСИЯ, IV: 51; CDIAL, I: 72].

* * *

Несколько лет назад было высказано предположение, что исходная форма *iṣṭi-* в значении ‘кирпич’ встречается уже в Ригведе [Forisz 2016: 115–119, 123]. В силу важности этой гипотезы для вопроса о происхождении др.-инд. *iṣṭi-* и его иранских соответствий позволю себе остановиться на ней подробнее. Автор утверждает, что форму *iṣṭe* (RV I.143.8) нельзя объяснить ни как зв. п. ед. ч. от *iṣṭi-* ‘желание’ [Oldenberg 1897: 158; Renou 1955–1969, XII: 35, 105], ни как усеченный вариант *iṣṭébhiḥ* (твор. п. мн. ч. от *iṣṭá-*) [Geldner apud Pischel, Geldner 1889–1901, I: 162, n. 1; Geldner 1951–1957, I: 202, n. 8с; Елизаренкова 1989–1999, I: 182, 633, прим. к 8с]. Собственное предложение автора — трактовать *iṣṭe* как зв. п. ед. ч. от *iṣṭi-* ‘кирпич’ (или ‘(кирпичный) алтарь’ с синекдохой [Forisz 2016: 116–119, 123]) — основано на допущении, что строфе RV I.143.8 присущ внутренний параллелизм, причем эпитеты *ádabdehbir* ‘unimpaired, intact, unbroken, unharmed’ (sic), *áḍṛpitehbir* ‘uninflamed’ (sic) и *ánimiṣadbhiḥ* ‘unwinking’ (8cd) относятся к ‘составным частям алтаря’ (т. е. ‘кирпичам’) таким же образом, как *áprayuchadbhir* ‘attentive’, *śivébhir* ‘kind’ и *śagmaiḥ* ‘powerful’ к *pāyúbhiḥ* ‘guardians’ (8ab), см. [Forisz 2016: 118]. Поскольку термин *iṣṭakā-* в позднейших древнеиндийских текстах действительно тесно связан с алтарем⁶, эта гипотеза была бы заманчива, если бы не вышеупомянутые сомнительные переводы эпитетов в RV I.143.8cd и не параллельный пассаж RV VI.8.7, в котором форма *iṣṭe* выступает в сочетании с *ádabdehbir gopábhir* ($\approx$ *pāyúbhiḥ* в RV I.143.8b), ср.:

RV I.143.8 [Müller 1849–1874, II: 153; Kumar 2013–2014: 126]

अपर्युच्छन्नपर्युच्छदभरिग्ने शविभरिन्ः प्रायुभिः पाहिशग्मैः ।
अदब्धेभरिदृपतिभरिषिटेऽनमिषिद्भिः परिपाहिनो जाः ॥

áprayuchann áprayuchadbhir agne śivébhir naḥ pāyúbhiḥ pāhi śagmaiḥ |
ádabdehbir áḍṛpitehbir iṣṭé ‘nimiṣadbhiḥ pári pāhi no jāḥ ||

⁶ Настолько тесно, что А. Я. Сыркин [1967: 98] переводит это слово в КУ I.1.15 не как ‘кирпич’, а как ‘составная часть жертвенного алтаря’.

RV VI.8.7 [Müller 1849–1874, III: 602; Kumar 2013–2014: 372]

अदबद्धेभसितव गोपाभरिषिटेऽस्माकं पाहतिरिषिधस्थ सूरीन् ।

रक्षां च नो ददुषां शर्द्धौ अग्ने वैश्वानर प्र च तारीः स्तवानः ॥

*ádabdhebbhis táva gopābhir iṣṭe 'smākaṃ pāhi triśadhastha sūrīn |
rākṣā ca no daduṣāṃ śārdho agne vaiśvānara prā ca tārīḥ stāvānaḥ ॥*

Здесь, как и в первом фрагменте, К. Ф. Гельднер интерпретирует форму *iṣṭe* как усеченный вариант *iṣṭébhiḥ* («...mit... lieben (?)») [Geldner 1951–1957, II: 101]), а Л. Рену — как зв. п. ед. ч. от *iṣṭí-* ‘стремление, желание’ («...ô dieu, objet de notre recherche» [Renou 1955–1969, XIII: 42]). Поскольку *iṣṭe* не несет на себе акцента, Т. Я. Елизаренкова, хотя и принимает такое же чтение, предложенное К. Ф. Гельднером для RV I.143.8с (см. выше), в данном случае его отвергает и присоединяется ко мнению Л. Рену («о желанный») [Елизаренкова 1989–1999, II: 98, 577, прим. к 7а]. Следует, впрочем, упомянуть, что гельднеровская трактовка *iṣṭe*, впервые предложенная еще в 1899 г. [Geldner apud Pischel, Geldner 1889–1901, I: 162, n. 1], уже двумя годами позже была справедливо оспорена Г. Ольденбергом: «Эмendaция со столь сомнительным результатом, как искаженное *iṣṭé[bhiḥ]* — при том что *iṣṭaiḥ* легко помогло бы поэту выйти из положения — представляется мне ошибочным решением» [Oldenberg 1901: 296]⁷. Как бы то ни было, сопоставление параллельных пассажей RV I.143.8 и VI.8.7 приводит к выводу, что в обоих случаях следует, вслед за Л. Рену, рассматривать *iṣṭe* как форму звательного падежа, подразумевающую Агни. Что касается соотношения семантики и морфологии, то среди девербативов на *-ti*, наряду с численно преобладающими *nomina actionis*, имеется и ряд *nomina agentis*, таких как *dhūti-* ‘сотрясающий, колеблющий’, *matí-* ‘разумный’, *rāti-* ‘готовый давать, щедрый’ и т. д., возникших, по-видимому, в результате обособления последних членов экзоцентрических сложных слов (бахуврихи), таких как *śārdha-nīti-* ‘предводитель толпы’, *ṛṇá-kāti-* ‘мститель’, *havyá-dāti-* ‘приносящий жертву’ и т. д. [AiGr., II–2: 636]. Таким образом, *iṣṭí-* в RV I.143.8 и VI.8.7 можно перевести не как ‘объект желания’ по Л. Рену (см.

⁷ «Zu ändern um ein so fragwürdiges Ergebnis wie jenes verstümmelte *iṣṭé[bhiḥ]* zu erlangen — wo noch dazu *iṣṭaiḥ* dem Dichter leicht aus aller Not geholfen hätte — scheint mir verfehlt».

выше), а как *pomen agentis* (т. е. ‘стремящийся, алчущий’), источником которого был, вероятно, композит *áśvam-iṣṭi-* ‘желающий коней’, дважды встречающийся в Ригведе (RV II.6.2 и VIII.61.7), причем в первом случае он обозначает Агни и выступает в звательном падеже *áśvamiṣṭe* [Oldenberg 1908: 477]. Соответственно, вышеприведенные фрагменты (RV I.143.8 и VI.8.7) переводятся следующим образом:

RV I.143.8

О Агни, защищай нас неустанно вместе с (твоими) неустанными, милостивыми, добрыми защитниками!

С не поддающимися обману, бдительными, не смыкающими глаз — защити, **о алчущий**, со всех сторон наших детей!

RV VI.8.7

С твоими не поддающимися обману пастырями, **о алчущий**, защити наших хозяев, обитающий в трех местах, и оберегай толпу наших дарителей, о Агни Вайшванара, и продли (срок их жизни), будучи прославляем!

Таким образом, смелую попытку Л. Фориша доказать наличие в Ригведе исходной формы *iṣṭi-* ‘кирпич’ приходится, к сожалению, признать неудачной.

* * *

Объяснение индоир. **(H)iṣṭi-/*(H)iṣṭa-* ‘кирпич’ в рамках теории индоиранского субстрата составляет один из ее краеугольных камней (или, если угодно, кирпичей), поскольку относится не к рядовому апеллятиву, а к одному из важнейших культурных феноменов древности. Впервые оно было предложено М. Витцелем [Witzel 1995: 103] и неоднократно воспроизводилось им же в ряде позднейших публикаций [Witzel 1999a: 54; 1999b: 341, п. 26; 2000: 284, п. 2, 288–289, п. 11; 2015: 153]. По мнению М. Витцеля, индоиранское обозначение кирпича следует отнести к постулированному пласту заимствований из неопознанного языка носителей БМАК по той причине, что «глиняные кирпичи неизвестны в северной части Центральной Азии (Казахстан), предполагаемой прародине индоиранского праязыка (если не считать их внезапного появления в Синташтинской

культуре к востоку от Урала около 2000 г. до н. э., предположительно связанной с БМАК)» [Witzel 1999a: 54]⁸.

М. Витцель, Ж.-Ж. Пино и Ш. Бернар [Witzel 2000: 284, n. 2; 2015: 153; Pinault 2002: 330; Bernard 2023: 203, 205] привлекают для сравнения также бур. *diščik* (с диалектными вариантами *diščik*, *gišték*, *gištík*, *kištiki*, *dištík*, см. [Bernard 2023: 203]) ‘высушенный на солнце кирпич’ [Berger 1998, III: 121] (ср., однако, [Lorimer 1935–1938, III: 132]: «*detsirom diščik* ‘a kiln-burnt brick’»!). По их мнению, это слово восходит к тому же источнику, что и дериваты индоир. **(H)išti-* / **(H)išta-*, т. е. к некоему обозначению ‘кирпича’ в языке (или одном из языков) носителей БМАК. Несмотря на несомненное звуковое сходство бур. *diščik* с индоиранскими обозначениями кирпича, это слово следует скорее отнести к ареальной группе заимствований, в конечном счете восходящих к праир. **dištika-* ‘строительный материал’ (от корня **daiž-* ‘строить’), ср. шина *lištik* (Г. Моргенштерне), *dištik* (Д. Л. Р. Лоример), *dištík* (Г. Бергер) ‘кирпич’ (← вах. **dištik*), вах. *ḍatk* ‘тж.’ (< **dištik* [IIFL, II: 470, 521; Lorimer 1935–1938, III: 132; Berger 1998, III: 121]; ср. [Стеблин-Каменский 1999: 166]). Не исключено, что само праир. **dištika-* является результатом народноэтимологической трансформации более древнего **(H)ištika-*, утратившего этимологическую прозрачность; во всяком случае, с гипотетическим «индоиранским субстратом» это слово не имеет ничего общего. Кроме того, М. Витцель приводит кал. *kh-išti-pokhta* ‘brick’ (sic), усматривая в нем еще один вариант того же самого субстратного слова с «неясным префиксом» [Witzel 2015: 153]. Подобное сопоставление можно объяснить лишь недоразумением, поскольку совершенно очевидно, что в данном случае речь идет о персидском заимствовании, ср. н.-перс. *خشت پخته* / *xišt-i puxta* ‘печеный (т. е. ‘обожженный’) кирпич’.

⁸ «Clay bricks are unknown in northern Central Asia (Kazakhstan), the putative homeland of [Indo-]Ir[anian] (except for their sudden appearance in the Sintashta Culture east of the Urals, c. 2000 BCE, for which a link with the BMAC has been supposed)». Бросается в глаза внутренняя противоречивость этого тезиса: учитывая, что прародина индоиранцев связывается именно с Синташтинской культурой [Mallory, Adams 1997: 309; Lubotsky 2023: 259], совершенно неясно, по какой причине М. Витцель выводит ее за скобки.

Впоследствии гипотеза М. Витцеля получила одобрение А. М. Лубоцкого, Ж.-Ж. Пино, М. Й. Кюммеля⁹ и других ученых [Lubotsky 2001: 304, 307, 311; 2020: 8; Pinault 2002: 330; 2003a: 150–151; 2003b: 176–177; 2006: 171; Kümmel 2018: 166]. Как нередко бывает в подобных случаях, благодаря многократному повторению и перекрестным ссылкам она стала общим местом теории индоиранского субстрата и ни разу не была оспорена. Более глубокая причина успеха этой гипотезы состоит, однако, в том, что индоир. **(H)išti-* и **(H)išta-*, несмотря на типично индоиранскую морфологию (ср. омонимы: др.-ав. *¹išta-* ‘желанный’, мл.-ав. *²išta-* ‘почитаемый’, ав. *išti-* ‘сила, способность’; др.-инд. *iṣṭi-* ‘побуждение, желание’, *iṣṭi-* ‘жертва, жертвоприношение’)¹⁰, не получили до сих пор убедительного собственно этимологического объяснения¹¹, хотя кое-какие версии и выдвигались. Первую попытку такого рода предпринял К. К. Уленбек, связавший др.-инд. *iṣṭakā-* с др.-исл. *eisa* ‘пылающие угли’ и некоторыми родственными новогерманскими формами, а также, не без колебаний, с лат. *aestās*, *aestus* ‘жар’ из гипотетического и.-е. **ais-* ‘гореть’ [Uhlenbeck 1898–1899: 26]¹². Будучи формально приемлема, эта этимология весьма

⁹ Одобрение гипотезы М. Витцеля со стороны М. Й. Кюммеля вызывает некоторое недоумение, поскольку тезис о заимствованном характере индоиранской праформы н.-перс. *خشت* /*xišt* ‘кирпич’ плохо согласуется с его собственной (впрочем, довольно сомнительной) гипотезой происхождения протетического *x-* в таких словах, как н.-перс. *خاک* /*xāk* ‘сухая земля, пыль’ (< и.-е. **h₂eh₁s-ko-*), *خام* /*xām* ‘сырой, несваренный’ (< и.-е. **h₂eh₃mó-* или **h₂oHmó-*), *خایه* /*xāya* ‘яйцо’ (< и.-е. **h₂ōuio-*), *خستو* /*xastū* ‘косточка’ (< и.-е. **h₂ost-*) и т. д. из и.-е. **h₂-* [Kümmel 2018: 166].

¹⁰ На это указывал, в частности, О. Штайн: «Данные [родственных] языков, в особенности ав. *iṣṭya*... несомненно свидетельствуют об индоевропейском, как минимум индоиранском характере [др.-инд.] *iṣṭakā-*» (Durch die übrigen Sprachen, vor allem durch av[estisches] *iṣṭya* ist... der i[n]d[o]g[ermanische], wenigstens arische Charakter von *iṣṭakā* zweifellos) [Stein 1931: 69, п. 2]. Под «как минимум индоиранским характером др.-инд. *iṣṭakā*» следует, очевидно, понимать не только наличие родственной авестийской формы, но и суффиксальное оформление обоих слов, в индоевропейском происхождении которого сомневаться не приходится.

¹¹ Идею заимствования из неизвестного языка этимологией в строгом смысле слова назвать нельзя.

¹² Более века спустя по сути дела ту же самую гипотезу (с добавлением в качестве примера тох. В *aise* ‘горшок’) выдвинул Д. К. Адамс без упоминания предшественника [Adams 2013: 72–73].

сомнительна в семантическом плане, поскольку предполагает исходное значение ‘обожженный кирпич’, тогда как единственным видом кирпича, который, по хронологическим соображениям, мог быть известен индоиранцам, был кирпич-сырец¹³. Примерно из тех же соображений, что К. К. Уленбек, исходит П. Перссон [Persson 1912, I: 326, n. 2]. Единственное отличие от гипотезы К. К. Уленбека состоит в том, что П. Перссон привлекает для сравнения др.-гр. *iaíw* ‘греть, смягчать, веселить’, др.-инд. *iṣṇāti, iṣanyāti* ‘побуждать, приводить в движение’, а также ав. *aēš-* ‘спешить’ и *aēšma-* ‘гнев’, предлагая семантическое развитие ‘энергично двигать(ся)’ → ‘быть/становиться горячим’. Следовало обладать поистине буйным воображением, чтобы возвести обозначение ‘кирпича’ к глаголу подобной семантики.

Вслед за К. К. Уленбеком свою этимологию индоиранского обозначения ‘кирпича’ предложил К. Ф. Йоханссон, выводя др.-инд. *iṣṭakā-* и т. д. из и.-е. **id^h-s-to-* (от корня **h₂eid^h-* ‘зажигать, жечь, гореть’) [Johansson 1906: 136]. Эта гипотеза неприемлема прежде всего с точки зрения древнеиндийской исторической грамматики: др.-инд. *-s-* между согласными регулярно выпадает [AiGr., I: 269], так что и.-е. **id^h-s-to-* дало бы др.-инд. **iddha-*. Что же касается семантики, то этимология К. Ф. Йоханссона страдает тем же недостатком, что и гипотеза К. К. Уленбека (см. выше).

Позднейшие попытки дать убедительное объяснение обозначениям ‘кирпича’ в древнеиндийском и авестийском также не принесли успеха. Как этимология М. Майрхофера (**išta-* ‘нагретое’ от корня

¹³ Следует отметить, что значение ‘кирпич-сырец’ восстанавливается и для др.-перс. *i-š-t-i-/iṣti-*, поскольку обожженный кирпич обозначался в древнеперсидском аккадским заимствованием **āgurru-* (← акк. *a-gur-ru/agurru* ‘обожженный кирпич’). Хотя последнее слово и не засвидетельствовано в древнеперсидском непосредственно, а лишь предполагается на основе сопоставления с параллельной аккадской версией DSf 53 [König 1930: 52; Brandenstein, Mayrhofer 1964: 101; Schmitt 2014: 126] (интересно, что в недавнем этимологическом глоссарии М. Бруста [Brust 2018: 89–334] оно отсутствует), доказательством его реальности служат пехл. **kwl/*āgurr* и арм. *sqnln/agowr* ‘обожженный кирпич’. Количество начальной гласной в древне- и среднеперсидском слове нельзя установить с достоверностью, так как н.-перс. *آگور/āgūr* ‘обожженный кирпич’ демонстрирует вторичную долготу в анлауте. Отметим также арабизированные формы *آجر/ājūr(r)* и *آجور/ājūr* (ср., однако, сир. *آجر/āgūrā* и талм.-арам. *אגור/āgūrā* ‘кирпич’ с кратким *a-*).

YAS ‘кипеть, нагреваться’) [EWA, I: 201], так и гипотезы Б. Чопа и Д. К. Адамса, связывающие эти лексемы с хетт. *išnā-* ‘тесто’, тох. В *išcem* ‘кирпич, глина’ [Ѓор 1971: 40–41, 51]¹⁴ либо с тох. В *aise* ‘горшок’, др.-исл. *eisa* ‘пылающие угли, головня’ [Adams 2013: 72–73] (см. сноску 12) и, таким образом, возводящие их к постулируемым индоевропейским корням **is-* ‘месить’ и **h₂eis-* ‘обжигать глину’ соответственно, семантически неубедительны. Значение индоир. **ias-* ‘кипеть’ < и.-е. **ies-* ‘кипеть, бродить, пениться’ (ср. др.-гр. ζέω ‘варить, кипеть, бурлить, бродить’, тох. А *yās-* ‘кипеть’, др.-в.-нем. *jesan* ‘бродить, ферментироваться’, др.-исл. *jōstr* ‘дрожжи’, ср.-в.-нем. *jest* ‘пена’, ср.-валл. *ias* ‘кипение’ и т. д.) не имеет с производством кирпичей — будь то высушенных или обожженных — ничего общего¹⁵, тогда как гипотетический корень **is-* ‘месить’ [Ѓор 1971: 40–41, 51; Benvenuto 2008: 570–572] сам по себе в высшей степени сомнителен — хотя бы потому, что хетт. *išnā-* ‘тесто’ надежно возводится все к тому же и.-е. **ies-* ‘кипеть и т. д.’ [HED, II: 384; Kloekhorst 2008: 403], а привлекаемое для обоснования гипотезы Б. Чопа и М. К. Бенвенуто тох. В *išcem* ‘кирпич, глина’ гораздо проще объяснить заимствованием из древнеиранского (см. ниже), нежели независимым развитием, как это делают авторы. Подводя итог, мы вправе констатировать отсутствие приемлемой индоевропейской этимологии индоир. **(H)išti-/*(H)išta-* ‘кирпич-сырец’, что и дает простор для спекуляций в духе М. Витцеля.

* * *

Прежде чем перейти к существу вопроса, я бы хотел вкратце остановиться на проблематике, связанной с тох. В *išcem* ‘кирпич, глина’. Некоторые исследователи [Van Windekens 1949: 148; 1976: 185; Ѓор 1971: 40–41, 51; Benvenuto 2008: 571–572] рассматривают это слово как исконно родственное индоир. **(H)išti-/*(H)išta-*, другие [Isebaert 1980: 117; Adams 2013: 73]¹⁶ — как заимствование из авестийского или иного близкородственного языка. Особую позицию в этом вопро-

¹⁴ Принято М. К. Бенвенуто [Benvenuto 2008: 570–572].

¹⁵ Аналогичные соображения высказывает в своей диссертации Ш. Бернар [Bernard 2023: 202].

¹⁶ В первом издании своего словаря [Adams 1999: 67] Д. К. Адамс еще придерживался версии исконного происхождения тох. В *išcem* (< и.-е. **ist-yo-my*).

се занимает Ж.-Ж. Пино [Pinault 2002: 327–330], постулируя пратох. **išc*- ‘земля, глина’ и выводя его из того же гипотетического источника («langue X d’Asie Centrale»), к которому он вслед за М. Витцелем возводит индоиранское обозначение кирпича. Ж.-Ж. Пино объясняет тох. В *išcem* ‘кирпич, глина’ как результат перерасположения прилагательного *išcemašše* ‘глиняный, керамический’, образованного якобы от старой основы **išce* с помощью составного суффикса *-mašše*, возникшего, в свою очередь, в результате сращения исхода основ на *-m* с продуктивным суффиксом *-ašše*¹⁷. Таким образом, Ж.-Ж. Пино реконструирует праформу этого слова в тохарском В как им. п. ед. ч. **išce*, косв. п. **išc* (тип склонения V.2 по [Krause, Thomas 1960–1964, I: 130–131]), одновременно постулируя тох. А **išäc* ‘глина’ на основе предполагаемого заимствования в древнетюркский (др.-уйг. *isič* или *esič*¹⁸, кар.-уйг. *äšič*, *äšič* ‘котел, казан’¹⁹). Исходя из обе-

¹⁷ Ср. тох. В *ayormašše* ‘относящийся к дару’ (от *āyor* ‘дар’), *ñwemašše* ‘новый’ (от *ñuwe* ‘тж.’), *eñcilmašše* ‘относящийся к налогу, подати, имеющий долг по налогу’ (?), от *eñcil* ‘налог, подать’), *ptamašše* ‘относящийся к ступе’ (от *pat* ‘ступа’). Как, однако, указывает Ш. Бернар, суффикс *-mašše* — поздний и характерен для обиходной речи (см. [Peugot 2008: 94]), тогда как *išcem* встречается уже в классических текстах [Bernard 2023: 201].

¹⁸ Примеры см. в [Müller 1922: 24; Радлов 1928: 94, 96, 266, 272, табл. III; Rachmati 1930: 454, 458, 462; 1932: 424; Hazai, Zieme 1983: табл. 94].

¹⁹ Встречается у аль-Кашгари (Kash. LT I.52 как эквивалент ар. *القدر* ‘горшок, котел’, I.210, I.262, I.343) [Rifat 1915–1917, I: 52, 210, 262, 343; Atalay 1939–1941, IV: 38, II. 1, 2: 130, I. 6: 157, I. 13: 206, I. 9; Dankoff 1982–1985, I: 99, 219, 252, 311; Рустамов, Кормушин 2010: 93, 228, 270, 337]. Кроме того, то же слово в форме *äšič* (с вариантами, см. ниже) засвидетельствовано в восточном среднетюркском, ср. Muh. HİHL II.10: *äšič* ~ ар. *القدر* [Rifat 1919–1921: 169], аль-Рабгузи (Rabg. QA, рук. А, ff. 94v, I. 20 и 228v, II. 7, 16: *äšič*, 197v, I. 1: *äšič*) [Boeschoten, O’Kane 2015, I: 173, 446, 509]. Обращает на себя внимание, что позднейшие списки тех же сочинений зачастую заменяют диалектное слово *äšič* синонимами, каждый из которых был, видимо, характерен для области, в которой была создана соответствующая рукопись, ср. *čümläk* и *čümläk* вместо *äšič* в трактате Ибн Муханны по изданию П. М. Мелиоранского [Мелиоранский 1900: 68, прим. 6] (отмечено С. Е. Маловым в списке лексических расхождений между изданиями П. М. Мелиоранского и К. Рифата [Малов 1928: 228]) и *qazan* ‘котел, казан’, *kiwäč* ‘глиняный горшок’ у аль-Рабгузи (рукописи T, f. 129v, I. 5 и Ba, f. 17v, I. 2 вместо *äšič*/**äšič* в рукописи A, f. 94v, I. 20) [Boeschoten, O’Kane 2015, I: 606]. Это явление вполне согласуется с наблюдением С. Е. Малова, что использованный К. Рифатом константинопольский список Ибн Муханны отражает изначаль-

их реконструкций, Ж.-Ж. Пино приходит к пратох. **iśc-*, в котором усматривает заимствование из «неизвестного центральноазиатского языка» (см. выше), он же «язык БМАК» (по М. Витцелю)²⁰.

Приведенная цепь рассуждений содержит по меньшей мере одно слабое звено. Древнетюркское обозначение сосуда для приготовления пищи, в котором Ж.-Ж. Пино видит решающее доказательство существования незасвидетельствованного тох. А **iśāc* ‘глина’ («...тох. А **iśāc*, несомненно заимствованное позднее в др.-тюрк. *išiĉ* или *äšiĉ*»²¹ [Pinault 2003b: 176]), по всей вероятности, не имеет отношения к делу. В своей интерпретации обоих диалектных вариантов древнетюркского слова Ж.-Ж. Пино опирается на перевод Дж. Клосона ‘an (earthenware) cooking pot’ [Clauson 1972: 257], тогда как по меньшей мере в трех случаях из контекста явствует, что речь идет о металлическом сосуде, т. е. котле: ср. *baqır išiĉtā* ‘в медном котле’ [Rachmati 1930: 462]; Kash. LT I.52: *äšic ajur tübüm altun* ‘Котел говорит: «Мое днище из золота»’ [Rifat 1915–1917, I: 52; Atalay 1939–1941, IV: 38, l. 2; Dankoff 1982–1985, I: 99; Рустамов, Кормушин 2010: 93]; Kash. LT I.343: *codin äšiĉ* ‘чугунный котел’ [Rifat 1915–1917, I: 343; Atalay 1939–1941, IV: 206, l. 9; Dankoff 1982–1985, I: 311; Рустамов, Кормушин 2010: 337]. Предлагаемое Ж.-Ж. Пино семантическое развитие ‘кирпич, глина для изготовления кирпичей’ → ‘глиняный сосуд, горшок’ лишено, таким образом, всяких оснований²².

ный (т. е. кашгарско-уйгурский) диалект трактата, тогда как те копии, что легли в основу издания П. М. Мелиоранского, отмечены сильным влиянием азербайджанского диалекта [Малов 1928: 247] (ср., однако, более осторожное суждение Г. Дёрфера: «Я бы... сказал, что центральный Хорасан как место происхождения Ибн Муханны гораздо вероятнее Азербайджана» (Ich würde... meinen, daß eine Herkunft Ibn Muhannās etwa aus dem Zentrum des alten Chorasān um Erhebliches wahrscheinlicher ist als aus Aserbejdšchan) [Doerfer 1976: 251]).

²⁰ Выводы Ж.-Ж. Пино воспроизведены в статье М. Витцеля [Witzel 2015: 153, n. 28] без каких-либо комментариев.

²¹ «...toch. А **iśāc*, certainement emprunté plus tard dans turc ancien *išic* ou *äšic*».

²² Ж.-Ж. Пино прав лишь в том отношении, что рассматриваемое древне-и караханидско-уйгурское обозначение котла вряд ли было исконным. Гипотеза Э. В. Севортыяна, согласно которой др.-тюрк. *äšiĉ* образовано от *aš* ‘еда, пища’ с помощью суффикса *-(i)ĉ* «с орудийным значением» [ЭСТЯ, I: 211], неубедительна, так как ни передняя гласная в анлауте (др.-уйг. *i-* или *e-*, кар.-уйг. *ä-*), ни обычная функция суффикса *-(i)ĉ* (уменьшительная, а не орудийная)

Другой его аргумент против тезиса об изолированном характере тох. В *išcem* ‘кирпич, глина’ внутри тохарского, а именно утверждение, что тох. В *iščake* (гапакс, глоссирующий будд.-скр. *tokharika* в санскритско-тохарском В словаре [Воробьев-Десятовский 1958: 305–308 и таб. 12]) следует читать как **iščake* (< **iščāke*) и трактовать как производное гипотетической основы **išč* со значением ‘род земли или глины’ [Pinault 2002: 326–331], содержит слишком много допущений ad hoc, чтобы служить основой для дальнейших рассуждений. Ключевую роль в построениях Ж.-Ж. Пино играет интерпретация будд.-скр. *tokharika* как ресанскритизированной формы гипотетического ср.-инд. **tūharika*, с эпентезой **-h-* для преодоления зияния, возникшего в результате выпадения [b] в скр. *tūbarikā* ‘род глины’ [Ibid.: 333–334]. Будь принятое Ж.-Ж. Пино значение будд.-скр. *tokharika* («terre odorante») сколько-нибудь достоверно, можно было бы закрыть глаза на убывающую вероятность каждого следующего звена в предложенной им цепи изменений скр. *tūbarikā* > **tū.arikā* > **tūharika* >

не свидетельствуют в ее пользу. Кроме того, ареал распространения др.-тюрк. *i/esič*, *āšič*, ограниченный восточнотюркским (см. сноску 19), наводит на мысль о заимствовании из некоего языка Центральной Азии. Тохарский как источник подобного заимствования хотя и не исключен, но отнюдь не самоочевиден; при прочих равных согдийский подходит на эту роль гораздо больше. И действительно, древнетюркское слово нетрудно объяснить на основе согдийского: др.-тюрк. *i/esič*, *āšič* ← согд. **iš(ə)č* < др.-ир. **ištra-* или **jaštra-* (см. ниже) от корня **jah-* ‘кипеть, кипятить’, ср. согд. **yšty/ēštē* ‘кипеть, кипятить’, **yšy’n(tc)/*ēš(y)ānč* ‘кипящий’ [Sims-Williams apud Sundermann 1990: 32, nn. 82, 86], будд.-согд. **by’s’ntcy/*əbyēšānč-* ‘кипящая’ (ж. р.), **by’y’s’ntk/byēšāndē* ‘кипящий’ (м. р.) [MacKenzie 1970: 14, II. 235, 236], а также ягн. *ēš-* ‘кипеть’ [Климчицкий 1937: 22; Андреев, Пещерева 1957: 251; Novák 2010: 45], на основе которых реконструируется согдийская основа презенса **ēš-* ‘кипеть’ (< праир. **ja-iš-a-* [Cheung 2007: 210]). Шипящий **š* древнеиранской праформы объясняется либо нулевой ступенью корневой гласной (**ištra-*), либо влиянием основы презенса (праир. **jaštra-* > др.-ир. **jaštra-*): ср. ав. *yaštibiīō* в Р. 20, произвольно эмендированное в **yaēšəntibiīō* К. М. Джамаспасой и Х. Хумбахом [Jamaspasa, Humbach 1971: 34] (как, впрочем, и Хр. Бартоломе [Bartholomae 1904: 1281, n. 2], но под вопросом). Что касается фонетического развития др.-ир. **ja-* > согд. *i-* и др.-ир. *-šər-* > согд. *-šč-*, ср. будд.-согд. **yz-/iz-* ‘приносить жертву’ < **jaza-*, **ykšy/ikš* ‘якша’ ← скр. *yakṣa-*, **yṣp(h)/iṣp* ‘яшма’ ← др.-гр. *ἵασπις* ‘тж.’ [Henning apud Gershevitch 1954: 32] и, соответственно, согд. **zr’wšč/ʔzrušč*, ман.-согд. *zrwšč/Zrušč* ‘Зороастр’ ← ав. *Zaraṇuštra-*, будд.-согд. *mwškyšc(h)/mūškišč* ‘мышеубийца’ (т. е. ‘кот’) < **mūš-kušt(a)r-* [Gershevitch 1954: 44, 58, n. 382¹].

будд.-скр. *tokharika* [Ibid.: 334]. Это, однако, далеко не так, поскольку Ж.-Ж. Пино объясняет *tokharika* исходя из гипотетического значения тох. В *iṣcake* ('глина'), а не наоборот, прибегая, таким образом, к *circulus in probando*. Кроме того, нельзя не отметить, что исходный пункт его рассуждений, а именно идущий от В. Винтера [Winter 1984: 132–133] отказ от общепринятой ранее трактовки прил. *k_ucaññe* в составе глоссы *tokharika k_ucaññe iṣcake* — «*tokharika*: относящийся к городу или области (*iṣcake*) Куча (*k_ucaññe*, прил.)», — вряд ли может быть принят за аксиому. Характерно, что варианты топонима в других сопредельных языках В. Винтер рассматривает весьма избирательно, учитывая только формы с исходом на *-i*, такие как тох. В *k_uśi-*, скр. *Kuci*, пкр. *Koci*, кит. 屈支/*Qū-zhī* (ср.-кит. *K'hyt-tsi*; В. Винтер: *k'uci* [Ibid.: 133]), и игнорируя варианты на *-ā*, в частности кит. 苦叉/*Kūchā* (ран.-мандар. *Khɔ'-tʂai* или *Khɔ'-tʂe*; П. Пелльо: *K'ou-tch'a*, XIV в. [Pelliot 1923: 127]) и кар.-уйг. كۇچا *Kučā* или *Küčā* (Kash. LT I.339 [Rifat 1915–1917, I: 339; Atalay 1939–1941, IV: 204, l. 2; Dankoff 1982–1985, I: 308; Рустамов, Кормушин 2010: 333]). Таким образом, В. Винтер и Ж.-Ж. Пино, опираясь исключительно на соображения Г. Людерса [Lüders 1922: 246], оставляют ценные наблюдения П. Пелльо без внимания. Как пишет в посмертно опубликованной работе сам П. Пелльо, «древнее название Кучи было **Kučī*, что отражено как в китайских транскрипциях, так и в брахми. В то же время существовало тюркское название *Kūsān*, которое мы можем проследить с X по XVI век в тюркских, монгольских и китайских источниках и которое, возможно, гораздо древнее, чем та дата, когда оно впервые упоминается в текстах. В 1076 году, когда Кашгари составлял свой тюркский словарь, **Kučī* уже перешло в *Kučā* (? *Küčā*), но наряду с *Kučā* Кашгари приводит и синоним *Kūsān*» [Pelliot 1959–1963, I: 414]²³ (выделено мною. — Д. Б.). Если исходить из того, что тох. В *k_ucaññe* отражает вариант топонима *Kučā*, хитроумные построения Ж.-Ж. Пино рас-

²³ «The ancient name of *Kučā* was **Kučī*, duly rendered in Chinese transcriptions and in Brahmi spelling. But at the same time, there was a Turkish name of *Kučā*, *Kūsān*, which we can follow from the 10th cent[ury] down to the 16th, in Turkish as well as in Mongol and Chinese sources, and which may be much more ancient than the date at which it is attested in the texts. When *Kāšyārī* compiled his Turkish dictionary in 1076, **Kučī* had already passed to *Kučā* (? *Küčā*), but, alongside of *Kučā*, *Kāšyārī* gives the synonym *Kūsān*».

сыпаются в прах. Что бы на самом деле ни означал западнотохарский гапакс *išcake*, ни с ‘глиной’, ни с ‘душистой землей’ он точно не имеет ничего общего.

Для уточнения хронологии и источника заимствования тох. В *išcem* ‘кирпич, глина’ определенную роль играет то обстоятельство, что звуковой переход др.-ир. **-ti- / *-t̪i-* > ср.-ир. **-č-* характерен только для согдийского. Очевидно, именно поэтому в качестве непосредственного источника тохарского слова Кс. Трамбле постулирует незафиксированную согдийскую форму **yšc-(z)m* ‘terre à bricques’ [Tremblay 2001: 27, n. 38; 2005: 438]. Семантически подобная реконструкция была бы вполне приемлема, но предполагаемое выпадение *-z-* в согдийском Трамбле оставляет без объяснения. Напрашивается предположение, что заимствование имело место не в средне-, а в древнеиранскую эпоху. Именно на нем основана реконструкция Л. Изебэра [Isebaert 1980: 117]: др.-ир. **ištya-* > **iščya-* → пратох. **išččV*. Контраргумент Ж.-Ж. Пино с подразумеваемой отсылкой к закону Зиверса («...это развитие совершенно *ad hoc*; вероятнее, что предполагаемая авестийская форма изначально имела три слога: /ištya-/ , с закономерным отражением [y] после тяжелого слога (заканчивающегося группой согласных)») [Pinault 2002: 329]²⁴ сам по себе не лишен оснований, но его вывод («Результат заимствования формы **ištya-* в тохарский звучал бы как **išti-*» [Ibid.])²⁵ совершенно произволен: как минимум, в одном несомненном заимствовании из древнеиранского в пратохарский — тох. А *opyāc*, тох. В *epiyac* ‘память’ < пратох. **epiāc* ← др.-ир. **abi-īāti-* — мы сталкиваемся с переходом др.-ир. **-ti-* → тох. В *-c* [Isebaert 1980: 103, 116, 156–157; Hilmarsson 1986: 56]²⁶. Хотя тот же самый пример содержит, как кажется на первый

²⁴ «...cette évolution est entièrement *ad hoc*, et il est plus probable que la forme avestique supposée au départ ait eu trois syllabes: /ištya-/ , avec le traitement normal de yod après syllabe lourde (fermée par un groupe de consonnes)».

²⁵ «Le produit de l'emprunt de cette forme **ištya-* en tokharien serait **išti-*».

²⁶ Д. К. Адамс возражает против приведенной этимологии, ссылаясь на то, что форма **abi-īāti-*, т. е. помен actionis на *-ti* от глагола **abi-īā-* ‘помнить’, на иранском материале не реконструируется, и предлагает рассматривать пратох. **epiāc* как форму винительного падежа исходного пратох. **epiāt* (← ср.-ир. **abiyāta-* (sic)), образованную по аналогии с альтернативой *-t ~ -c* в исконно-тохарских рефlekсах основ на *-ti* (как, например, тох. В *plāce*, вин. п. мн. ч. *plātām* ‘слово, речь, ответ’ [Adams 2013: 95]). На мой взгляд, эта гипотеза лишена убедительности —

взгляд, дополнительную проблему — сохранение в тох. В *epiṃac* древнеиранской последовательности **-iV-*, — это препятствие оказывается вполне преодолимо: различие в ее отражении в обоих случаях может объясняться местом ударения (др.-ир. **abi-īāti-* → пратох. **epiāc* > тох. В *epiṃac* vs. др.-ир. **ištīam* → пратох. **iścem* > тох. В *iścem*)²⁷. Важнее другое: коль скоро мы исходим из древнеиранского заимствования в пратохарский, переход **-ti-/ *-tī-* → **-č-* должен был произойти не в древнеиранском (как предполагает Л. Изебэр), а уже в пратохарском (как и в пратох. **epiāc* ← др.-ир. **abi-īāti-*, см. выше). Гипотеза Ж.-Ж. Пино, хотя и основанная на неверных посылках —

хотя бы потому, что и сам глагол **abi-īā-* непосредственно в древнеиранских языках не засвидетельствован, и существование в древнеиранском соответствующего *poen actionis* на *-ti* вполне вероятно, тогда как постулированное Д. К. Адамсом встраивание заимствования, пусть даже весьма раннего (что, однако, не мешает Д. К. Адамсу и Й. Г. Хильмарссону относить его к среднеиранскому периоду!), в систему исконной альтернации более чем проблематично. Поскольку имя действия в качестве этимона для обозначения памяти как процесса *ceteris paribus* вероятнее пассивного причастия на *-ta* (ср. др.-инд. *smṛti-*, др.-гр. *μνησι*^ο, др.-ц.-сл. *памать*, лит. *atmintis*, гот. *gaminþi*) я, в отличие от Д. К. Адамса, рассматриваю тох. *A oṃyāc*, тох. В *epiṃac* как свидетельство того, что древнеиранскую праформу таких средне- и новоиранских слов, как пехл. *ʔyūʔtʔ/aβiyāt* (позже *ayyāt*, *ayyād*), ман.-ср.-перс. *ʔyʔd/ayyād*, ман.-парф. *ʔyʔ(ʔ)d/aβyād*, пар. *awē* и т. д. (все в значении ‘память’) следует восстанавливать именно как **abi-īāti-*. Согдийский гапакс *ʔyʔw/aβyātu* ‘память, воспоминание’ (вин. п. ед. ч., Старые письма 4, l. 8: [Sims-Williams 2017: 172]), предполагающий, как может показаться, праформу **abi-īāta-*, по всей вероятности, заимствован из парфянского (следовательно, флексия вторична), поскольку встречается всего один раз во всем корпусе согдийских текстов (обычное согдийское слово для ‘памяти’ — *ʔyʔh/ašyā*, ср. будд.-согд. *ʔyʔh/ašyā*, ман.-согд. *ʔyʔʔašyā*, *wšyʔ/ušyā*), будучи изолирован от системы глагола (ср. пехл. *ʔyūʔsytnʔ/aβiyāsītan*, позже *ayyāsītan*, *ayyāsīdan* ‘вспоминать, помнить’, ман.-ср.-перс. *ʔyʔsʔ/ayyās-* ‘тж.’, ман.-парф. *ʔyʔsʔ/aβyās-* ‘тж.’). Особое место занимает хот. *byāta* ‘память, памятный’, но его тематическая основа необязательно исконна, ср. хот. *būma* ‘основа, ступень’ < др.-ир. **būmi-* ‘земля, основание’, *ggara* ‘гора’ < др.-ир. **gari-* ‘тж.’ и т. д. [Emmerick 1968: 289].

²⁷ Еще более простое — и, вероятно, предпочтительное — объяснение состояло бы в том, что *-e-* в *iścem* возникло позже (возможно, в результате прогрессивной диссимилиации), а формы с *-i-* остались не засвидетельствованы. Случаи чередования *i ~ e* в тохарском В, хотя и немногочисленные, известны, ср. *eṃcuwo ~ iṃcuwo* ‘железо’, *ākteke ~ āktike* ‘чудо, чудесный’, *ente ~ inte* ‘если’ [Peugot 2008: 60]. В этом случае древнеиранский источник тохарского слова следует реконструировать как **ištīm* (вин. п. ед. ч. от **ištī-*).

вторичном характере суффикса в прилагательном *išcemašše*²⁸ и обратном толковании др.-тюрк. *äšič, isič* ‘котел’, — сводится в конечном счете к тому же самому: хотя обозначение ‘кирпича’ засвидетельствовано лишь в одном из тохарских языков, момент заимствования следует отнести к пратохарскому периоду. При этом следует еще раз подчеркнуть, что подобное допущение — необходимое, но отнюдь не достаточное условие для принятия гипотезы о независимом заимствовании в индоиранский и пратохарский из третьего источника. Если же не прибегать к произвольным допущениям и основанным на них реконструкциям, подобным гипотетическому пратох. **išc-* (см. выше), то наиболее вероятным источником тох. *išcem* остается вин. п. ед. ч. др.-ир. **ištiⁱiam*. Для этимологии исходной формы (индоир. **(H)išta-/*(H)išti-* ‘кирпич’) тохарские данные тем самым оказываются нерелевантны.

* * *

Таким образом, идея иноязычного происхождения индоир. **(H)išta-/*(H)išti-* ‘кирпич’ не основана ни на чем, кроме отсутствия надежной индоевропейской этимологии, причину которого я вижу в том, что все предлагавшиеся до сих пор гипотезы исходили из и.-е. **-i-* как слогаобразующего элемента. Если, однако, принять во внимание, что *i*-вокализм в индоиранском может также объясняться вокализацией ларингала, морфологически и семантически безупречное решение лежит на поверхности. Индоир. **Hišta-* и **Hišti-* оказываются в этом случае, соответственно, пассивным причастием и именем действия на *-ti* от глагола **HaHs-* ‘сохнуть, сушить’, имеющего установленную индоевропейскую этимологию: и.-е. **h₂eh₁s-* ‘сохнуть, сушить’ (ср. хетт. *hāšš-* ‘зола, пыль, мыло’, *hāššā-* ‘кострище, очаг’, лат. *ārēre* ‘сушить’, (h)*arēna* ‘песок’²⁹, *assus* ‘жаренный без масла’³⁰, *āra* ‘алтарь’,

²⁸ См. замечания Ш. Бернара [Bernard 2023: 201] (сноска 17).

²⁹ Профессор А. С. Николаев обратил мое внимание на лат. *arēna, asēna* ‘песок’, выводимое им из и.-е. **h₂h₁s-es-neh₂-* (ср. [de Vaan 2008: 279]: «No etymology»). Начальное *h-* объясняется, по-видимому, гиперкоррекцией [Nikolaev 2021: 27, п. 24]. Бросается в глаза семантическая близость латинского слова и средне- и новоиранских обозначений пыли, сухой земли (см. ниже).

³⁰ Если бы была обоснована этимология, предложенная в [LIV: 258, п. 2] для лат. *assus*, это слово могло бы стать особо показательным примером, так как его

оск. *āsā-* ‘тж.’, умбр. *aso* ‘кострище, очаг’, др.-в.-нем. *essa* ‘кузнечная печь’, тох. АВ *ās-* ‘сушить’ [Harðarson 1994: 37–39, п. 35; LIV: 257–258; de Vaan 2008: 49, 53; Kloekhorst 2008: 318–319, 322–323]) > индоир. **HaHs-* (ср. др.-инд. *āsa-* ‘зола, пыль’, кати *aśa* ‘зола, пепел’, прас. *āsā* ‘тж.’, вайг. *āsā* ‘тж.’ [CDIAL, I: 67]) > праир. **HaHh-* (ср. хот. *astaučā* ‘сухая земля’, н.-перс. *خاک* /*xāk* ‘сухая земля, пыль’ < пехл. APLA, *h’k’/xāk* ‘тж.’ < праир. **HaHh-ka-* [Klingenschmitt 2000: 213, п. 77], пар. *hāy* ‘тж.’ [Morgenstierne 1942: 266], орм. *yānak* ‘зола’ < праир. **HaHhanaka-* [ЭСИЯ, I: 304], ср. [IFL, I: 413]).

В семантическом плане предлагаемая этимология безупречна, поскольку, как было показано выше, денотат индоир. **(H)išta-/*(H)išti-* следует рассматривать не как ‘кирпич’ вообще и, тем более, не как ‘обожженный кирпич’, а как ‘кирпич, высушенный на солнце’. Фонологически она, напротив, может быть оспорена как нарушение закона Г. Шмидта о праиндоевропейском выпадении ларингала в последовательности *(-)CHCC(-)* [Schmidt 1973: 61, 82]. При этом, однако, необходимо учесть, что в своей первоначальной формулировке закон Г. Шмидта несостоятелен, так как не объясняет довольно многочисленных исключений: др.-гр. *ἄροτρον*, др.-ирл. *arathar*, арм. *արար* /*arawr* ‘плуг’ < и.-е. **h₂erh₃tro-*, лат. *genetrix*, др.-инд. *jānitṛī-* ‘мать, родительница’ < и.-е. **ĝenh₁trih₂-*, др.-инд. *tāmīsrā*, лат. *tenebrae* ‘темнота’ < и.-е. **témHsreh₂-*, лат. *cerebrum* < и.-е. **k₁erh₂sro-* и т. д. Попытка М. Петерса ограничить сферу действия закона предупредительной позицией (*CHCC(-)* > *CCC(-)*) [Peters apud Mayrhofer 1981: 436]) также не может считаться удачной, поскольку и с учетом введенного М. Петерсом ограничения список исключений остается внушительным: др.-гр. *δοξικός*, др.-инд. *jihmā-* ‘кривой, косой’ < и.-е. **dh₃ǵ^hmó-*, тох. В *pāsk-* ‘охранять, хранить, наблюдать’ < и.-е. **ph₂-ské/ó-*, лат. *fānum* ‘храм’ < и.-е. **dh₁s-nó-*, др.-инд. *dīśva* ‘надели!’ (императив аориста) < и.-е. **dh₂-sué* и т. д. [Byrd 2015: 94]. По-видимому, оптимальное решение предложил (преимущественно на тохарском материале) О. Хакштайн: выпадение ларингала в последовательности *-CHCC-* он ограничивает безударными слогами в инлауте, объясняя исключе-

морфологическая структура оказалась бы в этом случае тождественна структуре индоир. **Hišta-*: и.-е. **h₂h₁s-tó-* > праит. **astos* > лат. *assus*. Этимология латинского слова предполагает, однако, ассимиляцию **-st-* > *-ss-*, недостаточно обоснованную [de Vaan 2008: 58–59].

ния типа лат. *genetrix* и др.-гр. *ἄροτρον* восстановлением по аналогии с *genetor* и *ἀρώω* соответственно и выделяя вариант последовательности *-CHsr-* (и.-е. **témHsreh₂-* и **kérh₂sro-*, см. выше), для которого он постулирует отдельную линию развития [Hackstein 2002: 19]³¹. Таким образом, нет никаких оснований сомневаться в возможности вокализации ларингала по модели и.-е. **h₂h₁s-tó-/h₂h₁s-ti-* > индоир. **(H)išta-/*(H)išti-*.

* * *

Для индоевропеистики этимология индоир. **(H)išta-/*(H)išti-* ‘кирпич-сырец’ < и.-е. **h₂h₁s-tó-/h₂h₁s-ti-* представляет тем больший интерес, что служит дополнительным свидетельством в пользу реконструкции и.-е. **h₂eh₁s-* ‘сушить’, предложенной Й. А. Хардарсоном и поддержанной М. Й. Кюммелем, М. де Ваном, А. Клуххорстом и другими [Harðarson 1994: 37–39; LIV: 257–258; de Vaan 2008: 49, 53; Kloekhorst 2008: 318–319, 322–323], в то время как некоторые ученые восстанавливают соответствующий корень как **h₂es-* [Nagy 1974: 78–82, 1992: 144–155, Lubotsky 1985: 6–9, EWA, I: 182–183]. Выбор того или иного варианта реконструкции зависел от объяснения долготы гласной в итальянском и хеттском. Для итальянского А. М. Лубоцкий и Г. Клингenschmitt постулировали редупликацию **h₂e-h₂s-* [Lubotsky 1985: 6; Klingenschmitt apud Meiser 1986: 254], но Й. А. Хардарсон и А. Клуххорст отвергли эту идею на том основании, что и.-е. **h₂eh₂s-* дало бы хетт. **haḫš-* [Harðarson 1994: 38–39, n. 34; Kloekhorst 2008: 318, 322]³². Г. Надь объяснил долгое *-ā-* в лат. *āra* и оск. *āsā-* (только местн. п. ед. ч. *aasai*) как «вторичное итальянское развитие» того же рода, что в лат. *ācer* ‘острый’ vs. *āciō* ‘точить, заострять’, транскрибируя хетт. *hāššā-* ‘кострище, очаг’ как *hašša-* (т. е. с двумя краткими гласными) и выводя его из постулированного ad hoc и.-е. **h₂os(s)-o-* [Nagy 1974: 79, 82, n. 30; 1992: 151, 154, n. 43]. Между тем Й. А. Хар-

³¹ В общих чертах идею О. Хакштайна принял А. М. Бёрд, переформулировав ее в терминах собственной теории индоевропейской силлабификации [Byrd 2015: 94–101].

³² Х. К. Мельчерт полагал одно время, что последовательность **-h₂sV-* дала бы в хеттском геминату *-ss-* [Melchert 1994: 77]. В дальнейшем, под давлением аргументации А. Клуххорста и И. С. Якубовича [Kloekhorst 2008: 216; Yakubovich 2008: 194–195], он от этого тезиса отказался [Melchert 2012: 280].

дарсон ([Hardarson 1994: 38–39, п. 34]) подверг объяснение Г. Надя острой критике³³: помимо того, что реконструированные Г. Надем праиндоевропейские формы $*h_2os(s)-oh_2-$ (> праит. $*āśā-$ ‘жертвенный алтарь, очаг’) и $*h_2os(s)-o-$ (> хетт. $*hašša-$ (sic)) с геминированным $*s$ противоречат индоевропейским фонетическим законам, хетт. $hāššā-$ (Г. Надя: $hašša-$) невыводимо из праязыковой o -основы ввиду акцентной оппозиции падежных форм (баритонический вин. п. ед. ч. $ha-a-aš-ša-an$ при окситоническом род. п. ед. ч. $ha-aš-ša-a-aš$) [Hardarson 1994: 35–36]³⁴. Таким образом, реконструкция и.-е. $*h_2eh_1s-$ ‘сушить’ может, как мне кажется, считаться надежно установленной. Хотя вышеприведенных германских, итальянских и хеттских данных достаточно для ее обоснования, окончательным аргументом в ее пользу может служить индоир. $*Hišta-/ *Hišti-$ ‘кирпич-сырец’ < и.-е. $*h_2h_1s-tó-/ *h_2h_1s-ti-$.

Учитывая важность вопроса о предполагаемых заимствованиях из бактрийско-маргианского языкового субстрата как для предыстории индоиранских языков, так и для методологии этимологических исследований в целом, я, как уже было упомянуто выше, предполагаю

³³ Тем не менее Г. Надя повторяет изложенную интерпретацию в обоих (1990 и 1992 гг.) изданиях своей книги «Greek Mythology and Poetics» практически в неизменном виде.

³⁴ Й. А. Хардарсон выводит германские формы, такие как др.-в.-нем. *essa* ‘кузнечная печь’, др.-исл. *esja* ‘род сланца, мыльный камень’, шв. диал. *ässje* ‘пылающие угли’ и т. д. (< прагерм. $*asjō(n)$ [Orel 2003: 26; Kroonen 2013: 38]), приводимые, в частности, П. Шрайвером в доказательство реконструкции $*h_2es-$ [Schrijver 1991: 53], из и.-е. $*h_2h_1s-iéh_2-$ ‘связанный с золой’ по модели прагерм. $*aujō$ ‘болото, остров, луг’ (> др.-исл. *ey* ‘остров’, др.-в.-нем. *ouwa* ‘остров, луг’ и т. д.) < и.-е. $*h_1k^u-iéh_2-$ ‘относящийся к воде’ [Hardarson 1994: 39, п. 35]. Как, однако, указывает С. Нери, предполагаемая нулевая ступень корня создает фонетические сложности: в последовательности $*h_2h_1sC^o$ ожидалась бы не вокализация $-h_1-$, как то предполагает Й. А. Хардарсон, а выпадение ларингала все по тому же закону Г. Шмидта ($CHCC > CCC$) [Neri 2017: 300]. Тем не менее, С. Нери [Ibid.] выводит как прагерм. $*asjō-(n)$ 1. ‘кузнечная печь’ 2. ‘мыльный камень’, так и $*askō-(n)$ ‘зола’ (ср. др.-в.-нем. *aska*, др.-англ. *æsce*, *asce*, *axe*, др.-исл. *asca* и т. д.) из и.-е. $*h_2eh_1s-$ с помощью открытого Й. Шиндлером так называемого «закона *Wetter*» (выпадения ларингала после безударного гласного перед консонантной группой определенной структуры), ср. прагерм. $*asjō-$ < и.-е. $*h_2es-iéh_2-$ («закон *Wetter*») < $*h_2eh_1s-iéh_2-$; прагерм. $*askō-$ < и.-е. $*h_2eskó-$ («закон *Wetter*») < $*h_2eh_1s-(s)kó-$. На мой взгляд, в данном случае нет нужды прибегать к дополнительным допущениям, поскольку, как показал О. Хакштайн (см. выше), закон Г. Шмидта не распространяется на группу $CHCC-$ в начальном слоге.

вернуться к этой теме в будущих публикациях. Предвосхищая их выводы, отмечу, что подход, при котором отсутствие достоверной этимологии слова считается достаточным основанием для объявления его заимствованием из неизвестного языка, должен, на мой взгляд, быть признан несостоятельным. Зачастую он приводит к неоправданной растрате времени и сил на исследование гипотетических слоев заимствований, само существование которых постулируется на основе *circulus in probando*. Ярким примером подобного рода может служить «Etymological Dictionary of Greek» (2010) выдающегося индоевропеиста Р. Бекеса [Beekes 2010], изначально задуманный как обновленное издание классического словаря Я. Фриска [Frisk 1960–1972], но превратившийся едва ли не в этимологический словарь «догреческого субстрата». Не переоценивая своих возможностей, надеюсь тем не менее, что моя работа позволит взглянуть на некоторые старые проблемы под новым углом зрения.

Список условных сокращений

ав. — авестийский; акк. — аккадский; ар. — арабский; арм. — армянский (классический); будд.-скр. — буддийский санскрит; будд.-согд. — буддийский согдийский; бур. — бурушаски; вайг. — вайгали; вах. — ваханский; газ. — гази; гот. — готский; др.-ав. — древнеавестийский (диалект Гат); др.-англ. — древнеанглийский; др.-в.-нем. — древневерхненемецкий; др.-гр. — древнегреческий; др.-инд. — древнеиндийский; др.-ир. — древнеиранский; др.-ирл. — древнеирландский; др.-исл. — древнеисландский; др.-перс. — древнеперсидский; др.-тюрк. — древнетюркский; др.-уйг. — древнеуйгурский; др.-ц.-сл. — древнецерковнославянский; и.-е. — индоевропейский; индоир. — индоиранский; кар.-уйг. — караханидско-уйгурский; кит. — китайский; кхов. — кховар; лат. — латинский; ман.-парф. — манихейский парфянский; ман.-согд. — манихейский согдийский; ман.-ср.-перс. — манихейский среднеперсидский; мл.-ав. — младоавестийский; н.-перс. — новоперсидский; орм. — ормури; оск. — оскский; пар. — парачи; пехл. — пехлеви; пкр. — пракирит; прагерм. — прагерманский; праир. — праиранский; праит. — праиталийский; прас. — прасун; пратох. — пратохарский; ран.-мандар. — раннемандаринский; сир. — сирийский; скр. — санскрит; согд. — согдийский; ср.-в.-нем. — средневерхненемецкий; ср.-валл. — средневаллийский; ср.-инд. — среднеиндийский; ср.-ир. — среднеиранский; ср.-кит. — среднекитайский; талм.-арам. — арамейский диалект Вавилонского Талмуда; тох. — тохарский; умбр. — умбрский; хетт. — хеттский; хор. — хорезмийский; хот. — хотаносакский; шв. — шведский; ягн. — ягнобский.

Л и т е р а т у р а

- Андреев, Пещерева 1957 — М. С. Андреев, Е. М. Пещерева. Ягнобские тексты с приложением ягнобско-русского словаря. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1957.
- Воробьев-Десятовский 1958 — В. С. Воробьев-Десятовский. Памятники центральноазиатской письменности // Ученые записки Института востоковедения Академии наук СССР. 1958. Т. 16. С. 280–308.
- Елизаренкова 1989–1999 — Т. Я. Елизаренкова (пер.). Ригведа. В 3 т. М.: Наука, 1989–1999.
- Климчицкий 1937 — С. И. Климчицкий. Ягнобско-согдийские соответствия // Записки Института востоковедения Академии наук СССР. 1937. Т. 6. С. 15–25.
- Малов 1928 — С. Е. Малов. Ибн-Муханна о турецком языке // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР. 1928. № 3. С. 221–248.
- Меліоранскій 1900 — П. М. Меліоранскій. Арабъ филологъ о турецкомъ языкѣ. Арабскій текстъ издалъ и снабдилъ переводомъ и введеніемъ П. М. Меліоранскій. СПб.: Типографія Императорской Академіи Наукъ, 1900.
- Радлов 1928 — В. В. Радлов. Памятники уйгурского языка. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1928.
- Рустамов, Кормушин 2010 — А. Р. Рустамов, И. В. Кормушин (ред.). Махмуд ал-Кашгари, Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов). В 3 т. Т. 1. М.: Восточная литература, 2010.
- Рустамов, Кормушин 2016 — А. Р. Рустамов, И. В. Кормушин (ред.). Махмуд ал-Кашгари, Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов). В 3 т. Т. 2. М.: Восточная литература, 2016.
- Стеблин-Каменский 1999 — И. М. Стеблин-Каменский. Этимологический словарь ваханского языка. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999.
- Сыркин 1967 — А. Я. Сыркин. Упанишады. Перевод с санскрита, предисловие и комментарий. М.: Наука, 1967.
- ЭСИЯ — В. С. Расторгуева, Д. И. Эдельман. Этимологический словарь иранских языков. Т. I–VI. М.: Восточная литература, 2000–2020.
- ЭСТЯ — Э. В. Севортян и др. (отв. ред.). Этимологический словарь тюркских языков. Т. 1–7. М.: Наука; Языки русской культуры, 1974–2003.
- Adams 1999 — D. Q. Adams. A dictionary of Tocharian B. Amsterdam; Atlanta: Rodopi, 1999.
- Adams 2013 — D. Q. Adams. A dictionary of Tocharian B. In 2 vols. 2nd edn. Amsterdam; New York: Rodopi, 2013.
- AiGr. — J. Wackernagel. Altindische Grammatik. In 3 vols. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1896–1964.

- Atalay 1939–1941 — B. Atalay (transl.). *Divanü Lûgat-it-Türk Tercümesi* [Translation of “*Dîvânu Lugâti’t-Türk*”]. In 4 vols. Ankara: Alâeddin Kiral Basimevi, 1939–1941.
- Bartholomae 1904 — Chr. Bartholomae. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg: Karl J. Trübner, 1904.
- Beekes 2010 — R. S. P. Beekes. *Etymological dictionary of Greek*. In 2 vols. Leiden; Boston: Brill, 2010.
- Benvenuto 2008 — M. C. Benvenuto. *Indoeuropeità e sostrato nell’etimologia iranica* // *Atti della Accademia nazionale dei Lincei. Rendiconti*. 2008. Ser. 9. Vol. 19. P. 563–582.
- Berger 1998 — H. Berger. *Die Burushaski-Sprache von Hunza und Nager*. In 3 vols. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1998.
- Bernard 2023 — Ch. Bernard. *Like Dust on the Silk Road: An investigation of the earliest Iranian loanwords and of possible BMAC borrowings in Tocharian*. PhD dissertation. Leiden: Leiden University, 2023.
- Boeschoten, O’Kane 2015 — H. E. Boeschoten, J. O’Kane (eds.). *Al-Rabghūzī. The Stories of the prophets Qiṣaṣ al-anbiyā’: An Eastern Turkish version*. In 2 vols. Leiden; Boston: Brill, 2015.
- Brandenstein, Mayrhofer 1964 — W. Brandenstein, M. Mayrhofer. *Handbuch des Altpersischen*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1964.
- Brust 2018 — M. Brust. *Historische Laut- und Formenlehre des Altpersischen mit einem etymologischen Glossar*. Innsbruck: Institut für Sprachen und Kulturen der Universität Innsbruck, 2018.
- Byrd 2015 — A. M. Byrd. *The Indo-European syllable*. Leiden; Boston: Brill, 2015.
- CDIAL — R. L. Turner. *A comparative dictionary of Indo-Aryan languages*. In 4 vols. London; New York; Toronto: Oxford University Press, 1966–1985.
- Cheung 2007 — J. Cheung. *Etymological dictionary of the Iranian verb*. Leiden; Boston: Brill, 2007.
- Clauson 1972 — G. Clauson. *An etymological dictionary of pre-thirteenth-century Turkish*. Oxford: Clarendon Press, 1972.
- Čop 1971 — B. Čop. *Indogermanica Minora, I. Sur les langues anatoliennes*. Ljubljana: Slovenska Akademija znanosti in umetnosti, 1971.
- Dankoff 1982–1985 — R. Dankoff, J. Kelly (eds., transl.). *Maḥmūd al-Kāšyarī. Compendium of the Turkic Dialects (Dīwān Luyāt at-Turk)*. In 3 vols. Cambridge, MA: Harvard University Printing Office, 1982–1985.
- Doerfer 1976 — G. Doerfer. *Woher stammte Ibn Muḥannā? // Archäologische Mitteilungen aus Iran. Neue Folge*. 1976. Vol. 9. S. 243–251.
- Emmerick 1968 — R. E. Emmerick. *Saka grammatical studies*. London; New York; Toronto: Oxford University Press, 1968.
- EWA — M. Mayrhofer. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. In 3 vols. Heidelberg: Carl Winter, 1992–1996.

- Forisz 2016 — L. Forisz. Apām Napāt, Dīrghatamas and Construction of the Brick Altar: Analysis of RV 1.143 // A. Parpola, P. Koskikallio (eds.). *Vedic investigations. Papers of the 12th World Sanskrit Conference*. Delhi: Motilal Banarsidass Publishers, 2016. Vol. 1. P. 97–126.
- Frisk 1960–1972 — H. Frisk. *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. In 3 Bänden. Heidelberg: Carl Winter, 1960–1972.
- Geldner 1896 — K. F. Geldner. *Avesta: The sacred books of the Parsis*. In 3 vols. Stuttgart: W. Kohlhammer, 1896.
- Geldner 1951–1957 — K. F. Geldner. *Der Rig-Veda aus dem Sanskrit ins Deutsche übersetzt und mit einem laufenden Kommentar versehen*. In 4 Teilen. Cambridge, MA: Harvard University Press; London: Geoffrey Cumberlege; Oxford University Press; Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1951–1957.
- Gershevitch 1954 — I. Gershevitch. *A grammar of Manichean Sogdian*. Oxford: Basil Blackwell, 1954.
- Hackstein 2002 — O. Hackstein. *Uridg. *CH.CC > *C.CC // Historische Sprachforschung*. 2002. Bd. 115. H. 1. S. 1–22.
- Harðarson 1994 — J. A. Harðarson. *Der Verlust zweier wichtiger Flexionskategorien im Uranatolischen // Historische Sprachforschung*. 1994. Bd. 107. H. 1. S. 30–41.
- Hazai, Zieme 1983 — G. Hazai, P. Zieme (Hrsgg.). *Sprachwissenschaftliche Ergebnisse der deutschen Turfan-Forschung. Faksimiles zu den Text-Editionen von Albert August von Le Coq, Fridrich Wilhelm Karl Müller, Willy Bang, Annemarie von Gabain, Gabdul Rašid Rachmati, Vilhelm Thomsen*. Bd. 4. Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 1983.
- HED — J. Puhvel. *Hittite etymological dictionary*. Vol. 1–11. Berlin; New York; Amsterdam: Mouton Publishers, 1984–2021.
- Hilmarsson 1986 — J. G. Hilmarsson. *Studies in Tocharian phonology, morphology and etymology with special emphasis on the o-vocalism*. PhD dissertation. Leiden: Leiden University, 1986.
- Hoffmann 1976 — K. Hoffmann. *Präteritaler Optativ im Altiranischen // J. Narten (Hrsg.). Karl Hoffmann. Aufsätze zur Indo-Iranistik*. Bd. 2. Wiesbaden: Ludwig Reichert, 1976. P. 605–619.
- IIFL — G. Morgenstierne. *Indo-Iranian frontier languages*. In 4 vols. Oslo: H. Aschehoug & Co.; Leipzig: Otto Harrassowitz; Paris: Honoré Champion; London: Williams & Norgate, Ltd.; Cambridge, MA: Harvard University Press, 1929–1973.
- Isebaert 1980 — L. Isebaert. *De Indo-Iraanse Bestanddelen in de Tocharische Woordenschat*. PhD dissertation. Leuven: Katholieke Universiteit Leuven, 1980.
- Jamaspasa, Humbach 1971 — K. M. Jamaspasa, H. Humbach (eds.). *Pursišnīhā: A Zoroastrian Catechism. Part I: Text, translation, notes*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1971.

- Johansson 1906 — K. F. Johansson. *Arische Beiträge // Indogermanische Forschungen*. 1906. Bd. 19. H. 1. S. 112–139.
- Klingenschmitt 2000 — G. Klingenschmitt. *Mittelpersisch // B. Forssman, R. Plath (eds.). Indoarisch, Iranisch und die Indogermanistik. Arbeitstagung der Indogermanischen Gesellschaft vom 2. bis 5. Oktober 1997 in Erlangen*. Wiesbaden: Ludwig Reichert, 2000. S. 191–229.
- Kloekhorst 2008 — A. Kloekhorst. *Etymological dictionary of the Hittite inherited lexicon*. Leiden; Boston: Brill, 2008.
- König 1930 — F. W. König. *Der Burgbau zu Susa nach dem Bauberichte des Königs Dareios I.* Leipzig: J. C. Hinrichs, 1930.
- Krause, Thomas 1960–1964 — W. Krause, W. Thomas. *Tocharisches Elementarbuch*. Vol. I: Grammatik; Vol. II: Texte und Glossar. Heidelberg: Carl Winter, 1960–1964.
- Kroonen 2013 — G. Kroonen. *Etymological dictionary of Proto-Germanic*. Leiden; Boston: Brill, 2013.
- Kumar 2013–2014 — Dh. Kumar (ed.). *Ṛgveda-Samhitā*. Delhi: Delhi Sanskrit Academy, 2013–2014.
- Kümmel 2017 — M. J. Kümmel. *Agricultural terms in Indo-Iranian // M. Robbeets, A. Savelyev (eds.). Language dispersal beyond farming*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2017. P. 275–290. DOI: 10.1075/z.215.12kum.
- Kümmel 2018 — M. J. Kümmel. *The survival of laryngeals in Iranian // L. van Beek, A. Kloekhorst, G. Kroonen, M. Peyrot, T. Pronk, M. de Vaan (eds.). Farnah. Indo-Iranian and Indo-European studies in honor of Sasha Lubotsky*. Ann Arbor; New York: Beech Stave Press, 2018. P. 162–172.
- LIV — M. J. Kümmel, H. Rix (Hrsgg.). *Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen*. Wiesbaden: Ludwig Reichert, 2001.
- Lorimer 1935–1938 — D. L. R. Lorimer. *The Burushaski language*. In 3 vols. Oslo: H. Aschehoug & Co.; Leipzig: Otto Harrassowitz; Paris: Le Belles Lettres; London: Williams & Norgate, Ltd.; Cambridge, MA: Harvard University Press, 1935–1938.
- Lubotsky 1985 — A. Lubotsky. *The PIE word for ‘dry’ // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*. 1985. Bd. 98. H. 1. S. 1–10.
- Lubotsky 2001 — A. Lubotsky. *Indo-Iranian Substratum // Ch. Carpelan, A. Parpola, P. Koskikallio (eds.). Early contacts between Uralic and Indo-European: Linguistic and archaeological considerations. Papers presented at an international symposium held at the Tvärminne Research Station of the University of Helsinki 8–10 January, 1999*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2001. P. 301–317.
- Lubotsky 2020 — A. Lubotsky. *What language was spoken by the people of the Bactria-Margiana Archaeological Complex? // P. W. Kroll, J. A. Silk (eds.). “At the shores of the sky”. Asian studies for Albert Hoffstädt*. Leiden; Boston: Brill, 2020. P. 5–11.

- Lubotsky 2023 — A. Lubotsky. Indo-European and Indo-Iranian wagon terminology and the date of the Indo-Iranian split // E. Willerslev, G. Kroonen, K. Kristiansen (eds.). *The Indo-European puzzle revisited: Integrating archaeology, genetics, and linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. P. 257–262. DOI: 10.1017/9781009261753.021.
- Lüders 1922 — H. Lüders. *Zur Geschichte und Geographie Ostturkestans* // *Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse*. Berlin: Verlag der Akademie der Wissenschaften, 1922. S. 243–261.
- MacKenzie 1970 — D. N. MacKenzie (ed.). *The ‘Sūtra of the causes and effects of actions’ in Sogdian*. London; New York; Toronto: Oxford University Press, 1970.
- Mallory, Adams 1997 — J. P. Mallory, D. Q. Adams (eds.). *Encyclopedia of Indo-European culture*. London; Chicago: Fitzroy Dearborn Publishers, 1997.
- Mayrhofer 1981 — M. Mayrhofer. *Laryngalreflexe im Indoiranischen* // *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung*. 1981. Bd. 34. S. 427–438.
- Meiser 1986 — G. Meiser. *Lautgeschichte der umbrischen Sprache*. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1986.
- Melchert 1994 — H. C. Melchert. *Anatolian historical phonology*. Amsterdam; Atlanta: Rodopi, 1994.
- Melchert 2012 — H. C. Melchert. Genetive case and possessive adjective in Anatolian // V. Orioles (cur.). *Per Roberto Gusmani: Linguaggi, culture, letteratura: Studi in ricordo. 2: Linguistica storica e teorica*. In 2 voll. Udine: Forum, 2012. Vol. I. P. 273–286.
- Morgenstierne 1942 — G. Morgenstierne. *Iranica* // *Norsk tidsskrift for sprogvidenskap*. 1942. Vol. 12. S. 258–271.
- Müller 1849–1874 — F. M. Müller (ed.). *Rig-Veda-Sanhita, the sacred hymns of the Brahmans together with the commentary of Sayanacharya*. In 6 vols. London: W. H. Allen and Co., 1849–1874.
- Müller 1922 — F. W. K. Müller. *Uigurica III. Uigurische Avadāna-Bruchstücke (I–VIII)* // *Abhandlungen der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Abh. II*. Berlin: Verlag der Akademie der Wissenschaften, 1922. P. 1–93.
- Nagy 1974 — G. Nagy. Six studies of sacral vocabulary relating to the fireplace // *Harvard Studies in Classical Philology*. 1974. Vol. 78. P. 71–106.
- Nagy 1992 — G. Nagy. *Greek mythology and poetics*. Ithaca; London: Cornell University Press, 1992.
- Neri 2017 — S. Neri. *Wetter: Etymologie und Lautgesetz*. Perugia: Università degli Studi di Perugia, 2017.
- Nikolaev 2021 — A. Nikolaev. [Recension on:] Neri, Sergio: *Wetter. Etymologie und Lautgesetz*. Università degli Studi di Perugia. *Culture Territori Linguaggi*

- (CTL), 14. Perugia, 2017 // *Kratylos*. 2021. Vol. 66. P. 19–33. DOI: 10.29091/KRATYLOS/2021/1/2.
- Novák 2010 — L. Novák. *Jaghnóbsko-český slovník s přehledem jaghnóbské gramatiky*. Praha: Univerzita Karlova v Praze, 2010.
- Oldenberg 1897 — H. Oldenberg (transl.). *Vedic hymns. Part II: Hymns to Agni (Mandalas I–V)*. Oxford: Clarendon Press, 1897.
- Oldenberg 1901 — H. Oldenberg. *Ṛgveda VI, 1–20* // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. 1901. Bd. 55. H. 2. S. 267–330.
- Orel 2003 — V. E. Orel. *A handbook of Germanic etymology*. Leiden; Boston: Brill, 2003.
- Pelliot 1923 — P. E. Pelliot. *Note sur les anciens noms de Kučā, d'Aqsu et d'Uč-Turfan* // *T'oung Pao*. 1923. Vol. 22. Iss. 2. P. 126–132.
- Pelliot 1959–1963 — P. E. Pelliot. *Notes on Marco Polo*. In 3 vols. Paris: Imprimerie nationale, 1959–1963.
- Persson 1912 — P. Persson. *Beiträge zur indogermanischen Wortforschung*. In 2 Bänden. Uppsala: A.-B. Akademiska Bokhandeln; Leipzig: Otto Harrassowitz, 1912.
- Peyrot 2008 — M. Peyrot. *Variation and change in Tocharian B*. Amsterdam; New York: Rodopi, 2008.
- Pinault 2002 — G.-J. Pinault. Tokh. B *k_ucaññe*, A *k_ucim* et skr. *Tokharika* // *Indo-Iranian Journal*. 2002. Vol. 45. Iss. 4. P. 311–345. DOI: 10.1163/000000002124994919.
- Pinault 2003a — G.-J. Pinault. *Sanskrit kalyāṇa- interprété à la lumière des emprunts en Asie Centrale* // *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*. 2003. T. 98. P. 123–161.
- Pinault 2003b — G.-J. Pinault. *Une nouvelle connexion entre le substrat indo-iranien et le tokharien commun* // *Historische Sprachforschung*. 2003. Bd. 116. H. 2. S. 175–189.
- Pinault 2006 — G.-J. Pinault. *Further links between the Indo-Iranian substratum and the BMAC language* // B. Tikkanen, H. Hettrich (eds.). *Themes and tasks in Old and Middle Indo-Aryan Linguistics*. Delhi: Motilal Banarsidass Publishers, 2006. P. 167–196.
- Pischel, Geldner 1889–1901 — R. Pischel, K. F. Geldner. *Vedische Studien*. In 3 Bänden. Stuttgart: W. Kohlhammer, 1889–1901.
- Rachmati 1930 — G. R. Rachmati. *Zur Heikunde der Uiguren. I* // *Sonderausgabe aus Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse*. Berlin: De Gruyter, 1930. S. 451–473.
- Rachmati 1932 — G. R. Rachmati. *Zur Heikunde der Uiguren. II* // *Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse*. Berlin: De Gruyter, 1932. S. 401–448.
- Renou 1955–1969 — L. Renou. *Études védiques et pāṇinéennes*. In 17 vols. Paris: E. De Boccard, 1955–1969.

- Rifat 1915–1917 — K. Rifat (ed.). Maḥmūd al-Kāšgarī. Kitāb Dīwān Luyāt at-Turk [Thesaurus of the Turkic language]. In 3 vols. Istanbul: Maṭba‘a-i ‘Āmire, 1915–1917.
- Rifat 1919–1921 — K. Rifat (ed.). Ĵemāl ad-Dīn Ibn al-Muḥannā. Hilyat al-insān wa ḥalbat al-lisān [The adornment of man and the arena of language]. Istanbul: Maṭba‘a-i ‘Āmire, 1919–1921.
- Sastri 1940 — V. Sastri. Shrimad-Vajsaneyi-Madhyandin-Shatpath-Brāhmanam with Vedarthaprakash commentary by Shrimat-Trayibhashyakar Sayanacharya and Sarvavidyanidhana Kavindracharya Saraswati Shri Hari Swami. In 5 vols. Kalyan-Bombay: Gangavishnu Shrikrishnadass, 1940.
- Schmidt 1973 — G. Schmidt. Die iranischen Wörter für „Tochter“ und „Vater“ und die Reflexe des interkonsonantischen H (ə) in den idg. Sprachen // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 1973. Bd. 87. H. 1. S. 36–83.
- Schmitt 2009 — R. Schmitt. Die altpersischen Inschriften der Achaimeniden. Wiesbaden: Reichert, 2009.
- Schmitt 2014 — R. Schmitt. Wörterbuch der altpersischen Königsinschriften. Wiesbaden: Ludwig Reichert, 2014.
- Schrijver 1991 — P. Schrijver. The Reflexes of the Proto-Indo-European Laryngeals in Latin. Amsterdam; Atlanta: Rodopi, 1991.
- Sims-Williams 2017 — N. Sims-Williams. The Sogdian Ancient Letter No. 4 and the personal name Manavaghichk // A. Cantera, J. Ferrer-Lossila (eds.). *fārā amašā spəntā gāθā gāuruuāin*. Homenaje a Helmut Humbach en su 95º aniversario. Girona: Sociedad de Estudios Iranios y Turanios, 2017. P. 171–179.
- Stein 1931 — O. Stein. Neuere Forschungen zur altindischen Sozialgeschichte, Rechts- und Staatsrechtsliteratur // Archiv Orientalní. 1931. Vol. 3. P. 49–86.
- Sundermann 1990 — W. Sundermann. The Manichaean Hymn Cycles Huyadagmān and Angad Rōšnān in Parthian and Sogdian. Photo Edition. Transcription and translation of hitherto unpublished texts, with critical remarks. London: School of Oriental and African Studies, 1990.
- Tremblay 2001 — X. Tremblay. Pour une histoire de la Sérinde. Le manichéisme parmi les peuples et religions de l’Asie Centrale d’après les sources primaires. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2001.
- Tremblay 2005 — X. Tremblay. Irano-Tocharica et Tocharo-Iranica // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 2005. Vol. 68. Iss. 3. P. 421–449.
- Uhlenbeck 1898–1899 — C. C. Uhlenbeck. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch der altindischen Sprache. Amsterdam: Johannes Müller, 1898–1899.
- de Vaan 2008 — M. de Vaan. Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages. Leiden; Boston: Brill, 2008.
- Van Windekens 1949 — A. J. Van Windekens. Études iraniennes et tokhariennes I // Le Muséon. 1949. Vol. 62. P. 125–150.
- Weber 1852 — A. Weber. The Vājasaneyi-Sanhitā in the Mādhyandina and the Kāṇva-Çākhā with the commentary of Mahīdhara. Berlin; London: Ferd. Dümmler’s Verlagsbuchhandlung; Williams and Norgate, 1852.

- Winter 1984 — W. Winter. Zur tocharischen Entsprechung von skt. *tokharika* // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 1984. Bd. 97. H. 1. S. 131–134.
- Witzel 1995 — M. Witzel. Early Indian history: Linguistic and textual parameters // G. Erdosy (ed.). The Indo-Aryans of Ancient South Asia: Language, material culture and ethnicity. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1995. P. 85–125.
- Witzel 1999a — M. Witzel. Substrate Languages in Old Indo-Aryan (Ṛgvedic, Middle and Late Vedic) // Electronic Journal of Vedic Studies. 1999. Vol. 5. Iss. 1. P. 1–67.
- Witzel 1999b — M. Witzel. Aryan and non-Aryan names in Vedic India. Data for the linguistic situation, c. 1900–500 B.C. // J. Bronkhorst, M. M. Deshpande (eds.). Aryan and non-Aryan in South Asia: Evidence, interpretation and ideology. Delhi: Manohar Publishers and Distributors, 1999. P. 337–404.
- Witzel 2000 — M. Witzel. The home of the Aryans // A. Hintze, E. Tichy (eds.). Anusantatyai: Festschrift für Johanna Narten. Dettelbach: J. H. Röhl, 2000. S. 283–338.
- Witzel 2015 — M. Witzel. The Central Asian substrate in Old Iranian // Mother Tongue. 2015. Vol. 20. P. 149–178.
- Yakubovich 2008 — I. Yakubovich. The Origin of Luwian Possessive Adjectives // K. Jones-Bley, M. E. Huld, A. Della Volpe, M. Robbins Dexter (eds.). Proceedings of the 19th Annual UCLA Indo-European Conference. Los Angeles, November 2–3, 2006. Washington, DC: Institute for the Study of Man, 2008. P. 193–217.

Источники

- DSf — на скальная надпись Дария I в Сузах *f* (см. [Schmitt 2009]).
- Kash. LT — Maḥmūd al-Kāšġarī. Dīwān Luṡāt at-Turk (см. [Рустамов, Кормушин 2010; 2016; Atalay 1939–1941; Dankoff 1982–1985; Rifat 1915–1917]).
- KU — Kaṡhōpaniṡad (см. [Сыркин 1967: 97–112]).
- Muh. HIHL — Ibn Muḥannā. Ḥilyat al-insān wa ḥalbat al-lisān (см. [Rifat 1919–1921; Малов 1928; Меліоранскій 1900]).
- P — Pūrsiṡnihā (см. [Jamaspasa, Humbach 1971]).
- Rabg. QA — Al-Rabġhūzī. Qīṡaṡ al-anbiyāʾ (см. [Boeschoten, O’Kane 2015]).
- RV — Ṛġ Veda Saṡhītā (см. [Елизаренкова 1989–1999; Geldner 1951–1957; Kumar 2013–2014; Müller 1849–1874]).
- ŚB — Śatapatha-Brāhmaṡa (см. [Sastri 1940]).
- V — Widēwdāt (см. [Geldner 1896, III]).
- VS — Vājasaneyī-Saṡhītā (см. [Weber 1852]).

References

- Adams 1999 — D. Q. Adams. *A dictionary of Tocharian B*. Amsterdam; Atlanta: Rodopi, 1999.
- Adams 2013 — D. Q. Adams. *A dictionary of Tocharian B*. In 2 vols. 2nd edn. Amsterdam; New York: Rodopi, 2013.

- AiGr. — J. Wackernagel. *Altindische Grammatik*. In 3 vols. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1896–1964.
- Andreyev, Peshchereva 1957 — M. S. Andreyev, E. M. Peshchereva. *Yagnobskiye teksty s prilozheniyem yagnobsko-russkogo slovaryā* [Yaghnobi texts with a Yaghnobi-Russian glossary]. Moscow; Leningrad: Press of the Academy of Sciences of the USSR, 1957.
- Atalay 1939–1941 — B. Atalay (transl.). *Divanü Lûgat-it-Türk Tercümesi* [Translation of “Dîvânü Lugâti’t-Türk”]. In 4 vols. Ankara: Alâeddin Kiral Basimevi, 1939–1941.
- Bartholomae 1904 — Chr. Bartholomae. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg: Karl J. Trübner, 1904.
- Beekes 2010 — R. S. P. Beekes. *Etymological dictionary of Greek*. In 2 vols. Leiden; Boston: Brill, 2010.
- Benvenuto 2008 — M. C. Benvenuto. Indoeuropeità e sostrato nell’etimologia iranica. *Atti della Accademia nazionale dei Lincei. Rendiconti*. 2008. Ser. 9. Vol. 19. P. 563–582.
- Berger 1998 — H. Berger. *Die Burushaski-Sprache von Hunza und Nager*. In 3 vols. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1998.
- Bernard 2023 — Ch. Bernard. *Like Dust on the Silk Road: An investigation of the earliest Iranian loanwords and of possible BMAC borrowings in Tocharian*. PhD dissertation. Leiden: Leiden University, 2023.
- Boeschoten, O’Kane 2015 — H. E. Boeschoten, J. O’Kane (eds.). *Al-Rabghūzī. The Stories of the prophets Qiṣaṣ al-anbiyā’: An Eastern Turkish version*. In 2 vols. Leiden; Boston: Brill, 2015.
- Brandenstein, Mayrhofer 1964 — W. Brandenstein, M. Mayrhofer. *Handbuch des Altpersischen*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1964.
- Brust 2018 — M. Brust. *Historische Laut- und Formenlehre des Altpersischen mit einem etymologischen Glossar*. Innsbruck: Institut für Sprachen und Kulturen der Universität Innsbruck, 2018.
- Byrd 2015 — A. M. Byrd. *The Indo-European syllable*. Leiden; Boston: Brill, 2015.
- CDIAL — R. L. Turner. *A comparative dictionary of Indo-Aryan languages*. In 4 vols. London; New York; Toronto: Oxford University Press, 1966–1985.
- Cheung 2007 — J. Cheung. *Etymological dictionary of the Iranian verb*. Leiden; Boston: Brill, 2007.
- Clauson 1972 — G. Clauson. *An etymological dictionary of pre-thirteenth-century Turkish*. Oxford: Clarendon Press, 1972.
- Čop 1971 — B. Čop. *Indogermanica Minora, I. Sur les langues anatoliennes*. Ljubljana: Slovenska Akademija znanosti in umetnosti, 1971.
- Dankoff 1982–1985 — R. Dankoff, J. Kelly (eds., transl.). *Maḥmūd al-Kāshgarī. Compendium of the Turkic Dialects (Dīwān Luyāt at-Turk)*. In 3 vols. Cambridge, MA: Harvard University Printing Office, 1982–1985.

- Doerfer 1976 — G. Doerfer. Woher stammte Ibn Muhannā? *Archäologische Mitteilungen aus Iran. Neue Folge*. 1976. Vol. 9. S. 243–251.
- Emmerick 1968 — R. E. Emmerick. *Saka grammatical studies*. London; New York; Toronto: Oxford University Press, 1968.
- ESIYA — V. S. Rastorguyeva, D. I. Edelman. *Etimologicheskij slovar iranskikh yazykov* [Etymological dictionary of the Iranian languages]. Vol. I–VI. Moscow: Vostochnaya literatura, 2000–2020.
- ESTYA — E. V. Sevortyan et al. (eds.). *Etimologicheskij slovar tyurkskikh yazykov* [Etymological dictionary of the Turkic languages]. Vols. 1–7. Moscow: Nauka; Yazyki russkoy kultury, 1974–2003.
- EWA — M. Mayrhofer. *Etimologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. In 3 Bänden. Heidelberg: Carl Winter, 1992–1996.
- Forisz 2016 — L. Forisz. Apām Napāt, Dīrghatamas and Construction of the Brick Altar: Analysis of RV 1.143. A. Parpola, P. Koskikallio (eds.). *Vedic investigations. Papers of the 12th World Sanskrit Conference*. Delhi: Motilal Banarsidass Publishers, 2016. Vol. 1. P. 97–126.
- Frisk 1960–1972 — H. Frisk. *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. In 3 Bänden. Heidelberg: Carl Winter, 1960–1972.
- Geldner 1896 — K. F. Geldner. *Avesta: The sacred books of the Parsis*. In 3 vols. Stuttgart: W. Kohlhammer, 1896.
- Geldner 1951–1957 — K. F. Geldner. *Der Rig-Veda aus dem Sanskrit ins Deutsche übersetzt und mit einem laufenden Kommentar versehen*. In 4 Teilen. Cambridge, MA: Harvard University Press; London: Geoffrey Cumberlege; Oxford University Press; Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1951–1957.
- Gershevitch 1954 — I. Gershevitch. *A grammar of Manichean Sogdian*. Oxford: Basil Blackwell, 1954.
- Hackstein 2002 — O. Hackstein. Uridg. *CH.CC > *C.CC. *Historische Sprachforschung*. 2002. Bd. 115. H. 1. S. 1–22.
- Harðarson 1994 — J. A. Harðarson. Der Verlust zweier wichtiger Flexionskategorien im Uranatolischen. *Historische Sprachforschung*. 1994. Bd. 107. H. 1. S. 30–41.
- Hazai, Zieme 1983 — G. Hazai, P. Zieme (Hrsgg.). *Sprachwissenschaftliche Ergebnisse der deutschen Turfan-Forschung. Faksimiles zu den Text-Editionen von Albert August von Le Coq, Fridrich Wilhelm Karl Müller, Willy Bang, Annemarie von Gabain, Gabdul Rašid Rachmati, Vilhelm Thomsen*. Bd. 4. Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 1983.
- HED — J. Puhvel. *Hittite etymological dictionary*. Vol. 1–11. Berlin; New York; Amsterdam: Mouton Publishers, 1984–2021.
- Hilmarsson 1986 — J. G. Hilmarsson. *Studies in Tocharian phonology, morphology and etymology with special emphasis on the o-vocalism*. PhD dissertation. Leiden: Leiden University, 1986.

- Hoffmann 1976 — K. Hoffmann. Präritaler Optativ im Altiranischen. J. Narten (Hrsg.). *Karl Hoffmann. Aufsätze zur Indo-Iranistik*. Bd. 2. Wiesbaden: Ludwig Reichert, 1976. P. 605–619.
- IIFL — G. Morgenstierne. *Indo-Iranian frontier languages*. In 4 vols. Oslo: H. Aschehoug & Co.; Leipzig: Otto Harrassowitz; Paris: Honoré Champion; London: Williams & Norgate, Ltd.; Cambridge, MA: Harvard University Press, 1929–1973.
- Isebaert 1980 — L. Isebaert. *De Indo-Iraanse Bestanddelen in de Tocharische Woordenschat*. PhD dissertation. Leuven: Katholieke Universiteit Leuven, 1980.
- Jamaspasa, Humbach 1971 — K. M. Jamaspasa, H. Humbach (eds.). *Pursišnihā: A Zoroastrian Catechism*. Part I: *Text, translation, notes*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1971.
- Johansson 1906 — K. F. Johansson. Arische Beiträge. *Indogermanische Forschungen*. 1906. Bd. 19. H. 1. S. 112–139.
- Klimchitskiy 1937 — S. I. Klimchitskiy. Yagnobsko-sogdiyskiye sootvetstviya [Yaghnobi-Sogdian correspondences]. *Zapiski Instituta vostokovedeniya Akademii Nauk SSSR* [Transactions of the Oriental Institute of the Academy of Sciences of the USSR]. 1937. Vol. 6. P. 15–25.
- Klingenschmitt 2000 — G. Klingenschmitt. Mittelpersisch. B. Forssman, R. Plath (eds.). *Indoarisch, Iranisch und die Indogermanistik. Arbeitstagung der Indogermanischen Gesellschaft vom 2. bis 5. Oktober 1997 in Erlangen*. Wiesbaden: Ludwig Reichert, 2000. S. 191–229.
- Kloekhorst 2008 — A. Kloekhorst. *Etymological dictionary of the Hittite inherited lexicon*. Leiden; Boston: Brill, 2008.
- König 1930 — F. W. König. *Der Burgbau zu Susa nach dem Bauberichte des Königs Dareios I*. Leipzig: J. C. Hinrichs, 1930.
- Krause, Thomas 1960–1964 — W. Krause, W. Thomas. *Tocharisches Elementarbuch*. Vol. I: *Grammatik*; Vol. II: *Texte und Glossar*. Heidelberg: Carl Winter, 1960–1964.
- Kroonen 2013 — G. Kroonen. *Etymological dictionary of Proto-Germanic*. Leiden; Boston: Brill, 2013.
- Kumar 2013–2014 — Dh. Kumar (ed.). *Rgveda-Samhitā*. Delhi: Delhi Sanskrit Academy, 2013–2014.
- Kümmel 2017 — M. J. Kümmel. Agricultural terms in Indo-Iranian. M. Robbeets, A. Savelyev (eds.). *Language dispersal beyond farming*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2017. P. 275–290. DOI: 10.1075/z.215.12kum.
- Kümmel 2018 — M. J. Kümmel. The survival of laryngeals in Iranian. L. van Beek, A. Kloekhorst, G. Kroonen, M. Peyrot, T. Pronk, M. de Vaan (eds.). *Farnah. Indo-Iranian and Indo-European studies in honor of Sasha Lubotsky*. Ann Arbor; New York: Beech Stave Press, 2018. P. 162–172.
- LIV — M. J. Kümmel, H. Rix (Hrsg.). *Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen*. Wiesbaden: Ludwig Reichert, 2001.

- Lorimer 1935–1938 — D. L. R. Lorimer. *The Burushaski language*. In 3 vols. Oslo: H. Aschehoug & Co.; Leipzig: Otto Harrassowitz; Paris: Le Belles Lettres; London: Williams & Norgate, Ltd.; Cambridge, MA: Harvard University Press, 1935–1938.
- Lubotsky 1985 — A. Lubotsky. The PIE word for ‘dry’. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*. 1985. Bd. 98. H. 1. S. 1–10.
- Lubotsky 2001 — A. Lubotsky. Indo-Iranian Substratum. Ch. Carpelan, A. Parpola, P. Koskikallio (eds.). *Early contacts between Uralic and Indo-European: Linguistic and archaeological considerations. Papers presented at an international symposium held at the Tvärminne Research Station of the University of Helsinki 8–10 January, 1999*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2001. P. 301–317.
- Lubotsky 2020 — A. Lubotsky. What language was spoken by the people of the Bactria-Margiana Archaeological Complex? P. W. Kroll, J. A. Silk (eds.). *“At the shores of the sky”*. *Asian studies for Albert Hoffstädt*. Leiden; Boston: Brill, 2020. P. 5–11.
- Lubotsky 2023 — A. Lubotsky. Indo-European and Indo-Iranian wagon terminology and the date of the Indo-Iranian split. E. Willerslev, G. Kroonen, K. Kristiansen (eds.). *The Indo-European puzzle revisited: Integrating archaeology, genetics, and linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. P. 257–262. DOI: 10.1017/9781009261753.021.
- Lüders 1922 — H. Lüders. Zur Geschichte und Geographie Ostturkestans. *Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse*. Berlin: Verlag der Akademie der Wissenschaften, 1922. S. 243–261.
- MacKenzie 1970 — D. N. MacKenzie (ed.). *The ‘Sūtra of the causes and effects of actions’ in Sogdian*. London; New York; Toronto: Oxford University Press, 1970.
- Mallory, Adams 1997 — J. P. Mallory, D. Q. Adams (eds.). *Encyclopedia of Indo-European culture*. London; Chicago: Fitzroy Dearborn Publishers, 1997.
- Malov 1928 — S. E. Malov. Ibn-Mukhanna o turetskom yazyke [Ibn Muhannā about Turkic]. *Zapiski Kollegii vostokovedov pri Aziatskom muzeye Akademii nauk SSSR* [Transactions of the Oriental Collegium by the Asian Museum of the Academy of Sciences of the USSR]. 1928. Vol. 3. P. 221–248.
- Mayrhofer 1981 — M. Mayrhofer. Laryngalreflexe im Indoiranischen. *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung*. 1981. Bd. 34. S. 427–438.
- Meiser 1986 — G. Meiser. *Lautgeschichte der umbrischen Sprache*. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1986.
- Melchert 1994 — H. C. Melchert. *Anatolian historical phonology*. Amsterdam; Atlanta: Rodopi, 1994.

- Melchert 2012 — H. C. Melchert. Genitive case and possessive adjective in Anatolian. V. Orioles (cur.). *Per Roberto Gusmani: Linguaggi, culture, letteratura: Studi in ricordo. 2: Linguistica storica e teorica*. In 2 voll. Udine: Forum, 2012. Vol. I. P. 273–286.
- Melioranskiy 1900 — P. M. Melioranskiy. *Arab filolog o turetskom yazyke. Arabskiy tekst izdal i snabdil perevodom i vvedeniyem P. M. Melioranskiy* [An Arabic philologist about the Turkic language. The Arabic text edited and provided with translation and introduction by P. M. Melioranskiy]. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1900.
- Morgenstierne 1942 — G. Morgenstierne. Iranica. *Norsk tidsskrift for sprogvidenskap*. 1942. Vol. 12. S. 258–271.
- Müller 1849–1874 — F. M. Müller (ed.). *Rig-Veda-Sanhita, the sacred hymns of the Brahmans together with the commentary of Sayanacharya*. In 6 vols. London: W. H. Allen and Co., 1849–1874.
- Müller 1922 — F. W. K. Müller. Uigurica III. Uigurische Avadāna-Bruchstücke (I–VIII). *Abhandlungen der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse*. Abh. II. Berlin: Verlag der Akademie der Wissenschaften, 1922. P. 1–93.
- Nagy 1974 — G. Nagy. Six studies of sacral vocabulary relating to the fireplace. *Harvard Studies in Classical Philology*. 1974. Vol. 78. P. 71–106.
- Nagy 1992 — G. Nagy. *Greek mythology and poetics*. Ithaca; London: Cornell University Press, 1992.
- Neri 2017 — S. Neri. *Wetter: Etymologie und Lautgesetz*. Perugia: Università degli Studi di Perugia, 2017.
- Nikolaev 2021 — A. Nikolaev. [Recension on:] Neri, Sergio: *Wetter. Etymologie und Lautgesetz*. Università degli Studi di Perugia. Culture Territori Linguaggi (CTL), 14. Perugia, 2017. *Kratylos*. 2021. Vol. 66. P. 19–33. DOI: 10.29091/KRATYLOS/2021/1/2.
- Novák 2010 — L. Novák. *Jaghnóbsko-český slovník s přehledem jaghnóbské gramatiky*. Praha: Univerzita Karlova v Praze, 2010.
- Oldenberg 1897 — H. Oldenberg (transl.). *Vedic hymns*. Part II: *Hymns to Agni (Mandalas I–V)*. Oxford: Clarendon Press, 1897.
- Oldenberg 1901 — H. Oldenberg. Rgveda VI, 1–20. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. 1901. Bd. 55. H. 2. S. 267–330.
- Orel 2003 — V. E. Orel. *A handbook of Germanic etymology*. Leiden; Boston: Brill, 2003.
- Pelliot 1923 — P. E. Pelliot. Note sur les anciens noms de Kučā, d'Aqsu et d'Uč-Turfan. *T'oung Pao*. 1923. Vol. 22. Iss. 2. P. 126–132.
- Pelliot 1959–1963 — P. E. Pelliot. *Notes on Marco Polo*. In 3 vols. Paris: Imprimerie nationale, 1959–1963.
- Persson 1912 — P. Persson. *Beiträge zur indogermanischen Wortforschung*. In 2 Bänden. Uppsala: A.-B. Akademiska Bokhandeln; Leipzig: Otto Harrassowitz, 1912.

- Peyrot 2008 — M. Peyrot. *Variation and change in Tocharian B*. Amsterdam; New York: Rodopi, 2008.
- Pinault 2002 — G.-J. Pinault. Tokh. B *k_ucaññe*, A *k_ucim* et skr. *Tokharika*. *Indo-Iranian Journal*. 2002. Vol. 45. Iss. 4. P. 311–345. DOI: 10.1163/000000002124994919.
- Pinault 2003a — G.-J. Pinault. Sanskrit *kalyāṇa*- interprété à la lumière des emprunts en Asie Centrale. *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*. 2003. T. 98. P. 123–161.
- Pinault 2003b — G.-J. Pinault. Une nouvelle connexion entre le substrat indo-iranien et le tokharien commun. *Historische Sprachforschung*. 2003. Bd. 116. H. 2. S. 175–189.
- Pinault 2006 — G.-J. Pinault. Further links between the Indo-Iranian substratum and the BMAC language. B. Tikkanen, H. Hettrich (eds.). *Themes and tasks in Old and Middle Indo-Aryan Linguistics*. Delhi: Motilal Banarsidass Publishers, 2006. P. 167–196.
- Pischel, Geldner 1889–1901 — R. Pischel, K. F. Geldner. *Vedische Studien*. 3 Bände. Stuttgart: W. Kohlhammer, 1889–1901.
- Rachmati 1930 — G. R. Rachmati. Zur Heikunde der Uiguren. I. *Sonderausgabe aus Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse*. Berlin: De Gruyter, 1930. S. 451–473.
- Rachmati 1932 — G. R. Rachmati. Zur Heikunde der Uiguren. II. *Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse*. Berlin: De Gruyter, 1932. S. 401–448.
- Radlov 1928 — V. V. Radlov. *Pamyatniki uygurskogo yazyka* [Uyghur written records]. Leningrad: Press of the Academy of Sciences of the USSR, 1928.
- Renou 1955–1969 — L. Renou. *Études védiques et pāṇinéennes*. 17 vols. Paris: E. De Boccard, 1955–1969.
- Rifat 1915–1917 — K. Rifat (ed.). *Maḥmūd al-Kāshgarī. Kitāb Dīwān Lughāt at-Turk* [Thesaurus of the Turkic language]. In 3 vols. Istanbul: Maṭba‘a-i ‘Āmire, 1915–1917.
- Rifat 1919–1921 — K. Rifat (ed.). *Ĵemāl ad-Dīn Ibn al-Muḥannā. Ḥilyat al-insān wa ḥalbat al-lisān* [The adornment of man and the arena of language]. Istanbul: Maṭba‘a-i ‘Āmire, 1919–1921.
- Rustamov, Kormushin 2010 — A. R. Rustamov, I. V. Kormushin (eds.). *Makhmud al-Kashgari, Divan lugat at-turk (Svod tyurkskikh slov)* [Maḥmūd al-Kāshgharī, Dīwān Lughāt at-Turk (Compendium of Turkic Words)]. In 3 vols. Vol. 1. Moscow: Vostochnaya literatura, 2010.
- Rustamov, Kormushin 2016 — A. R. Rustamov, I. V. Kormushin (eds.). *Makhmud al-Kashgari, Divan lugat at-turk (Svod tyurkskikh slov)* [Maḥmūd al-Kāshgharī, Dīwān Lughāt at-Turk (Compendium of Turkic Words)]. In 3 vols. Vol. 2. Moscow: Vostochnaya literatura, 2016.

- Sastri 1940 — V. Sastri. *Shrimad-Vajsaneyi-Madhyandin-Shatpath-Brāhmanam with Vedarthaprakash commentary by Shrimat-Trayibhashyakar Sayanacharya and Sarvavidyanidhana Kavindracharya Saraswati Shri Hari Swami*. In 5 vols. Kalyan-Bombay: Gangavishnu Shrikrishnadass, 1940.
- Schmidt 1973 — G. Schmidt. Die iranischen Wörter für „Tochter“ und „Vater“ und die Reflexe des interkonsonantischen H (ə) in den idg. Sprachen. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*. 1973. Bd. 87. H. 1. S. 36–83.
- Schmitt 2009 — R. Schmitt. *Die altpersischen Inschriften der Achaimeniden*. Wiesbaden: Reichert, 2009.
- Schmitt 2014 — R. Schmitt. *Wörterbuch der altpersischen Königsinschriften*. Wiesbaden: Ludwig Reichert, 2014.
- Schrijver 1991 — P. Schrijver. *The Reflexes of the Proto-Indo-European Laryngeals in Latin*. Amsterdam; Atlanta: Rodopi, 1991.
- Sims-Williams 2017 — N. Sims-Williams. The Sogdian Ancient Letter No. 4 and the personal name Manavaghichk. A. Cantera, J. Ferrer-Lossila (eds.). *fərā amāšā spəntā gābā gāruuāin. Homenaje a Helmut Humbach en su 95º aniversario*. Girona: Sociedad de Estudios Iranios y Turanios, 2017. P. 171–179.
- Steblin-Kamenskiy 1999 — I. M. Steblin-Kamenskiy. *Etimologicheskii slovar vakhanskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Wakhi language]. St. Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye, 1999.
- Stein 1931 — O. Stein. Neuere Forschungen zur altindischen Sozialgeschichte, Rechts- und Staatsrechtsliteratur. *Archiv Orientalni*. 1931. Vol. 3. P. 49–86.
- Sundermann 1990 — W. Sundermann. *The Manichaean Hymn Cycles Huyadagmān and Angad Rōšnān in Parthian and Sogdian. Photo Edition. Transcription and translation of hitherto unpublished texts, with critical remarks*. London: School of Oriental and African Studies, 1990.
- Syrkin 1967 — A. Ya. Syrkin. *Upanishady. Perevod s sanskrita, predisloviye i kommentariy* [The Upanishads. Translation from Sanskrit, Introduction and Commentary]. Moscow: Nauka, 1967.
- Tremblay 2001 — X. Tremblay. *Pour une histoire de la Sérinde. Le manichéisme parmi les peuples et religions de l'Asie Centrale d'après les sources primaires*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2001.
- Tremblay 2005 — X. Tremblay. Irano-Tocharica et Tocharo-Iranica. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 2005. Vol. 68. Iss. 3. P. 421–449.
- Uhlenbeck 1898–1899 — C. C. Uhlenbeck. *Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch der altindischen Sprache*. Amsterdam: Johannes Müller, 1898–1899.
- de Vaan 2008 — M. de Vaan. *Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages*. Leiden; Boston: Brill, 2008.
- Van Windekens 1949 — A. J. Van Windekens. Études iraniennes et tokhariennes I. *Le Muséon*. 1949. Vol. 62. P. 125–150.
- Vorobyev-Desyatovskiy 1958 — V. S. Vorobyev-Desyatovskiy. Pamyatniki tsentralnoaziatskoy pismennosti [Central Asian written records]. *Uchenyye zapiski*

- Instituta Vostokovedeniya Akademii nauk SSSR* [Transactions of the Oriental Institute of the Academy of Sciences of the USSR]. 1958. Vol. 16. P. 280–308.
- Weber 1852 — A. Weber. *The Vájasaneyi-Sanhitâ in the Mādhyandina and the Kāṇva-Çākhâ with the commentary of Mahidhara*. Berlin; London: Ferd. Dümmler's Verlagsbuchhandlung; Williams and Norgate, 1852.
- Winter 1984 — W. Winter. Zur tocharischen Entsprechung von skt. *tokharika*. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*. 1984. Bd. 97. H. 1. S. 131–134.
- Witzel 1995 — M. Witzel. Early Indian history: Linguistic and textual parameters. G. Erdosy (ed.). *The Indo-Aryans of Ancient South Asia: Language, material culture and ethnicity*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1995. P. 85–125.
- Witzel 1999a — M. Witzel. Substrate Languages in Old Indo-Aryan (Ṛgvedic, Middle and Late Vedic). *Electronic Journal of Vedic Studies*. 1999. Vol. 5. Iss. 1. P. 1–67.
- Witzel 1999b — M. Witzel. Aryan and non-Aryan names in Vedic India. Data for the linguistic situation, c. 1900–500 B.C. J. Bronkhorst, M. M. Deshpande (eds.). *Aryan and non-Aryan in South Asia: Evidence, interpretation and ideology*. Delhi: Manohar Publishers and Distributors, 1999. P. 337–404.
- Witzel 2000 — M. Witzel. The home of the Aryans. A. Hintze, E. Tichy (eds.). *Anusantatyai: Festschrift für Johanna Narten*. Dettelbach: J. H. Röhl, 2000. S. 283–338.
- Witzel 2015 — M. Witzel. The Central Asian substrate in Old Iranian. *Mother Tongue*. 2015. Vol. 20. P. 149–178.
- Yakubovich 2008 — I. Yakubovich. The Origin of Luwian Possessive Adjectives. K. Jones-Bley, M. E. Huld, A. Della Volpe, M. Robbins Dexter (eds.). *Proceedings of the 19th Annual UCLA Indo-European Conference. Los Angeles, November 2–3, 2006*. Washington, DC: Institute for the Study of Man, 2008. P. 193–217.
- Yelizarenkova 1989–1999 — T. Ya. Yelizarenkova (transl.). *Rigveda*. In 3 vols. Moscow: Nauka, 1989–1999.

К вопросу о диалектном членении скифского языка

Ю. А. Дзиццойты

Юго-Осетинский государственный университет им. А. А. Тибилова
(Цхинвал, Южная Осетия);

dzicc@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2336-4125

Аннотация. В середине XX в. было установлено, что скифский язык делится как минимум на два диалекта, условно называемых «скифский-шкуда» и «сколотско-скифский». Характерной особенностью последнего, противопоставляющей его всем языкам северо-восточной группы, было развитие общеиранского **d* в *l*. В статье показана ошибочность тенденции, наметившейся в последние десятилетия, распространять данное фонетическое явление на скифский язык в целом.

Ключевые слова: диалектология, история языка, скифский язык, сарматский язык

Для цитирования: Дзиццойты Ю. А. К вопросу о диалектном членении скифского языка // Индоиранские языки. 2026. 2(1). С. 167–197.

DOI: 10.30842/30346800.2026.2.1.8

On the dialectal division of Scythian

Yuriy A. Dzitssoity

A. A. Tibilov South Ossetian State University (Tskhinval, South Ossetia);
dzicc@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2336-4125

Abstract. The history of studies in the Scythian language begins in 1837. Since then, both the Iranian nature of this language and its place among other languages of the Iranian group have been reliably established. Until recently, it was generally accepted that Scythian belongs to the north-eastern branch of the Iranian languages. However, starting from the mid-20th century, studies by I. Dyakonov, O. Szemerényi, and E. Grantovskiy showed that at least two dia-

lects can be distinguished in the Scythian language: Skolot and Shkuda. The main feature of the Skolot dialect was the phonetic development of Proto-Iranian **d* into *l*, which is also attested in Bactrian, Pashto and other languages. This puts the Skolot dialect with the south-eastern branch of the Iranian languages. Recent works by K. Vitchak, S. Kullanda and other scholars, however, describe the development of **d* > *l* as a phenomenon characteristic of the Scythian language as a whole and dismiss any facts contradicting this conclusion as borrowings from neighboring languages. The article attempts to challenge this statement. I support the view that at least two dialects can be distinguished in the Scythian language. To prove this, the proposed etymologies of Scythian anthroponyms and theonyms are reconsidered. In a number of cases, I offer new etymologies for Scythian onyms. For example, the Scythian ethnonym *καλλιπίδαί* is traced back to the ancient Iranian **karya-pitwa-* ‘for whom barley (bread) (**karya-*) serves as food (**pitwa-*)’. In addition, based on the reflects of the Proto-Iranian **ri* > *l(l)* and **ri* > *ri*, I propose to distinguish two subdialects in Shkuda and also provide Scythian-Ossetic isoglosses indicating both the closeness of Ossetic to Scythian and the north-eastern character of the Scythian dialect Shkuda.

Keywords: dialectology, language history, Scythian, Sarmatian

For citation: Dzitzstsoity Yu. A. On the dialectal division of Scythian. *Indo-Iranian Languages*. 2026. 2(1). P. 167–197.

DOI: 10.30842/30346800.2026.2.1.8

1. Из истории изучения скифского языка

1.1. К. Цейсс был первым, кто высказал гипотезу об иранской принадлежности скифов [Zeuss 1837: 275–302]. К концу XIX в. иранство скифов было окончательно установлено в трудах К. Мюллengoфа, В. Ф. Миллера, А. Гутшмида, В. Томашека, Г. Гирта, М. Эберта, К. Кречмера и других ученых.

1.2. К середине XX в. иранские этимологии скифо-сарматской ономастики Северного Причерноморья достигли таких объемов (см. [Vasmer 1923; Абасев 1949: 147–244; Harmatta 1951; 1970; Zgusta 1955; Humbach 1960]), что можно было ставить вопрос о диалектном членении как скифского, так и сарматского языков.

1.3.1. Для начала необходимо было отделить скифский материал от сарматского, а затем попытаться выявить следы диалектного членения внутри каждого из них. Единственно верным критерием для

выделения скифского материала были признаны онимы, упоминаемые у Геродота или у кого-то из его предшественников [Vasmer 1923: 8], а ономастический материал, зафиксированный позже, мог быть как скифским, так и сарматским [Zgusta 1955: 51].

По мнению Л. Згусты, иранский язык Северного Причерноморья наряду с архаичными чертами, присущими древнеиранским языкам, обнаруживает и инновационные черты, присущие среднеиранским. В целом же перед нами два близкородственных диалекта, которые могут быть признаны ветвями одного, «скифо-сарматского», языка. При этом архаичный диалект соответствует скифскому, а более молодой — сарматскому [Ibid.: 245–266].

Однако, по мнению С. Р. Тохтасьева, попытки чешского ученого «свелись к полнейшему провалу», так как он «не принял во внимание такую важнейшую примету сарматского языка, как переход др.-иран. **ri*, *ry(i)* в *l(i)*», и к тому же «практически все привлеченные Згустой данные относятся к сарматскому времени (...) и происходят даже не с тех территорий, где могли бы тогда компактно обитать остатки скифов» [Тохтасьев 2013: 582].

1.3.2. Обнаружив на сарматской почве четыре разных рефлекса общеиранской основы **arja-* ‘арий’ (**ar-*, **al-*, **ir-* и **il-*), венгерский иранист Я. Харматта высказал догадку о наличии в сарматском языке четырех диалектов [Harmatta 1970]¹. Осетинскую традицию он связал с диалектом, в котором **arja-* отразилось в виде **ir-*. Однако это утверждение было давно отвергнуто [Абаев 1949: 245–247], а в свете недавней этимологии для осет. *ir* ‘осетины’ (из праиран. **uira-* или **uirāh* ‘мужчина/воин’ [Bielmeier 1988: 103; Knobloch 1991: 35; Чёнг 2008: 271; Цаболов 1999: 146–149; ЭСИЯ, VI: 126]) и вовсе потеряло актуальность. Осетинская линия развития этнонима «арий», конечно же, представлена рефлексом **al-*, что сначала отрицал, но затем безоговорочно признал Я. Харматта [Harmatta 1970: 79, 105]. В настоящее время развитие **arja-* > *al-* в осетинском признано большинством специалистов [Абаев 1949: 245; Gershevitch 1955: 486; Бенвенист 1995: 241; Герценберг 1972: 45; Гамкрелидзе, Иванов 1984: 755; Оранский 1988: 44, 72; Christol 1989: 30; Knobloch 1991: 23; Cornillot 1994: 180; Ньюли 2002: 30; ЭСИЯ, I: 223–224]. Кроме того,

¹ Работу Я. Харматты мы цитируем по второму изданию, содержащему важные дополнения и исправления к первому изданию.

Я. Харматта предложил убедительную схему преобразования **arija-* в **al-* на сарматской почве — через этап **all-* [Harmatta 1970: 105], на что впоследствии указал и С. Р. Тохтаев [2013: 580], см. также [Дзищойты 2019: 243–245].

1.3.3. В. И. Абаев вслед за Л. Згустой утверждал, что диахронические изменения в скифо-сарматском материале могут соответствовать диалектному членению [Абаев 1979а: 274], против чего возражал Р. Шмитт [Schmitt 2018: 81].

2. О диалектах скифского языка

Однако от внимания большинства перечисленных исследователей ускользнуло весьма существенное явление в скифской фонетике, важность которого была отмечена в середине XX в.

2.1. Изучив формы употребления этнонима «скиф» в различных языках древности, И. М. Дьяконов пришел к выводу, что в их основе лежит самоназвание скифов, восстанавливаемое в виде **skuda-/ *škuḍa-* [Дьяконов 1956: 242–243, 246]². Сюда относятся:

1) ассирийское *aškuzai*, *askuzai*, *ašguzai*, *asguzai*, *iškuzāi*, с ассирийской протезой *a-/i-* и озвончением *-k- > -g-*;

2) древнееврейское *aškenaz* (в Ветхом Завете), появившееся в результате неточного прочтения этнонима **škwz* (**aškuz*) при переписке, так как знаки для *w* и *n* в еврейском письме похожи;

3) древнегреческое *Σκύθαι* ‘скифы’, так как в период заимствования этого этнонима в греческом языке не было звонкого межзубного спиранта *ḍ*, наличие которого в самоназвании скифов несомненно³, поэтому он был заменен на имевшийся в греческом языке глухой межзубный спирант *θ*. Из греческого языка название скифов литературным путем вошло во все языки Европы;

4) скелотский диалект скифского языка, в котором, согласно Геродоту (Hrd. IV, 6), самоназвание скифов звучало *Σκόλοτοι*, явля-

² Попытку поставить под сомнение данную реконструкцию и предложить в качестве др.-иран. этимона форму **skuja-* [Schmitt 2018: 80] считаем неубедительной.

³ Вопреки Р. Шмитту [Schmitt 2018: 80], греческое *Σκύθαι* первоначально было самоназванием скифов и только со временем, пройдя фонетическую адаптацию на греческой почве, стало иноназванием.

ясь производным якобы от имени царя. Как полагают современные ученые, имя этого царя, *Σκόλης*, Геродот приводит в другом месте своего сочинения (Hrd. IV, 76, 78–80). Однако установлено, что этот антропоним восходит к соответствующему этнониму, а не наоборот [Иванчик 2009: 73], а этноним представляет собой скифскую диалектную форму самоназвания скифов — **skula-ta*/**škula-ta*. Конечное *-ta* в этом ониме является показателем множественного числа, представленным в большинстве восточноиранских языков. Плавный *-l-* отражает переход **d* ($> \delta$) $> l$ в таких иранских языках юго-восточной подгруппы, как бактрийский, афганский (пушту), мунджанский и йидга [Vasmer 1923: 15]. Таким образом, форма **skula-ta* предполагает более старую, общескифскую форму **skuda-ta* $< *skuda-ta$. Поскольку по отношению к европейским скифам Геродот употребляет оба этнонима — и *Σκύθαι*, и *Σκόλοτοι*, — скифы делились как минимум на две этнические группы, которые условно можно назвать «скифами-шкуда» и «скифами-сколотами» [Дьяконов 1956: 242–243, 246]. Соответственно и в скифском языке можно выделить по крайней мере два диалекта — «шкудовский» и «сколотский».

2.2. Практически к тем же выводам на том же самом материале пришел О. Семереньи [Szemerényi 1980: 7, 16–17, 21–26]. Однако, как автор указывает в примечании, свои выводы он изложил впервые в 1947 г. в работе, написанной на венгерском языке, а затем повторил в 1951 г. на английском [Ibid.: 17, fn. 35]. Следовательно, можно говорить о том, что вывод о наличии в скифском языке двух диалектов сделан двумя специалистами независимо друг от друга.

Помимо указанных выше этнонимов к производным от скифского **škuda-*, по мнению О. Семереньи, относятся также название фракийской провинции *Skudra*, зафиксированное в древнеперсидской надписи [Ibid.: 21, 23–26], в котором основа **skuda-* оформлена иранским суффиксом прилагательных *-ra*, и название Согда, или Согдианы, в тех же древнеперсидских надписях: *Sug(u)da* [Ibid.: 26–40].

2.3. Э. А. Грантовский полностью поддержал выводы И. М. Дьяконова⁴, уточнив, что развитие **d* $> l$ на скифской почве характерно исключительно для языка царских скифов [Грантовский 1960: 20;

⁴ Э. А. Грантовский, как и И. М. Дьяконов, не знал о первых двух публикациях О. Семереньи.

1970: 89–90, 175; Grantovsky 2006]. Как увидим ниже, некоторые современные исследователи полностью игнорируют данное обстоятельство. Вместе с тем Э. А. Грантовский расширил список скифских слов, в которых можно предполагать происхождение *l* из **d*.

3. Новейшие исследования по диалектологии скифского языка

После этих работ мало кто сомневался в наличии в скифском языке диалекта, в котором общеиранское **d* развилось в *l* [Cornillot 1981: 32; Раевский 1985: 216; Christol 1989: 19]. Но если одни ученые в силу разных причин игнорировали эту особенность сколотского диалекта, то К. Т. Витчак и С. В. Кулланда, напротив, пытались распространить ее на скифский язык в целом.

3.1. Опираясь на ономастическую и апеллятивную лексику у Геродота и Гесихия, К. Т. Витчак предпринял попытку доказать, что не только развитие **d > l*, но и все остальные фонетические особенности скифского языка указывают на его принадлежность к языкам юго-восточной подгруппы иранских языков [Витчак 1992; Witczak 2023]. К. Т. Витчак полностью исключил возможность сохранения в скифском языке *d* из праиран. **d*, а также возможность развития **ri (rī) > l(l)*. Тем самым он исключил из повестки дня и вопрос о диалектном членении скифского языка.

3.2. Позицию К. Т. Витчака развил С. В. Кулланда [Кулланда 2006; Kullanda 2006; Кулланда 2016]. В рамках одной статьи нет возможности останавливаться на всех аргументах К. Т. Витчака и С. В. Кулланды, критике которых посвящена обстоятельная рецензия А. И. Иванчика [2009]. Ниже мы рассмотрим лишь главные постулаты их гипотезы.

3.3.1. В скифском материале прослеживается переход праиран. **ś > θ/t*. Признав эту особенность дифференцирующей, противопоставляющей скифский язык остальным иранским языкам восточной группы [Кулланда 2016: 6, 43, 51–52, 59, 64, 75, 90, 92, 143], С. В. Кулланда все лексемы, отражающие скифское *s* из праиран. **ś*, объявил заимствованиями из соседних языков [Там же: 50, 68, 85–86]. При этом С. В. Кулланда не рассматривает возможность того, что *s* из **ś* можно отнести к диалектным явлениям. Но если даже согласиться с мнением об общескифском характере развития **ś > θ/t*, то и в этом

случае следует иметь в виду, что оно характерно для юго-западной подгруппы иранских языков. Следовательно, как справедливо отмечает А. И. Иванчик [2009: 81], по данному признаку скифский язык следовало бы отнести к юго-западным, а не юго-восточным языкам, вопреки тому, как его классифицируют К. Т. Витчак и С. В. Кулланда [2016: 103].

3.3.2. Однако надежно установленная этимология одного из скифских теонимов опровергает выводы К. Т. Витчака и С. В. Кулланды. Речь идет о теониме *Oitósuros* (Hrd. IV, 59) / *Гоιτόσυρος* (у Геси-хия), который со времен Й. Маркварта этимологизируют из др.-иран. **gaitosūra-* ‘богатый имуществом (или скотом)’ [Кулланда 2016: 59; Schmitt 2018: 83], ср. [Witchak 2023: 98–99]. Во второй части видят др.-иран. *sūra-* ‘сильный, мощный’ [Schmitt 2018: 83], представленное и в авестийском теониме *Arədvī Sūrā Anāhitā* ‘Влажная, Могучая, Незапятнанная’, толкуемом в духе трифункциональной теории Ж. Дюмезиля, согласно которой *Sūrā* соответствует второй, военной, функции [Littleton 1982: 177; Puhvel 1987: 103, 151–152, 162, 234]. В древнеиндийской традиции соответствующий термин *śūra-* применяется к божеству Индре, в частности в выражении *śūra vrtrahan* ‘могучий убийца Вритры’ [Cornillot 1994: 230].

Этот пример является наиболее ярким свидетельством развития **ś > s(ś)* в скифском языке. Параллельное существование рефлексов **ś > s(ś)* и **ś > θ/t* свидетельствует о наличии в скифском языке как минимум двух диалектов.

3.4.1. Не все однозначно и с гипотезой о развитии **d (> δ) > l* в скифском. Это развитие прослеживается в части скифского материала (см. выше), но отсутствует в другой его части, где отчетливо прослеживается скифское *d* из **d*. К. Т. Витчак и С. В. Кулланда полностью отрицают последнюю возможность, а все слова, объяснявшиеся ранее с учетом развития **d > d*, снабжают новыми, зачастую малоубедительными этимологиями. При этом скифское **d* возводится к праиран. **nt*, так как это развитие характерно для юго-восточных иранских языков [Кулланда 2016: 46, 48, 51]. Однако это утверждение противоречит скифским именам и топонимам, содержащим кластер *nt* там, где, согласно гипотезе С. В. Кулланды, ожидалось бы *d* [Иванчик 2009: 69–71]. А в тех случаях, когда скифское *d* явно связано по происхождению с иран. **d*, а не *nt*, С. В. Кулланда вновь прибегает

к гипотезе о заимствовании. Так, о скифском *ἀδινός* ‘саранча’ у него сказано: «слово придется признать заимствованием из некоего языка, иранского или арийского, в котором индоиранский **d* отражался как *d*, а не переходил в *l*, как в скифском» [Кулланда 2016: 43]. См. также об имени *ΑΔΟΥΞΗΣ* (< **hadā-uxšan-* ‘богатый быками’ [Тохтасьев 2015: 890]): «имя не может быть (...) исконно скифским (поскольку в скифском иранский **d* закономерно давал *l*)» [Кулланда 2016: 43].

3.4.2. Однако если предположить, что переход **d* ($> \delta$) $> l$ был общескифским, то перед нами встанут непреодолимые препятствия. С. В. Кулланда вынужден признать, что этноним «скиф», представленный в источниках VII–VI вв. до н. э., восстанавливается в виде **škuḍa-/skuḍa-* [Кулланда 2016: 30–31, 97–104]. Но, поскольку это противоречит его утверждению о переходе **d* $> l$ в общескифском, автор добавляет, что на момент первых контактов скифов с ассирийцами и греками скифское **d* еще не перешло в *l* [Кулланда 2006: 201; Kullanda 2006: 77]. В таком случае логично предположить, что переходы **d* $> l$ развились на скифской и бактрийской почве независимо друг от друга [Иванчик 2009: 80–81].

В своей новой работе о скифском языке К. Т. Витчак полностью обошел мнение А. И. Иванчика [Witczak 2023], а С. В. Кулланда увенчал свои возражения [Кулланда 2016: 97–104] следующим утверждением: «не суть важно, был ли переход *d* $> l$ инновацией общего предка скифского и бактрийского, позволяющей объединить их в особую подгруппу, или возник в них независимо. Главное, что такой переход бесспорно существовал в скифском, и этот факт позволяет отделять скифские лексемы, содержащие рефлекс общеиранского **d*, от соответствующих слов других иранских языков» [Там же: 103–104].

Однако с этим утверждением трудно согласиться. Ведь именно на основе гипотезы К. Т. Витчака и С. В. Кулланды предложена новая историко-диалектологическая классификация восточноиранских языков⁵. При этом авторы новой классификации исходят из презумпции существования общего предка «скифского» и бактрийского. И это вполне понятно: наделив «скифский» язык практически всеми чертами юго-восточных иранских языков, К. Т. Витчак и С. В. Кулланда исключили всякую возможность рассматривать развитие *d* $> l$ в нем

⁵ Этому вопросу мы надеемся посвятить отдельную работу.

как независимое явление. Его следует рассматривать в едином комплексе с другими чертами юго-восточной подгруппы.

Однако вслед за признанием развития $d > l$ явлением, общим для предков бактрийского и «скифского» языков, следует признать, что «скифы» появились в Северном Причерноморье, имея в фонологической системе своего языка инновационное l . Но этот вывод противоречит не только возведению этнонима «скиф» к $*\acute{s}kuda-/skuda-$, но и многим другим фактам. А. И. Иванчик резонно указал на имена скифских царей *Ὀκτασισάδης*, *Μαδώνης* и др., в которых d восходит к $*d$ [Иванчик 2009: 68–69, 72–73].

3.4.3. Из сказанного следует вполне очевидный вывод: формы $*skuda-/skula-$ «скиф» существовали в скифском языке параллельно, а расхождения между ними носили диалектный характер. При этом носителями диалекта, в котором $*d$ перешло в l , были исключительно сколоты, предки которых появились в Северном Причерноморье незадолго до похода Дария на скифов.

По сути К. Т. Витчаку и С. В. Кулланде удалось доказать только то, что было известно по работам И. М. Дьяконова, О. Семереньи и Э. А. Грантовского: скифы-сколоты действительно говорили на иранском языке, близком к бактрийскому. Все, что К. Т. Витчак и С. В. Кулланда пишут о «скифском» языке, на самом деле относится исключительно к сколотскому диалекту этого языка. Неслучайно С. Р. Тохтасьев, во многом разделяющий взгляды этих ученых, неоднократно подчеркивал, что развитие $*d > l$ характерно только для языка «царских скифов» [Тохтасьев 2013: 576, 584]. Попытку «растянуть» сколотский материал на весь скифский язык следует признать неудачной.

3.5.1. То же самое следует сказать о развитии $*ri(r\acute{i}) > l(l)$ в скифском языке. Это развитие признается одними учеными [Абаев 1949: 214, 215; Грантовский 1960: 7–9, 19–20; Раевский 1977: 63; Ivantchik 2002: 258], но отвергается другими. По мнению К. Т. Витчака [1992: 55] и С. В. Кулланды [2016: 50–52, 70], др.-иран. кластер $*ri(r\acute{i})$ в скифском языке часто сохранялся без перехода в l , на что указывали и их предшественники [Абаев 1949: 156; Zgusta 1955: 232, 260]. Этому тезису сопутствует утверждение о том, что развитие $*ri(r\acute{i}) > l(l)$ является характерной чертой сарматского языка. По мнению С. Р. Тохтасьева, в конце IV в. до н. э. в сарматском еще не было указанного

перехода, так как царь сираков, которых не без оснований причисляют к раннесарматским племенам, носил имя *Ἀρι-φάρνης* (Diodor. XX, 22, 4) < **Arīa-farna(h)-*, в котором группа **rī* еще сохранялась [Тохтасьев 2005a].

3.5.2. Однако здесь произошла путаница. Начнем с конца.

Выше мы видели, что Я. Харматта выделил в сарматском языке четыре диалекта. Плиний (I в. н. э.) упоминает в районе Нижнего Дуная сарматское племя *Areatas*, название которого Я. Харматта убедительно возводит к др.-иран. **arīa-ta-* ‘арии’ [Harmatta 1970: 29, 77]. Следовательно, в каких-то сарматских диалектах древнеиранский кластер **ri/*rī* существовал и в I в. н. э.

С учетом синхронного бытования этнонимов «ареата» и «аланы», последний из которых также восходит к **arīa-* + суффикс, становится очевидной справедливость вывода Я. Харматты о дифференцирующем характере рефлексов кластера **ri/*rī* в сарматском, т. е. в каких-то сарматских диалектах перехода **ri/*rī > l* не было ни в IV в. до н. э., ни в I в. н. э., а в каких-то он был и в I в. н. э., и, возможно, раньше. Таким образом, рефлекс кластера **ri/*rī* нельзя рассматривать в качестве дифференцирующего признака, отделяющего сарматский от скифского.

Такое же положение находим в скифском языке: в одних диалектах указанный кластер сохранялся, а в других перешел в *l(l)*. В сколотском диалекте кластер **ri/*rī* не претерпел изменений. В скифском-шкуда, как мы полагаем, было как минимум два диалекта или говора: в одном из них указанный кластер сохранялся, а в другом перешел в *l(l)*. Более того, переход **ri(rī) > l(l)* в говорах или диалектах скифского языка произошел на несколько столетий раньше, чем в сарматском. Следовательно, можно предположить, что своей фонетической инновацией **ri/*rī > l* сарматский язык обязан влиянию скифского.

3.5.3. Рассмотрим наиболее явные примеры развития **ri(rī) > l(l)* в скифском языке.

Согласно легенде, скифы произошли от трех братьев, носивших имена *Ἀπόζαις*, *Κολάζαις* и *Λιπόζαις* (Hrd. IV, 5–6). Компонент *-ζαις* в этих именах, согласно общепринятому мнению, впервые высказанному К. Мюллэнгофом (см. [Zgusta 1955: 260]), связан с авестийским *xšāua-* ‘повелитель, владыка, царь’ [Schmitt 2018: 84]. Проблема в толковании первых компонентов.

В. И. Абаев предложил для первых двух имен связь с др.-иран. **ap-ra-* (> **arpa-*) ‘глубина / водная глубь’ и **hvara-* ‘солнце’ [Абаев 1949: 242–243]. Э. А. Грантовский уточнил эти этимологии, а также добавил этимологию первой части третьего имени из **ripa-* ‘гора; земля’ [Грантовский 1960: 7–9, 20]. Последнюю этимологию принял и В. И. Абаев [1995: 468]. Таким образом, перед нами целый пласт скифской мифологии, согласно которой мироздание состоит из трех сфер, возвышающихся одна над другой. Это **Hvarya-xšaia-* ‘Владыка неба; Солнце-царь’ (вместо которого мы предпочитаем этимон **Hūrja-xšaia-* с тем же значением), **Ripa-xšaia-* ‘Владыка земли (или горы)’ и **Arpa-xšaia-* ‘Владыка глубин’. Привлекательность этих толкований в том, что они, во-первых, хорошо вписываются в индоиранскую и индоевропейскую мифологию о трехчастном делении мироздания по вертикали, имеющую точное соответствие в тюркской мифологии, на что указал Э. А. Грантовский [1960: 7–9, 20].

Во-вторых, этимон **Hvarya-xšaia-* / **Hūrja-xšaia-* находит полную аналогию в авестийском теониме *hvarə-xšaēta-* ‘Солнце как божество’, состоящем из тех же этимологически родственных компонентов, что и скифское слово. Первый компонент этимона **Hūrja-xšaia-* соответствует древнеиндийскому *sūrya-* ‘Солнце; божество-Солнце’ [Грантовский 1960: 20]. Прямым соответствием этому названию в языке осетинского эпоса является *Xury bardwag* ‘покровитель Солнца’ [Н: 341].

В-третьих, гора в качестве маркера среднего мира встречается и в мифологии «Авесты», а также в древнеиндийской и осетинской мифологии [Дзицойты 2017: 188–189].

В-четвертых, начиная с VII–VI вв. до н. э., в древнегреческой традиции, в том числе у Геродота (Hrd. IV, 17), упоминаются «Рипы», или «Рипейские горы» (**Ῥίπας ὄρος*, **Ῥίπαι ὄρη*, **Ῥίπαια ὄρη*). В этом названии также скрывается скифское **ripa-* ‘гора’ [Грантовский 1960: 7–9]. Это свидетельствует в пользу приведенной этимологии имени «Липоксай», а параллельное употребление форм **ripa-* / **lipa-* ‘гора’ вновь свидетельствует о наличии в скифском языке «ряда диалектов» [Там же: 7].

Наконец, в-пятых, в своих застольных молитвах осетины провозглашают тосты за всю эту триаду: *Araq-æj kuv-æt xur, zæxx, don-mæ* (арака-авл молиться-PRS.1PL солнце земля вода-ALL) ‘Аракой мы молимся солнцу, земле (и) воде’ [Тлаттаты 2013: 344]. Рассматриваемые

реконструкции приняты С. С. Бессоновой [1983: 17] и Й. Кноблехом [Knobloch 1991: 67], а А. И. Иванчик [2009: 80] специально подчеркнул, что «[в] пользу такой интерпретации существуют многочисленные независимые данные, в том числе происходящие из разных иранских традиций, а упомянутые этимологии являются лишь дополнительным аргументом в пользу этой интерпретации». К. Т. Витчак и С. В. Кулланда пытаются противопоставить этой концепции свою, чтобы доказать отсутствие в скифском языке диалектов. При этом против этимологий В. И. Абаева и Э. А. Грантовского не было приведено ни одного серьезного возражения. Между тем развитие **ri* (*ri*) > *l*(*l*) на скифской почве иллюстрируется и другими примерами.

3.5.4. В «Скифском рассказе» (Hrd. IV, 17) упомянут этноним *Ἀλιζῶνες*, который О. Н. Трубачев возвел к древнеиндийскому **ali-jana-* ‘другой род / другое племя’, отрицая наличие второго компонента в иранских языках [Трубачев 1979: 36–37]. Однако в иранских языках все же существует основа **zāna-* ‘род, племя’ [Bailey 1979: 344; Абаев 1989: 296–297], поэтому наиболее вероятным древнеиранским этимоном является **arija-zāna-* ‘арийское племя’ [Грантовский, Раевский 1984: 57–58], иллюстрирующий скифское *l* из **ri*/**rj*.

3.5.5. Согласно Плинию (Nat. hist. II, 6, 20), реку Танаис (= Дон) скифы называли *Sili[s]*. Евстафий (XII в.) в своем «Комментарии» к Дионисию Периегету также называет эту реку *Σίλις*. В другом месте Плиний (Nat. hist. II, 6, 49) применяет название *Silis* к Сырдарье, которая в античной традиции, так же как и Дон, известна под вторым названием — *Tānaïs* [Шрамм 1997: 136–137; Доватур и др. 1982: 379].

В части рукописей Плиния встречается написание *Sinum*, что позволило Б. Мункачи сопоставить этот гидроним с лезгинским *šin* ‘вода’ (см. [Шрамм 1997: 137]). С. В. Кулланда [2016: 88] возводит гидроним *Silis* к др.-иран. **xšyuid-* (ср. авест. *xšuiiūd-* ‘молоко’). Вместе с тем гидроним *Silis* сопоставляли и с этнонимом *Σιρακες* (*Σιρακοί*, *Σιραχοί*) «сирак(и)». В этом случае исходная форма гидронима *Sili-* была **Siri-* [Шрамм 1997: 136]. К этой же основе может восходить и первая часть гидронима *Сыр-Дарья* (чагатайское *Sir* и пр.) [Фасмер 1987: 819]. Скифский гидроним интересно сопоставить и с др.-инд. *śīri* ‘кровеносный сосуд; вена’. В плане семантического развития ср. праиран. **raha-* ‘течение, поток’, откуда авест. *Raṇha-* ‘название реки’, ср.-перс. *rag* (< **raha-ka-*) ‘кровеносный сосуд’ [ЭСИЯ, VI: 334–336].

Ср. также рефлексы праиран. **tak-/ *tač-* ‘течь’: с одной стороны, сак. *nātāa* (< **ni-taka-*) ‘река’, ормури *tāk* (< **tāka-*) ‘горный поток’ [Bailey 1979: 182–183; Абаев 1979b: 245–246], а с другой — осет. *-dazin* в *tugdazin* ‘кровеносный сосуд’ [Абаев 1979b: 311].

В случае верности нашего сопоставления получают подтверждение сразу две особенности скифской фонетики: **ś > s* и **ri (rī) > l(l)*.

3.5.6. О скифском племени *καλλιπίδαи* Геродот сообщает: «каллипиды (...) являются эллино-скифами; над ними — другое племя, которое называется ализоны. И они, и каллипиды во всех остальных занятиях подобны скифам, но в отличие от них хлеб они и сеют, и едят...» (Hrd. IV, 17), перевод цитируется по [Доватур и др. 1982: 107].

Этноним *καλλιπίδαи* можно возвести к др.-иран. **karja-pitya-* (> скиф. **kalli-pit(w)a-* > **kael(l)i-pida-*), букв. ‘для кого ячменный (хлеб) (**karja-*) служит пищей (**pitya-*)’. Ср. для первой части праиран. корень **⁴kar-* ‘проводить черту, борозду’ > ‘пахать’, контаминировавшийся в большинстве иранских языков с корнем **³kar-* ‘сыпать, высыпать; лить’, давая общее значение ‘возделывать, обрабатывать землю; пахать, сеять’ [ЭСИЯ, IV: 270]. Ср., например, авест. *kar-* ‘сыпать, высыпать, рассыпать; сеять (семена)’ и *kar-* ‘бороздить, проводить борозды’ и пр. К этому же корню, несомненно, восходит осет. *kær-* в *kærzyn* ‘хлеб ячменный’ из **kara-* ‘нечто возделываемое’ > ‘ячмень’ + суфф. *-zyn* из **čana-* (как в сакском *damjanai* ‘строение, здание’ < **dama-čana-ka-*, букв. ‘относящееся к зданию, связанное со зданием’ [Bailey 1979: 151, 159]), т. е. *kærzyn* — ‘нечто, связанное с ячменем / приготовленное из ячменя’. Для второй части этнонима *καλλιπίδαи* ср. либо праиран. **pitu-* ‘пища; твердая пища’ [ЭСИЯ, VI: 74], либо **pitya-* > **piθuā-* : *piθu-* ‘предназначенный для еды’ [Там же: 75].

3.5.7. Таким образом, на основе анализа рефлексов кластера **ri (rī)* в языке скифов-шкуда можно выделить как минимум два диалекта. В одном из них этот кластер сохранился, а в другом перешел в *l(l)*.

3.6. Не менее интересна судьба кластера **xš-* на скифской почве. В свое время В. Томашек высказал предположение о связи скифо-сарматского этнонима *Σαῖοι* с авестийским *xšaya-* ‘правитель; царь’ (см. [Zgusta 1955: 263]), однако признать на этом основании соответствие др.-иран. **-xš-* — скифо-сарм. *-σ-* не решился [Ibid.: 140, 270]. Были приведены и другие примеры, в которых др.-иран. **xš-* отрази-

лось в виде *s-* [Абаев 1949: 189–190, 219–220]; ср. [Cornillot 1994: 105]. С. В. Кулланда полагает, что в скифском языке др.-иран. **xš-* в анлауте отражалось в виде *s-*, а в инлауте сохранялось [Кулланда 2016: 84, 86–87, 104–107, 116–117, 123]. Однако проблема в том, что *Σαῖοι* «саи» — сарматское, а не скифское племя [Иванчик 2009: 83–84, 86].

Поскольку вопрос нельзя считать окончательно решенным, укажем на следующие факты. Арийское **kš* в иранских языках иногда отражается в виде **š* [Абаев 1979b: 182]. С другой стороны, иранское **xš-* на осетинской почве иногда подвергается метатезе *sx-* [Абаев 1989: 239]. Все это говорит о неустойчивости в прошлом кластера **xš-* на древнеосетинской почве, стабилизации которого способствовало, скорее всего, наращение протетического **a-* (осет. *æ-*). Это позволяет привлечь следующие факты. Во-первых, грузинское (мегрельское) фамильное имя *Sartania*, которое М. К. Андроникашвили [1966: 513] производит от аланского **Axsartān*. Во-вторых, мужское имя *Sart* у осетин [Миллер 1927: 1039], представленное и в осетинской сказке: *Sart wydi tyxgænæg læg* (Сарт быть.PST.3SG насильник мужчина) ‘Сарт был насильником’ [ИАА, I: 431]⁶. Следует предположить, что на древнеосетинской почве существовали две формы: **Æxsartān* и **Sart(ān)*, свидетельствующие о колебании **xš-* > *š-*.

4. Предварительные итоги

Сколько же было диалектов в скифском языке? Можно предположить, что диалектов в скифском языке было столько, сколько Геродот упоминает скифских племен [Schmitt 2018: 78].

4.1. Исходя из перечисленных выше особенностей, в скифском языке следует различать по крайней мере три диалекта. Один из них — скототский, основная фонетическая особенность которого в переходе **d > l*. Сюда же развитие **ś > θ*, происхождение которого пока не ясно.

⁶ Во время сбора фольклорного материала в Северной Осетии (1988 г.) нами был записан текст Нартовского сказания, в котором, в частности, говорится: *Myggæg-tæ ta sæm wydi: Borætæ, Æxsærtægata, Sartuatæ ...* (род-PL PTCL ENCL.3PL. ALL быть.PST.3SG Бораев.PL Ахсартагов.PL Сартуев.PL) «А фамилии у них (у нартов) были такие: Бораевы, Ахсартаговы, Сартуевы...». Мы полагаем, что здесь *Sartuatæ* — плеонастический вариант предшествующего имени.

4.2. В собственно скифском языке (скифском-шкуда) было как минимум два диалекта. В одном из них кластер **ri* / **r_i* сохранялся, а в другом перешел в *l(l)*. Судя по этимологиям названий, ализоны и каллипиды были носителями второго диалекта. К этому же диалекту принадлежали скифы, со слов которых были записаны скифское предание о Колаксаевом коне и одна из версий предания о прародителях скифов.

4.3. Смешанные юго-восточные и северо-восточные черты сколотского диалекта напоминают те черты языка древнеперсидских надписей, в которых юго-западные черты переплетаются с северо-западными, мидийскими. В результате в языке Ахеменидов представлены такие параллельные формы, как *asa-* / *aspa-* ‘конь; лошадь’, *visa-* / *vispa-* ‘весь’ и т. п. Объясняется это тем, что древнеперсидские цари (Ахемениды) унаследовали царство мидян, усвоив во многом их традиции, в особенности касающиеся организации царской власти.

Нечто подобное могло произойти на скифской почве. Пришлые сколоты «унаследовали» царскую власть в Скифии у исконно скифской династии (скифы-шкуда). От их смешения и получился сколотский диалект, в котором переплелись нормы двух разных диалектов.

5. Об изоглоссах скифского языка

Вопрос о диалектном членении скифского языка можно рассматривать и с позиций изоглосс, связывающих скифский язык с некоторыми древними и современными языками. Так, наличие в скифском языке диалекта юго-восточного типа подтверждается заимствованиями в финно-угорские языки, отражающими фонетические особенности данной группы, в частности, переход **d > l* [Грантовский 1998: 110]. Другие изоглоссы древнейшей поры пока не могут быть использованы по разным причинам. Скифо-европейские изоглоссы [Абаев 1965], заслуживающие отдельного исследования, плохо датируются. Скифо-фракийские изоглоссы [Абаев 1995: 530–545] также не могут быть привлечены. С одной стороны, наличие фракийцев и, соответственно, фракийских элементов в ономастике Северного Причерноморья не вызывает сомнений [Zgusta 1955: 11, 43, 278–293; Ivantchik, Falileyev 2012; Falileyev 2013; 2014: 124–132]. А с другой — попытка толковать практически все скифские имена и этнонимы как заимствования из фракийского языка [Шапошников 2012] вызывает недоумение.

Скифо-прасеверокавказские параллели, предложенные С. В. Кулландой [2016: 141–143, 145], не всегда корректны [Башарин 2018: 374], поэтому в нашей работе не рассматриваются. То же самое следует сказать о крайне сумбурных хеттских этимологиях скифо-сарматского материала [Шапошников 2010]. Не рассматривается и давно отвергнутая [Zgusta 1955: 35–38; Грантовский, Раевский 1984; Грантовский 1998: 78] гипотеза К. Кречмера об «индоаризмах» в Северном Причерноморье, которую активно разрабатывал О. Н. Трубачев. Мы остаемся лишь на осетино-скифских изоглоссах.

5.1.1. Выше мы отметили, что изоглосса $*\acute{s} > \theta$ объединяет сколотский диалект скифского языка, с одной стороны, с юго-западными иранскими языками, а с другой — с осетинским. При этом мы имеем в виду не заимствованную лексику (осет. *færæt* ‘топор’, *raetæn* ‘толстая веревка’, *talm* ‘ильм’), представленную и в некоторых восточноиранских языках (сакское *padä* ‘топор’ < $*paratu-$ при др.-инд. *paraśu-* [Bailey 1979: 66, 203]), а развитие $*\acute{s} > \theta$ в осетинских экспрессивах. Напомним, что В. И. Абаев относил рассматриваемые примеры к так называемым перекрестным изоглоссам [Абаев 1995: 565–591], а С. Р. Тохтасьев [2005b: 101] и С. В. Кулланда [2016: 96, 113] всю суть явления перекрестных изоглосс свели к заимствованиям. Отталкиваясь от наблюдений над диалектами и топонимией Южной Осетии, мы пытались показать, что одно из проявлений перекрестных изоглосс заключается в том, что контактирующие диалекты одного языка могут использовать наиболее характерные фонемы соседнего диалекта в качестве маркера экспрессивности. Поскольку часть осетинских экспрессивов отражает развитие $*\acute{s} > t$, можно предположить, что в прошлом предок осетинского языка контактировал с близким ему диалектом, для которого данное развитие было нормой [Дзиццойты 2018]. Таким образом, подтверждается не только развитие $*\acute{s} > t$ на сколотской почве, но и соседство праосетинского с сколотским диалектом.

5.1.2. Высказано предположение, что развитие $*d > l$ оставило след в осетинском языке [Камболов 2006: 92–97]. Однако доказательная база в этой работе зиждется на крайне сомнительных этимологиях: *laeg* ‘человек; мужчина’ < $*dahaka-$ (в осетинском ожидали бы $*lag$), *laefinae* ‘яркий луч; свет’ < $*dai-$: $d\bar{i}-$ ‘сиять, светить, блестеть’ (удачно объяснено из праиран. $*lap-$, *laip-* ‘светить(ся)» [ЭСИЯ, V: 75]) и пр.

Сколотское **maglu-* ‘лебедь’ [Витчак 1992: 53] могло бы быть рассмотрено в качестве источника осет. *mælg* ‘павлин’. Однако возражения А. И. Иванчика [2009: 74] против сколотской реконструкции, не учтенные польским исследователем [Witzczak 2023: 94–95], настолько основательны, что заставляют воздержаться от предложенного сопоставления.

5.1.3. В осетинском языке не нашли отражения лексемы, представленные в скифских глоссах Гесихия:

- 1) **adigor* ‘саранча’ [Витчак 1992: 56; Witchak 2023: 95–96], принято Д. И. Эдельман [ЭСИЯ, I: 78];
- 2) **arani-* ‘олень’ [Witchak 2023: 96–98]; отсутствует во всех остальных иранских языках;
- 3) **gaita-* ‘овца’ [Ibid.: 98–99]. Данная реконструкция не учитывает этимологии В. И. Абаева [1989: 70] и Ф. Корнильо (см. ниже);
- 4) **appakā-* ‘кумыс’ < **aspā* ‘кобыла’ [Witchak 2023: 99–100] — первая часть контаминирована с греческим словом для «лошади» [Иванчик 2009: 77];
- 5) **spaka-īā* ‘собака; сука’ [Witchak 2023: 100–101], ср. [Zgusta 1955: 132]; сюда же — имя скифского предводителя из ассирийских источников *Iš-pa-ka-a-a* < скиф. **Spak-aya-* [Schmitt 2018: 81];
- 6) **θaran-tara-* ‘животное, похожее на оленя’ якобы отражает переход **ś > θ* [Witchak 2023: 102–104], ср. [Кулланда 2016: 92]. Данная этимология не учитывает реконструкцию **tar-an-dara-* ‘имеющий лоб’ / ‘нечто, носимое на лбу’ (т. е. «рогатый»), в первой части которого — др.-иран. **tara-* ‘лоб’ [Knobloch 1998: 219].

Очевидно, в сколотском диалекте существовали и другие иранские слова, отсутствовавшие в северо-восточных иранских языках.

5.1.4. Таким образом, к числу надежно установленных осетино-сколотских изоглосс можно отнести такое фонетическое явление, как **ś > θ*. Развитие **xš- > š-*, также представленное на осетинской почве, трудно приписать сколотскому диалекту. Развитие **d > l* на осетинской почве не подтверждается надежными примерами. Лексических изоглосс между осетинским и сколотским не обнаружено.

5.2.1. Среди изоглосс, объединяющих исконно скифский (скифский-шкуда) с осетинским языком, можно выделить развитие **ri (r_i) > l(l)*. Это вполне надежная скифо-сармато-алано-осетинская изоглосса. Ее привлекательность в том, что она подтверждается многочисленными

и хорошо датирующимися примерами. Для скифского языка она впервые зафиксирована в VII в. до н. э., а затем — в V в. до н. э. В сарматском надежные примеры датируются периодом после IV в. до н. э. Примечательно, что развитие $*ri(r_i) > l(l)$ охватило не все диалекты скифского-шкуда и не все диалекты сарматского. Аланский язык на всем протяжении доступного анализу материала характеризуется рассматриваемой особенностью, и точно такое же место это явление занимает в фонетике осетинского языка. Вывод, следующий из данного наблюдения, может иметь значение не только для истории языка, но и для установления этногенеза алан и, соответственно, осетин. Решающую роль в становлении алан как самостоятельного этноса сыграли сарматские племена, очевидно, смешавшиеся с какой-то частью скифов, привнесших в протоаланский язык фонетическую особенность $*ri(r_i) > l(l)$.

5.2.2. Можно отметить и лексические изоглоссы.

- 1) К числу скифо-сармато-алано-осетинских изолекс относится слово *farn* ‘благодать’. Скифская лексема реконструирована на основе заимствований из скифского в мидийский и древнеперсидский, а также в авестийский языки [Lubotsky 1998; 2002: 190, 191–195]. Выводы А. Лубоцкого приняты [ЭСИЯ, VI: 140; Дыбо 2010: 296]. Возражения С. В. Кулланды [2016: 126–129] неубедительны. Спирантизация $*p > f$ может быть маркером сакральности.
- 2) Скифо-алано-осетинской изолексой является скиф. *saṇa-* (у Геси-хия), алан. *sana*, осет. *sæn/sæna* ‘вино’ [Абаев 1979b: 67; ЭСИЯ, IV: 219; Шапошников 2007: 311]. Высказывалось мнение о заимствовании скифского слова из прасеверокавказского $*swinē$ ‘барбарис; смородина’ [Nikolayev, Starostin 1994: 971; Кулланда 2016: 85], что лишено всяких оснований. Но если даже признать эту этимологию верной, осетинское слово невозможно оторвать от скифского как по форме, так и по значению. Однако скифское слово предполагает этимон $*śana-$, который через ступень $*sčan(i)-$ восходит к др.-иран. $*(s)kan-$ (см. [Bailey 1979: 52]), родственному др.-иран. $*kana-$ ‘лен; конопля’. Скифское $*śana-$ могло означать ‘конопляное семя’ > ‘ритуальный напиток из конопляных семян’⁷. Впоследствии это название было перенесено на ягоды, из которых

⁷ Сюда же, возможно, относится осет. *sænk* ‘борщевник’, если это слово происходит из $*sčani-ka-$.

- стали готовить ритуальный напиток. Косвенным подтверждением сказанному могут служить коми *шаньга/шаньги/шаньди* ‘ватрушка’, удмуртское *шаньги* ‘id.’, марийское *шаньга* ‘ватрушка с начинкой из конопляных семян’ [Лыткин, Гуляев 1999: 317], где элементы *-г-* и *-д-* являются суффиксами. Основа *шань-* могла означать ‘конопляное семя’, и ее источником было скифское **šana-* ‘id.’ Кавказские соответствия, несомненно, происходят из скифского.
- 3) Выше мы видели, что во второй части теонима *Οἰτόσυρος/Γοιτόσυρος* скрывается др.-иран. **šūra-* ‘сильный, мощный’. В осетинской мифологии известна хозяйка леса, выступающая в образе то волчицы, то чертовки (*sajtan*). Зовут ее *Qæd-sur* [ИАС, II: 457, 655], *Ġæd-sor* [Там же: 460]. В первой части этого онима находится *qæd/γæde* ‘лес’. Вторую часть *-sur/-sor* трудно отделить от др.-иран. **šūra-* ‘сильный, мощный’. Это слово встречается и в других иранских языках [Bailey 1979: 427, 476], но в качестве компонента теонима является скифо-авестийско-осетинской изоглоссой.
 - 4) В первой части теонима *Οἰτόσυρος/Γοιτόσυρος* видят др.-иран. **gaiθā-* ‘житье; средства к существованию’ (см. выше). Однако если исходить из формы *Οἰτόσυρος*, то в первой части, по мнению Ф. Корнилья, можно видеть рефлекс иранского **hūatauāh-*. Рефлексами этого этимона в других иранских языках являются согдийское *xwt’w* (**xutāu*), хорезмийское *xuθāw* ‘бог’ и осетинское (*i*)*dawæg* (**witāwaka- < *hwutāw-*) ‘божество’. Геродотовское *oito-* является передачей скифского **wito-* (*< *witaw*), подобно тому, как греч. *oikos* ‘дом’ происходит из **wikos* при латинском *vicus* ‘селение’ [Cornillot 1994: 235–238]. Форма **çi-taua-* ‘носитель силы’ в составе теонима также является скифо-осетинской изоглоссой.
 - 5) *Skunxa-* — имя сакского царя (древнеперсидский источник), связываемое с осет. *skwyx-yn/sk’wænx-un* ‘совершать подвиг’ [Schmitt 2018: 81], по В. И. Абаеву [1979b: 120], «одно из ярких свидетельств языковой близости осетин и саков».
 - 6) Скифское *ἀνάρεις* (Hipp. De aër. XXII) / *ἐνάρεις* (Hrd. I, 105) ‘жрецы-андрогины’ объясняется из др.-иран. **a-nar-ia-* ‘немужественные’ [Zeuss 1837: 294; Vasmer 1923: 13; Абаев 1949: 151, 174]. Осетинское *ænælæg* ‘никчемный (только о мужчине)’, вопреки современному пониманию из *ænæ + læg* ‘без мужчины’, следует толковать как *æ- + næl + суфф. -æg* (*< *a-narija-ka-*) ‘не мужчина’ [Дзицойты 2017: 278–279].

6. Заключение

На основе изложенного выше материала можно сделать следующие выводы.

1. Скифский и сарматский — два близкородственных языка.
2. Фонетический критерий позволяет выделить в скифском языке два диалекта: сколотский и шкуда. Первый из них обладает чертами юго-восточной подгруппы иранских языков, сближающими его с бактрийским, пушту и другими языками. В диалекте шкуда следует различать как минимум два говора, в одном из которых кластер **ri* сохранялся, а в другом был преобразован в *l(l)*.
3. К числу говоров, в которых наблюдается переход **ri > l(l)*, относятся ализонский и каллипидский.
4. Под влиянием скифского языка переход **ri > l(l)* произошел и в части диалектов сарматского.
5. Осетинский язык является наследником тех диалектов, в которых развитие **ri > l(l)* приобрело характер доминирующей инновации в фонетике. Это и скифо-осетинские лексические изоглоссы свидетельствуют об участии скифского языка в формировании осетинского.

Список условных сокращений

ABL — аблатив; ALL — аллатив; ENCL — энклитика; PRS — настоящее время; PL — множественное число; PST — прошедшее время; PTCL — частица; SG — единственное число.

авест. — авестийский; др.-инд. — древнеиндийский; др.-иран. — древнеиранский; осет. — осетинский; праиран. — праиранский; сак. — сакский; скиф. — скифский; скифо-сарм. — скифо-сарматский; ср.-перс. — среднеперсидский.

Литература

- Абаев 1949 — В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1949.
- Абаев 1965 — В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М.: Наука, 1965.
- Абаев 1979а — В. И. Абаев. Скифо-сарматские наречия // В. С. Расторгуева (отв. ред.). Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М.: Наука, 1979. С. 272–364.

- Абаев 1979b — В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III. Л.: Наука, 1979.
- Абаев 1989 — В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. Л.: Наука, 1989.
- Абаев 1995 — В. И. Абаев. Избранные труды. Т. II. Владикавказ: Ир, 1995.
- Андроникашвили 1966 — М. К. Андроникашвили. Nark'vevebi iranul-kartuli enobrivi urtiertobidan [Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям (на груз. яз.)]. Т. I. Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1966.
- Башарин 2018 — П. В. Башарин. [Рец. на:] С. В. Кулланда. Скифы: язык и этногенез // Nartamongae. 2018. Т. 13. № 1–2. С. 365–375. DOI: 10.31826/jlr-2017-143-409.
- Бенвенист 1995 — Э. Бенвенист. Словарь индоевропейских социальных терминов. Пер. с франц., Ю. С. Степанов (общ. ред.). М.: Прогресс-Универс, 1995.
- Бессонова 1983 — С. С. Бессонова. Религиозные представления скифов. Киев: Наукова думка, 1983.
- Витчак 1992 — К. Т. Витчак. Скифский язык: опыт описания // Вопросы языкознания. 1992. № 5. С. 50–59.
- Гамкрелидзе, Иванов 1984 — Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. I–II. Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1984.
- Герценберг 1972 — Л. Г. Герценберг. Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках. Л.: Наука, 1972.
- Грантовский 1960 — Э. А. Грантовский. Индо-иранские касты у скифов. М.: Восточная литература, 1960.
- Грантовский 1970 — Э. А. Грантовский. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М.: Наука, 1970.
- Грантовский 1998 — Э. А. Грантовский. Иран и иранцы до Ахеменидов. Основные проблемы. Вопросы хронологии. М.: Восточная литература, 1998.
- Грантовский, Раевский 1984 — Э. А. Грантовский, Д. С. Раевский. Об ираноязычном и «индоарийском» населении Северного Причерноморья в античную эпоху // Л. А. Гиндин (отв. ред.). Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья: лингвистика, история, археология. М.: Наука, 1984. С. 47–66.
- Дзицойты 2017 — Ю. А. Дзицойты. Вопросы осетинской филологии. Т. I. Цхинвал: Республика, 2017.
- Дзицойты 2018 — Ю. А. Дзицойты. О перекрестных изоглоссах в лексике и топонимии Южной Осетии // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15. № 3. С. 78–104.
- Дзицойты 2019 — Ю. А. Дзицойты. К этимологии этнонимов *Alan* и *Allon* // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 2. С. 232–258.

- Доватур и др. 1982 — А. И. Доватур, Д. П. Каллистов, И. А. Шишова. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты. Перевод. Комментарий. М.: Наука, 1982.
- Дьяконов 1956 — И. М. Дьяконов. История Мидии. М.; Л.: Наука, 1956.
- Дыбо 2010 — А. В. Дыбо. [Рец. на:] В. С. Расторгуева, Д. И. Эдельман. Этимологический словарь иранских языков. Т. III. М.: Восточная литература, 2007. // Ж. Ж. Варбот (отв. ред.). Этимология 2006–2008. М.: Наука, 2010. С. 288–298.
- Иванчик 2009 — А. И. Иванчик. К вопросу о скифском языке // Вестник древней истории. 2009. № 2. С. 62–88.
- Камболов 2006 — Т. Т. Камболов. Очерк истории осетинского языка. Владикавказ: Ир, 2006.
- Кулланда 2006 — С. В. Кулланда. *Lingua scythica ad usum historici* // В. Г. Петренко, Л. Т. Яблонский (отв. ред.). Древности скифской эпохи: Сборник статей. М.: Институт археологии РАН, 2006. С. 194–209.
- Кулланда 2016 — С. В. Кулланда. Скифы: язык и этногенез. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016.
- Лыткин, Гуляев 1999 — В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. Краткий этимологический словарь коми языка. 2-е изд. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1999.
- Ньоли 2002 — Г. Ньоли. Название алан в сасанидских надписях: лингвистические и исторические размышления по поводу противопоставления Ирана внешнего и Ирана внутреннего. Пер. с итал. Владикавказ: Ир, 2002.
- Оранский 1988 — И. М. Оранский. Введение в иранскую филологию. 2-е изд. М.: Наука, 1988.
- Раевский 1977 — Д. С. Раевский. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М.: Наука, 1977.
- Раевский 1985 — Д. С. Раевский. Модель мира скифской культуры. М.: Наука, 1985.
- Тохтасьев 2005a — С. Р. Тохтасьев. *Sauromatae–Sarmatae–Syrmatae* // С. Д. Крыжицкий (гл. ред.). Херсонесский сборник. Вып. XIV. Памяти Мирона Ильича Золотарёва. Севастополь: Максим, 2005. С. 291–306.
- Тохтасьев 2005b — С. Р. Тохтасьев. Проблемы скифского языка в современной науке // V. Cojocaru (ed.). *Ethnic contacts and cultural exchanges north and west of the Black Sea from the Greek colonization to the Ottoman conquest*. Iași: Trinitas, 2005. P. 59–108.
- Тохтасьев 2013 — С. Р. Тохтасьев. Иранские имена в надписях Ольвии I–III вв. н. э. // С. Р. Тохтасьев, П. Б. Лурье (ред.). *Commentationes Iranicae*. Сборник статей к 90-летию Владимира Ароновича Лившица. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 565–607.
- Тохтасьев 2015 — С. Р. Тохтасьев. Из ономастики Северного Причерноморья. XXII. Несколько скифских и сарматских имен // Н. Н. Казанский (отв. ред.). Индоевропейское языкознание и классическая филология —

- XIX: Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб.: Наука, 2015. С. 890–898.
- Трубачев 1979 — О. Н. Трубачев. «Старая Скифия» (*Αρχαία Σκυθία) Геродота (IV, 99) и славяне. Лингвистический аспект // Вопросы языкознания. 1979. № 4. С. 29–45.
- Фасмер 1987 — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. III. Пер. с нем. и дополнения О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1987.
- Цаболов 1999 — Р. Л. Цаболов. Осетинские этимологии (II) // Б. Я. Островский (отв. за выпуск). Исследования по иранской филологии. Вып. 2. М.: Институт стран Азии и Африки МГУ, 1999. С. 146–152.
- Чёнг 2008 — Дж. Чёнг. Очерки исторического развития осетинского вокализма. Пер. с англ. Владикавказ; Цхинвал: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2008.
- Шапошников 2007 — А. К. Шапошников. Сарматские и туранские языковые реликты Северного Причерноморья // Ж. Ж. Варбот (отв. ред.). Этимология 2003–2005. М.: Наука, 2007. С. 255–322.
- Шапошников 2010 — А. К. Шапошников. Языковые реликты хеттского вида в Северном Причерноморье // Ж. Ж. Варбот (отв. ред.). Этимология 2006–2008. М.: Наука, 2010. С. 227–252.
- Шапошников 2012 — А. К. Шапошников. Языковые реликты фракийского облика в Северном Причерноморье // Ж. Ж. Варбот (отв. ред.). Этимология 2009–2011. М.: Наука, 2012. С. 252–308.
- Шрамм 1997 — Г. Шрамм. Реки Северного Причерноморья. Историко-филологическое исследование их названий в ранних веках. Пер. с нем. М.: Eastern Communications, 1997.
- ЭСИЯ I — В. С. Расторгуева, Д. И. Эдельман. Этимологический словарь иранских языков. Т. I. М.: Восточная литература, 2000.
- ЭСИЯ III — В. С. Расторгуева, Д. И. Эдельман. Этимологический словарь иранских языков. Т. III. М.: Восточная литература, 2007.
- ЭСИЯ IV–VI — Д. И. Эдельман. Этимологический словарь иранских языков. Т. IV–VI. М.: Восточная литература, 2011–2020.
- Bailey 1979 — H. W. Bailey. Dictionary of Khotan Saka. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
- Bielmeier 1988 — R. Bielmeier. Zum Namen der kaukasischen Iberer // P. O. Scholz, R. Stempel (Hrsgg.). Nubia et oriens christianus: Festschrift für C. Detlef G. Müller zum 60 Geburtstag. Köln: J. Dinter, 1988. S. 99–105.
- Christol 1989 — A. Christol. Introduction a l'ossète. I: Des Scythes aux Ossètes. Mont-Saint Aignan: Groupe de Recherches Rouenlac, 1989.
- Cornillot 1981 — F. Cornillot. L'origine du nom des Scythes // Indo-Iranian Journal. 1981. Vol. 23. No. 1. P. 29–39. DOI: 10.1007/BF00974792.
- Cornillot 1994 — F. Cornillot. L'aube scythique du monde slave // Slovo: revue du CERES (Centre d'études russes, eurasiennes et sibériennes). 1994. N°14. P. 77–259.

- Falileyev 2013 — A. Falileyev. Going further east: New data, new analysis // J. L. García Alonso (ed.). *Continental Celtic word formation. The onomastic data*. Salamanca: Ediciones Universidad de Salamanca, 2013. P. 85–98.
- Falileyev 2014 — A. Falileyev. In search of the Eastern Celts. *Studies in geographical names, their distribution and morphology*. Budapest: Archeolingua, 2014.
- Gershevitch 1955 — I. Gershevitch. Word and spirit in Ossetic // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1955. Vol. 17. No. 3. P. 478–489.
- Grantovsky 2006 — E. Grantovsky. Scythian ethnogenesis. The evidence of language // *Eurasia Scythica: History, Culture & Languages of Ancient Iranian Nomads of Eurasia*. 2006. Vol. 1. No. 1. P. 67–73.
- Harmatta 1951 — J. Harmatta. Studies in the language of the Iranian tribes in South Russia // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1951. Vol. 1. No. 2–3. P. 261–314.
- Harmatta 1970 — J. Harmatta. *Studies in the History and Languages of the Sarmatians*. Széged: S. n., 1970.
- Humbach 1960 — H. Humbach. *Scytho-Sarmatica* // *Die Welt der Slaven*. 1960. Jg. 5. Hf. 3–4. S. 322–328.
- Ivantchik 2002 — A. Ivantchik. Un fragment de l'épopée scythe : « le cheval de Colaxaïs » dans un parthéneion d'Alcman // *Ktêma. Civilisations de l'Orient, de la Grèce et de Rome antiques*. 2002. N°27. P. 257–264.
- Ivantchik, Falileyev 2012 — A. Ivantchik, A. Falileyev. A Celtic dedication from Olbia? A reassessment // K. Konuk (comp.). *Stephanéphoros. De l'économie antique à l'Asie Mineure. Hommages à Raymond Descat*. Bordeaux: S. n., 2012. P. 335–340.
- Knobloch 1991 — J. Knobloch. *Homerische Helden und christliche Heilige in der kaukasischen Nartenepic*. Heidelberg: Carl Winter, 1991.
- Knobloch 1998 — J. Knobloch. Das Ossetische als Hilfe für indogermanische Rekonstruktionen // G. Gnoli (ed.). *Studia Iranica et Alanica: Festschrift for Prof. Vasilij Ivanovič Abaev on the occasion of his 95th birthday*. Rome: Istituto italiano per l'Africa e l'Oriente, 1998. P. 217–219.
- Kullanda 2006 — S. Kullanda. The Scythian language revisited // *Eurasia Scythica. History, Culture & Languages of Ancient Iranian Nomads of Eurasia*. 2006. Vol. 1. No. 1. P. 74–81.
- Littleton 1982 — S. C. Littleton. *The new comparative mythology: An anthropological assessment of the theories of Georges Dumézil*. 3rd edn. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1982.
- Lubotsky 1998 — A. M. Lubotsky. Avestan *x^aarənah-*: The etymology and concept // W. Meid (ed.). *Sprache und Kultur. Akten der X. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft*. Innsbruck, 22.–28. September 1996. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1998. S. 479–488.
- Lubotsky 2002 — A. Lubotsky. Scythian elements in Old Iranian // N. Sims-Williams (ed.). *Indo-Iranian languages and peoples*. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 189–202. DOI: 10.5871/bacad/9780197262856.003.0009.

- Nikolayev, Starostin 1994 — S. L. Nikolayev, S. A. Starostin. A North Caucasian etymological dictionary. Moscow: Asterisk Publishers, 1994.
- Puhvel 1987 — J. Puhvel. Comparative mythology. Baltimore; London: The Johns Hopkins University Press, 1987.
- Schmitt 2018 — R. Schmitt. Die Sprache der Skythen // *Nartamongæ*. 2018. Vol. 13. No. 1–2. P. 77–86. DOI: 10.23671/VNC.2018.1-2.37869.
- Szemerényi 1980 — O. Szemerényi. Four old Iranian ethnic names: Scythian–Skudra–Sogdian–Saka. Wien: Verlag der Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1980.
- Vasmer 1923 — M. Vasmer. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I: Die Iranier in Südrussland. Leipzig: Markert & Petters, 1923.
- Witczak 2023 — K. T. Witczak. Scytyjskie zoonimy w leksykonie Hesychiosa // *Prace językoznawcze*. 2023. T. 25. Nr. 1. S. 91–107. DOI: 10.31648/pj.8712.
- Zeuss 1837 — K. Zeuss. Die Deutschen und die Nachbarstämme. München: Bei Ignaz Joseph Lentner, 1837.
- Zgusta 1955 — L. Zgusta. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste: die ethnischen Verhältnisse der Skythen und Sarmaten, im Lichte der Namenforschung. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1955.

Источники

- ИАА, I — Ирон адамон аргъæуттæ [Осетинские народные сказки (на осет. яз.)]. Т. I. Цхинвал: Хуссар Ирыстоны паддзахадон рауагъдад, 1959.
- ИАС, II — В. И. Абаев (общ. ред.). Ирон адамы сфæлдыстад [Осетинское народное творчество (на осет. яз.)]. Т. II. Дзæуджыхъæу: Ир, 1961.
- Миллер 1927 — В. Ф. Миллер. Осетинско-русско-немецкий словарь. Т. II. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1927.
- Н — Нартæ [Нартовский эпос (на осет. яз.)]. Цхинвал: Ирыстон, 1975.
- Тлаттаты 2013 — З. Тлаттаты. Зонды суадон [Кладезь мудрости (на осет. яз.)]. Дзæуджыхъæу: б.и., 2013.
- Diodor. — Siculus Deodorus. Diodori Bibliotheca historica. I. Bekker, L. Dindorf, F. Vogel, C. Th. Fisher (eds.). Vol. I–V. Leipzig: B. G. Teubner, 1888–1905.
- Hipp. De aër. — Hippocrates. Peri aeron hydaton topon / Airs waters places. W. H. S. Jones (ed.). Cambridge (MA): Harvard University Press; London: William Heinemann Ltd., 1923.
- Hrd. — Herodotus. Herodoti historiae. H. B. Rosén (ed.). Vol. I–II. Berlin; New York: B. G. Teubner, 1987.
- Nat. hist. — C. Plini Secundi. Naturalis Historiae. C. Mayhoff (ed.). Vol. I–III. Leipzig: B. G. Teubner, 1892–1909.

References

- Abaev 1949 — V. I. Abaev. *Osetinskiy yazyk i folklor* [Ossetic language and folklore]. Moscow; Leningrad: Press of the Academy of Sciences of the USSR, 1949.
- Abaev 1958 — V. I. Abaev. *Istoriko-etimologicheskii slovar osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetic language]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Press of the Academy of Sciences of the USSR, 1958.
- Abaev 1965 — V. I. Abaev. *Skifo-evropeyskiye izoglossy. Na styke Vostoka i Zapada* [Scythian-European isoglosses. At the junction of the East and West]. Moscow: Nauka, 1965.
- Abaev 1979a — V. I. Abaev. Skifo-sarmatskiye narechiya [Scytho-Sarmatian dialects]. V. S. Rastorgueva (ed.). *Osnovy iranskogo yazykoznaniya. Drevneiranskiye yazyki* [Fundamentals of Iranian linguistics. Ancient Iranian languages]. Moscow: Nauka, 1979. P. 272–364.
- Abaev 1979b — V. I. Abaev. *Istoriko-etimologicheskii slovar osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetic language]. Vol. 3. Leningrad: Nauka, 1979.
- Abaev 1989 — V. I. Abaev. *Istoriko-etimologicheskii slovar osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetic language]. Vol. 4. Leningrad: Nauka, 1989.
- Abaev 1995 — V. I. Abaev. *Izbrannyye trudy* [Selected works]. Vol. 2. Vladikavkaz: Ir, 1995.
- Andronikashvili 1966 — M. Andronikashvili. *Nark'vevebi iranul-kartuli enobrivi urtiertobidan* [Studies in Iranian-Georgian language contacts (in Georgian)]. Vol. 1. Tbilisi: Tbilisi University Press, 1966.
- Bailey 1979 — H. W. Bailey. *Dictionary of Khotan Saka*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
- Basharin 2018 — P. V. Basharin. [Review of:] S. V. Kullanda. Skify: yazyk i etnogenez. *Nartamonga*. 2018. Vol. 13. No. 1–2. P. 365–375. DOI: 10.31826/jlr-2017-143-409.
- Benveniste 1995 — É. Benveniste. *Slovar indoyevropeyskikh sotsialnykh terminov* [Dictionary of Indo-European social terms]. Transl. from French, Yu. S. Stepanov (ed.). Moscow: Progress-Univers, 1995.
- Bessonova 1983 — S. S. Bessonova. *Religioznye predstavleniya skifov* [Religious beliefs of the Scythians]. Kiev: Naukova dumka, 1983.
- Bielmeier 1988 — R. Bielmeier. Zum Namen der kaukasischen Iberer. P. O. Scholz, R. Stempel (Hrsgg.). *Nubia et oriens christianus: Festschrift für C. Detlef G. Müller zum 60 Geburtstag*. Köln: J. Dinter, 1988. S. 99–105.
- Cheung 2008 — J. Cheung. *Ocherki istoricheskogo razvitiya osetinskogo vokalizma* [Studies in the historical development of the Ossetic vocalism]. Transl. from English. Vladikavkaz; Tskhinval: Publishing house of V. Gassiev, 2008.
- Christol 1989 — A. Christol. *Introduction à l'ossète. I: Des Scythes aux Ossètes*. Mont-Saint Aignan: Groupe de Recherches Rouenlac, 1989.

- Cornillot 1981 — F. Cornillot. L'origine du nom des Scythes. *Indo-Iranian Journal*. 1981. Vol. 23. No. 1. P. 29–39. DOI: 10.1007/BF00974792.
- Cornillot 1994 — F. Cornillot. L'aube scythique du monde slave. *Slovo: revue du CERES (Centre d'études russes, eurasiennes et sibériennes)*. 1994. N°14. P. 77–259.
- Dovatur et al. 1982 — A. I. Dovatur, D. P. Kallistov, I. A. Shishova. *Narody nashey strany v «Istorii» Gerodota. Teksty. Perevod. Kommentariy* [Peoples of our country in the “History” of Herodotus. Texts. Translation. Commentary]. Moscow: Nauka, 1982.
- Dyakonov 1956 — I. M. Dyakonov. *Istoriya Midii* [A history of Media]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1956.
- Dybo 2010 — A. V. Dybo. [Review of:] V. S. Rastorgueva, D. I. Edelman. *Etimologicheskii slovar iranskikh yazykov*. T. III. M.: Vostochnaya literatura, 2007. Zh. Zh. Varbot (ed.). *Etimologiya 2006–2008* [Etymology 2006–2008]. Moscow: Nauka, 2010. P. 288–298.
- Dzitstsoity 2017 — Yu. A. Dzitstsoity. *Voprosy osetinskoy filologii* [Issues in Ossetic philology]. Vol. 1. Tskhinval: Respublika, 2017.
- Dzitstsoity 2018 — Yu. A. Dzitstsoity. O perekrestnykh izoglossakh v leksike i toponimii Yuzhnoy Osetii [On criss-crossing isoglosses in the vocabulary and toponymy of South Ossetia]. *Voprosy onomastiki* [Problems of onomastics]. 2018. Vol. 15. No. 3. P. 78–104.
- Dzitstsoity 2019 — Yu. A. Dzitstsoity. K etimologii etnonimov Alan i Allon [On the etymology of the ethnic names Alan and Allon]. *Voprosy onomastiki* [Problems of onomastics]. 2019. Vol. 16. No. 2. P. 232–258.
- ESIYa I — V. S. Rastorgueva, D. I. Edelman. *Etimologicheskii slovar iranskikh yazykov* [Etymological dictionary of Iranian languages]. Vol. 1. Moscow: Vostochnaya literatura, 2000.
- ESIYa III — V. S. Rastorgueva, D. I. Edelman. *Etimologicheskii slovar iranskikh yazykov* [Etymological dictionary of Iranian languages]. Vol. 3. Moscow: Vostochnaya literatura, 2007.
- ESIYa IV–VI — D. I. Edelman. *Etimologicheskii slovar iranskikh yazykov* [Etymological dictionary of Iranian languages]. Vol. 4–6. Moscow: Vostochnaya literatura, 2011–2020.
- Falileyev 2013 — A. Falileyev. Going further east: New data, new analysis. J. L. García Alonso (ed.). *Continental Celtic word formation. The onomastic data*. Salamanca: Ediciones Universidad de Salamanca, 2013. P. 85–98.
- Falileyev 2014 — A. Falileyev. *In search of the Eastern Celts. Studies in geographical names, their distribution and morphology*. Budapest: Archeolingua, 2014.
- Gamkrelidze, Ivanov 1984 — T. V. Gamkrelidze, V. V. Ivanov. *Indoyevropeyskiy yazyk i indoyevropeytsy. Rekonstruktsiya i istoriko-tipologicheskii analiz pravyazyka i protokultury* [The Indo-European Language and Indo-Europeans.

- Reconstruction and historical and typological analysis of the proto-language and proto-culture]. Vol. 1–2. Tbilisi: Press of the University of Tbilisi, 1984.
- Gershevitch 1955 — I. Gershevitch. Word and spirit in Ossetic. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1955. Vol. 17. No. 3. P. 478–489.
- Gertsenberg 1972 — L. G. Gertsenberg. *Morfologicheskaya struktura slova v drevnikh indoiranskikh yazykakh* [The morphological structure of the word in the ancient Indo-Iranian languages]. Leningrad: Nauka, 1972.
- Gnoli 2002 — G. Gnoli. *Nazvaniye alan v sasanidskikh nadpisyakh: lingvisticheskiye i istoricheskiye razmyshleniya po povodu protivopostavleniya Irana vneshnego i Irana vnutrennego* [The name of the Alans in Sasanian inscriptions: Linguistic and historical reflections on the opposition of the Outer and the Inner Iran]. Vladikavkaz: Ir, 2002.
- Grantovsky 1960 — E. A. Grantovsky. *Indo-iranskiye kasty u skifov* [Indo-Iranian castes of the Scythians]. Moscow: Vostochnaya literatura, 1960.
- Grantovsky 1970 — E. A. Grantovsky. *Rannyaya istoriya iranskikh plemen Peredney Azii* [The early history of Iranian tribes of Western Asia]. Moscow: Nauka, 1970.
- Grantovsky 1998 — E. A. Grantovsky. *Iran i irantsy do Akhemenidov. Osnovnyye problemy. Voprosy khronologii* [Iran and the Iranians before the Achaemenids. Main problems. Chronology issues]. Moscow: Vostochnaya literatura, 1998.
- Grantovsky 2006 — E. Grantovsky. Scythian ethnogenesis. The evidence of language. *Eurasia Scythica: History, Culture & Languages of Ancient Iranian Nomads of Eurasia*. 2006. Vol. 1. No. 1. P. 67–73.
- Grantovsky, Raevsky 1984 — E. A. Grantovsky, D. S. Raevsky. Ob iranoyazychnom i «indoariyskom» naselenii Severnogo Prichernomor'ya v antichnuyu epokhu [On the Iranian-speaking and “Indo-Arian” people of the Northern Black Sea region in antiquity]. L. A. Gindin (ed.). *Etnogenez narodov Balkan i Severnogo Prichernomor'ya: lingvistika, istoriya, archeologiya* [Ethnogenesis of the peoples of the Balkans and Northern Black Sea region: Linguistics, history, archeology]. Moscow: Nauka, 1984. P. 47–66.
- Harmatta 1951 — J. Harmatta. Studies in the language of the Iranian tribes in South Russia. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1951. Vol. 1. No. 2–3. P. 261–314.
- Humbach 1960 — H. Humbach. Scytho-Sarmatica. *Die Welt der Slaven*. 1960. Jg. 5. Hf. 3–4. S. 322–328.
- Harmatta 1970 — J. Harmatta. *Studies in the History and Languages of the Sarmatians*. Széged: S. n., 1970.
- Ivantchik 2002 — A. Ivantchik. Un fragment de l'épopée scythe : « le cheval de Colaxaïs » dans un partheneion d'Alcman. *Ktèma. Civilisations de l'Orient, de la Grèce et de Rome antiques*. 2002. N°27. P. 257–264.
- Ivantchik 2009 — A. I. Ivantchik. K voprosu o skifskom yazyke [On the issue of the Scythian language]. *Vestnik drevney istorii* [Bulletin of ancient history]. 2009. No. 2. P. 62–88.

- Ivanchik, Falileyev 2012 — A. Ivanchik, A. Falileyev. A Celtic dedication from Olbia? A reassessment. K. Konuk (comp.). *Stephanèphoros. De l'économie antique à l'Asie Mineure. Hommages à Raymond Descat*. Bordeaux: S. n., 2012. P. 335–340.
- Kambolov 2006 — T. T. Kambolov. *Ocherki istorii osetinskogo yazyka* [Essays on the history of the Ossetic language]. Vladikavkaz: Ir, 2006.
- Knobloch 1991 — J. Knobloch. *Homerische Helden und christliche Heilige in der kaukasischen Nartenepic*. Heidelberg: Carl Winter, 1991.
- Knobloch 1998 — J. Knobloch. Das Ossetische als Hilfe für indogermanische Rekonstruktionen. G. Gnoli (ed.). *Studia Iranica et Alanica: Festschrift for Prof. Vasilij Ivanovič Abaev on the occasion of his 95th birthday*. Rome: Istituto italiano per l'Africa e l'Oriente, 1998. P. 217–219.
- Kullanda 2006 — S. V. Kullanda. *Lingua scythica ad usum historici*. V. G. Petrenko, L. T. Yablonskiy (eds.). *Drevnosti skifskoy epokhi: Sbornik statey* [Antiquities of the Scythian time: Collection of papers]. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 2006. P. 194–209.
- Kullanda 2006 — S. Kullanda. The Scythian Language Revisited. *Eurasia Scythica. History, Culture & Languages of Ancient Iranian Nomads of Eurasia*. 2006. Vol. 1. No. 1. P. 74–81.
- Kullanda 2016 — S. V. Kullanda. *Skify: yazyk i etnogenez* [The Scyths: Language and ethnogenesis]. Moscow: Russian Fund for the Promotion of Education and Science, 2016.
- Littleton 1982 — S. C. Littleton. *The new comparative mythology: An anthropological assessment of the theories of Georges Dumézil*. 3rd edn. Berkeley; Los Angeles, London: University of California Press, 1982.
- Lubotsky 1998 — A. M. Lubotsky. Avestan *x^varənah-*: The etymology and concept. W. Meid (ed.). *Sprache und Kultur. Akten der X. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft. Innsbruck, 22.–28. September 1996*. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1998. S. 479–488.
- Lubotsky 2002 — A. Lubotsky. Scythian elements in Old Iranian. N. Sims-Williams (ed.). *Indo-Iranian languages and peoples*. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 189–202. DOI: 10.5871/bacad/9780197262856.003.0009.
- Lytkin, Gulyaev 1999 — V. I. Lytkin, E. S. Gulyaev. *Kratkiy etimologicheskii slovar komi yazyka* [A short etymological dictionary of the Komi language]. 2nd edn. Syktyvkar: Komi Book Publishing, 1999.
- Nikolayev, Starostin 1994 — S. L. Nikolayev, S. A. Starostin. *A North Caucasian etymological dictionary*. Moscow: Asterisk Publishers, 1994.
- Oranskiy 1988 — I. M. Oranskiy. *Vvedeniye v iranskuyu filologiyu* [Introduction to Iranian philology]. 2nd edn. Moscow: Nauka, 1988.
- Puhvel 1987 — J. Puhvel. *Comparative mythology*. Baltimore; London: The Johns Hopkins University Press, 1987.
- Raevsky 1977 — D. S. Raevsky. *Ocherki ideologii skifo-sakskikh plemen* [Essays on the ideology of Scythian and Saka tribes]. Moscow: Nauka, 1977.

- Raevsky 1985 — D. S. Raevsky. *Model mira skifskoy kultury* [The model of the world in Scythian culture]. Moscow: Nauka, 1985.
- Schmitt 2018 — R. Schmitt. Die Sprache der Skythen. *Nartamongæ*. 2018. Vol. 13. No. 1–2. P. 77–86. DOI: 10.23671/VNC.2018.1-2.37869.
- Schramm 1997 — G. Schramm. *Reki Severnogo Prichernomor'ya. Istoriko-filologicheskoye issledovaniye ikh nazvaniy v rannikh vekakh* [Rivers of the Northern Black Sea region. A historical and philological study of their names in the early centuries]. Transl. from German. Moscow: Eastern Communications, 1997.
- Shaposhnikov 2007 — A. K. Shaposhnikov. Sarmatskiye i turanskiye yazykovyye relikt'y Severnogo Prichernomor'ya [Sarmatian and Turanian linguistic relics of the Northern Black Sea region]. Zh. Zh. Varbot (ed.). *Etimologiya 2003–2005* [Etymology 2003–2005]. Moscow: Nauka, 2007. P. 255–322.
- Shaposhnikov 2010 — A. K. Shaposhnikov. Yazykovyye relikt'y khet'skogo vida v Severnom Prichernomor'ye [Linguistic relics of the Hittite type in the Northern Black Sea region]. Zh. Zh. Varbot (ed.). *Etimologiya 2006–2008* [Etymology 2006–2008]. Moscow: Nauka, 2010. P. 227–252.
- Shaposhnikov 2012 — A. K. Shaposhnikov. Yazykovyye relikt'y frakiyskogo oblika v Severnom Prichernomor'ye [Linguistic relics of the Thracian type in the Northern Black Sea region]. Zh. Zh. Varbot (ed.). *Etimologiya 2009–2011* [Etymology 2009–2011]. Moscow: Nauka, 2012. P. 252–308.
- Szemerényi 1980 — O. Szemerényi. *Four old Iranian ethnic names: Scythian–Skudra–Sogdian–Saka*. Wien: Verlag der Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1980.
- Tokhtasyev 2005a — S. R. Tokhtasyev. Sauromatae–Sarmatae–Syrmatiae. S. D. Kryzhitskiy (ed.). *Khersonesskiy sbornik. Vyp. XIV. Pamyati Mirona Ilich Zolotareva* [A Chersonesus collection. Iss. 14. In memory of Miron Ilich Zolotarev]. Sevastopol: Maksim, 2005. P. 291–306.
- Tokhtasyev 2005b — S. R. Tokhtasyev. Problemy skifskogo yazyka v sovremennoy nauke [Issues of the Scythian language in modern science]. V. Cojocaru (ed.). *Ethnic contacts and cultural exchanges north and west of the Black Sea from the Greek colonization to the Ottoman conquest*. Iași: Trinitas, 2005. P. 59–108.
- Tokhtasyev 2013 — S. R. Tokhtasyev. Iranskiye imena v nadpisyakh Olvii I–III vv. n. e. [Iranian personal names from inscriptions of Olbia from 1–3 cc. AD]. *Commentationes Iranicae. Sbornik statey k 90-letiyu Vladimira Aronovicha Livshitsa* [A collection of papers on the 90th anniversary of Vladimir Aronovich Livshits]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2013. P. 565–607.
- Tokhtasyev 2015 — S. R. Tokhtasyev. *Iz onomastiki Severnogo Prichernomor'ya*. XXII. *Neskolko skifskikh i sarmatskikh imen* [From the onomastics of the Northern Black Sea region. XXII. Some Scythian and Sarmatian names]. N. N. Kazansky (ed.). *Indoeyropeyskoye yazykoznanie i klassicheskaya filologiya—XIX. Materialy chteniy, posvyashchennykh pamyati profes-*

- sora Iosifa Moiseyevicha Tronskogo* [Indo-European linguistics and classical philology—XIX. Proceedings from the conference in memory of Prof. Iosif Moiseyevich Tronskiy]. St. Petersburg: Nauka, 2015. P. 890–898.
- Trubachev 1979 — O. N. Trubachev. «Staraya Skifiya» (Ἀρχαία Σκυθία) Gerodota (IV, 99) i slavyane. Lingvisticheskiy aspekt [“Old Scythia” (Ἀρχαία Σκυθία) of Herodotus (IV, 99) and the Slavs. A linguistic aspect]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the study of language]. 1979. No. 4. P. 29–45.
- Tsabolov 1999 — R. L. Tsabolov. *Osetinskiye etimologii (II)* [Ossetian etymologies (II)]. B. Ya. Ostrovskiy (ed.). *Issledovaniya po iranskoy filologii. Vyp. 2* [Studies in Iranian philology. Iss. 2]. Moscow: Institute of Asian and African Studies of the Moscow State University, 1999. P. 146–152.
- Vasmer 1923 — M. Vasmer. *Die Iranier in Südrussland*. Leipzig: Markert & Peters, 1923.
- Vasmer 1987 — M. Vasmer. *Etimologicheskii slovar russkogo yazyka* [An etymological dictionary of Russian]. Vol. 3. Transl. from German and additions by O. N. Trubachev. Moscow: Progress, 1987.
- Witchak 1992 — K. T. Witchak. Skifskiy yazyk: opyt opisaniya [The Scythian language: A descriptive study]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the study of language]. 1992. No. 5. P. 50–59.
- Witczak 2023 — K. T. Witczak. Scytyjskie zoonimy w leksykonie Hesychiosa. *Prace językoznawcze*. 2023. T. 25. Nr. 1. S. 91–107. DOI 10.31648/pj.8712.
- Zeuss 1837 — K. Zeuss. *Die Deutschen und die Nachbarstämme*. München: Bei Ignaz Joseph Lentner, 1837.
- Zgusta 1955 — L. Zgusta. *Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste: die ethnischen Verhältnis der Skythen und Sarmaten, im Lichte der Namenforschung*. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1955.

Получено/received 23.02.2025

Принято/accepted 05.08.2025

[Review of:] **Mohammad Dabir-Moghaddam. *Typology of Iranian languages*. 2nd edn. Tehran: SAMT, 2023. xl+1152 pp. ISBN: 9786000231392.**

Roohollah Mofidi

Ruhr-Universität Bochum (Bochum, Germany);

Roohollah.Mofidi@edu.ruhr-uni-bochum.de;

ORCID: 0000-0002-9966-0580

For citation: Mofidi R. [Review of:] Mohammad Dabir-Moghaddam. Typology of Iranian languages. 2nd edn. Tehran: SAMT, 2023. *Indo-Iranian Languages*. 2026. 2 (1). P. 198–211.

DOI: 10.30842/30346800.2026.2.1.9

Рухолла Мофиди

Пурский университет в Бохуме (Бохум, Германия);

Roohollah.Mofidi@edu.ruhr-uni-bochum.de;

ORCID: 0000-0002-9966-0580

Для цитирования: Mofidi R. [Review of:] Mohammad Dabir-Moghaddam. Typology of Iranian languages. 2nd edn. Tehran: SAMT, 2023. *Indo-Iranian Languages*. 2026. 2 (1). P. 198–211.

DOI: 10.30842/30346800.2026.2.1.9

“Typology of Iranian Languages” (xl+1152 pages, organized into 15 chapters) is a substantial contribution that presents data and analyses of 12 Modern West Iranian languages (including Balochi, Davani, Larestani, Talyshi, Vafsi, Kurdish, Hawrami, Laki, Delvari, Naini, Shahmirzadi, and Tati) in typological comparison with Persian (encompassing Old, Middle, and New Persian). The book addresses two major issues in these languages, namely word order (or constituent order) and agreement (or indexing), as well as case-marking in those languages that have

grammaticalized it. The original data derive from a 50-page questionnaire that has been designed by the author to collect the required information regarding the morphological and syntactic features of the investigated languages, while it also included sections on phonetic, phonological, and lexical characteristics, along with certain discourse structures. For each language (or for each investigated variety of the languages), most commonly two native speakers answered the questions of the questionnaire in elicitation sessions, and the sessions were recorded and transcribed by the author. The transcribed data were subsequently checked with the speakers in several in-person sessions. In addition, the author draws on the authentic published examples and texts from these languages.

The first major issue in the book, i.e. **word order**, is discussed based on 24 structural features adopted from Dryer [1992] and the updated database website of this paper (p. 108).¹ These features have been examined for each of the 12 investigated languages, as well as Old, Middle, and New Persian, presenting the results in tables in each chapter. These tables compare the attested patterns of the Iranian languages with the languages of the same area, i.e. Eurasia, and then, with the languages of the world, therefore, providing two distinct tables for each language. In the concluding chapter of the book, the author summarizes the position of Iranian languages among the languages of Eurasia in a table (p. 1075), presented here as Table 1. It suggests that Persian, Balochi, Davani, Larestani, Vafsi, Kurdish, Hawrami, Laki, Delvari, and Naini have grammaticalized higher correlation with the strong VO languages concerning the typological features of word order. This means that these Iranian languages have grammaticalized more word order features characteristic of strong VO languages, such as prepositions (i.e. the sequence of P+NP) and postmodifying nominal dependents (i.e. N+Genitive). Among these languages, Kurdish and Laki are more correlated with the strong VO order. In contrast, Talyshi, Shahmirzadi, and Tati exhibit more tendency towards strong OV languages, which may be exemplified by features such as postpositions (i.e. NP+P) and premodifying nominal dependents (i.e. Genitive+N). The author concludes that New Iranian languages are basically in an **intermediate** position between the prototypical strong VO and prototypical strong OV languages.

¹ I could not find any citation for this website in the book.

Table 1. New Iranian languages compared to the languages of Eurasia²

Language	Correlation with strong OV order	Correlation with strong VO order
Persian	12	17
Balochi	14 (Arbaban), 15 (Balochan)	19 (Arbaban), 19 (Balochan)
Davani	12	17
Larestani	12	16
Talyshi	17 (Anbaranbala ³)	16 (Anbaranbala)
Vafsi	14	17
Kurdish	12 (Banei, Sanandaji), 11 (Kalhori, Kermashani)	18 (Banei, Sanandaji), 16 (Kalhori), 17 (Kermashani)
Hawrami	13	17
Laki	11	17
Delvari	12	16
Naini	12	16
Shahmirzadi	17	16
Tati	16 (Chali/Shali in Takestan)	15 (Chali/Shali in Takestan)

Furthermore, the author presents a table (p. 1076) to compare the typological characteristics of New Iranian languages with the languages of the world. These findings confirm the correlations proposed by the above Table 1, with a difference in the status of Tati. This language is situated precisely between the two OV and VO languages, in contrast to its tendency towards OV languages in Table 1. On the other hand, a number of the investigated languages, namely Balochi, Talyshi, Vafsi, Shahmirzadi, and Tati, exhibit higher correlation with the weak verb-final languages in the Eurasian region. Nonetheless, the generalization is that all of the Iranian languages listed in Table 1 have grammaticalized a lot of VO features. This means that **all of these languages have a strong verb-middle (VO) tendency**. Moreover, none of these languages have grammaticalized a larger number of the weak VO order features than the strong VO order features. These

² The cells of the table provide the number of grammaticalized features, and the parentheses indicate the particular language varieties that have been investigated.

³ This village is located in the Gilan province (Iran), near the border of the Republic of Azerbaijan.

conclusions based on the areal samples in Eurasia are also verified when the investigated languages are compared to the languages of the world.

The above discussion is complemented with a list of 15 shared and 9 unshared word order features among the investigated Iranian languages, presented below as Table 2 (combining two original tables on pp. 1080–1081).

Table 2. The list of shared and unshared features of word order among New Iranian languages

Shared features	Head noun & Relative clause, Verb & Manner adverb, Copula & Complement, <i>xastan</i> [and equivalent verbs] & Subordinate clause verb, Demonstrative & Noun, Quantity adverb [=Intensifier] & Adjective, Question particle <i>aya</i> (if it exists) & Complement sentence, Subordinator/Conjunctive of adverbial clause & Complement clause, ⁴ Verb & Subject, Number & Noun, Main verb & Auxiliary verb(s) of ‘ability’, Complementizer (if it exists) & Subordinate clause, ⁵ Wh-movement, Object & Verb, Negative affix & Verbal root
Unshared features	Adposition type, Noun & Genitive, Adjective & Standard of comparison, Verb & Adpositional phrase, Noun & Adjective, Main verb & Tense-aspect auxiliary verb, Determiner & Noun, Tense-aspect affix & Verbal root, Noun & Possessive free morpheme

Subsequently, the author refers to two theoretical implications of the reported word order statistics. As the first implication, he contends that these data-driven and empirical pieces of evidence are incompatible with the binary and parametric approach of formalist theories, as they failed to provide an explanation for the characteristics of word order in the New Iranian languages. The second implication is that typological characteristics of New Iranian languages demonstrate that the **intermediate type** exists as a distinct type of word order as well, and this type should not be regarded merely as a temporary and transitional stage between the stages of being head-initial and head-final languages. In order to substantiate this claim, the author turns to word order characteristics of Old and Middle

⁴ E.g., Persian *hængam-i ke u ræft* (time-INDF that (s)he go.PST.3SG) ‘when (s)he went’ (p. 115).

⁵ E.g., Persian *mæn mi-dan-æm ke [u dærsxan æst]* (I IPFV-know-1SG that (s)he studious be.PRS.3SG) ‘I know that (s)he is studious’ (p. 116).

Persian. Table 3 combines the original tables (pp. 122, 125) and the accompanying explanation regarding the issue.

Table 3. The features of word order in Old and Middle Persian

	Old Persian	Middle Persian
Features of OV type	2 features: • SOV • Complement & Copula	2 features: • SOV • Complement & Copula
Features of VO type	5 features: • 18 prepositions; 2 pre-/postpositions;⁶ 2 postpositions • Head noun & Relative clause • Subordinator & Complement • Complementizer & Subordinate clause • <i>xastan</i> & Subordinate clause verb	3 features: • Head noun & Relative clause • Subordinator & Complement • Complementizer & Subordinate clause
Shared features of OV & VO types	4 features: • Genitive & Noun, Noun & Genitive (with <i>hya</i> between them) • Demonstrative & Noun • Number & Noun • Adjective & Noun, Noun & Adjective (with <i>hya</i> between them)	5 features: • Genitive & Noun, Noun & Genitive (with <i>ī</i> between them) • 24 prepositions, many of them used as postpositions as well; 1 postposition; 4 circumpositions⁷ • Demonstrative & Noun • Number & Noun • Adjective & Noun, Noun & Adjective (with <i>ī</i> between them)

⁶ In Old Persian, *patiy* and *ā* were prepositions that were employed as postpositions as well.

⁷ The comparison of Adposition & Noun order in Old and Contemporary Persian reveals further typological shift from the OV to VO type, since, as noted by the author (p. 122), the two Old Persian postpositions have reduced to one (i.e. *ra*) and the two

From these generalizations about Old and Middle Persian in relation to his aforementioned characterization of New Persian, the author concludes that **Persian has not ever been a totally head-initial or head-final language throughout its documented history, i.e. in the Old, Middle, and New periods.** Rather, this language has always exhibited intermediate typological characteristics, i.e. mixed features, regarding word order. I infer from the author's discussion that he does not reject the transitional analysis entirely. Instead, he emphasizes the observation that, in a diachronic perspective, Persian has always had, and still has, both the OV- and VO-type behavior, which is in contradiction to the parametric analysis of languages. The main question is that "if we were to interpret those intermediate and mixed features as signs of a change in the word order (which is of course undoubtedly the case),⁸ how can this gradual and slow change be explained by the positive or negative values of parameters? In other words, based on a parametric perspective, which has [only] two positive and negative values, can the transition stage between two types last for more than 2500 years?"⁹ (p. 1087). The author concludes from the discussion that the intermediate/mixed type should be viewed as a distinct type, considering this finding a significant theoretical achievement for typology (as an approach in linguistic studies) by the typological investigation of word order in Iranian languages.

At this point of the discussion, the author poses a question: how has the intermediate/mixed type developed, and which factors contribute to its emergence? He refers to a number of analyses from previous publications, which address this issue. An important study that he introduces in the rel-

Old Persian pre-/postpositions have vanished entirely. Moreover, the author describes the occurrence of pre-/postpositions and circumpositional phrases in Classical Persian (pp. 126–127), whose disappearance is evidently in line with the aforementioned further shift towards the VO type. However, an issue that still needs to be addressed is the stronger OV tendency of Middle and Classical Persian regarding the Adposition & Noun order in comparison to Old Persian, as partly evidenced by Table 3. This initial shift towards the OV type and the subsequent shift towards the VO type do not signify a unidirectional typological change, necessitating an explanation.

⁸ This parenthetical phrasing is rather ambiguous. A more explicit statement from the author would be desirable whether or not he believes in an ongoing process of transition in the word order typology of Persian, both diachronically and synchronically (in Contemporary Persian).

⁹ Translated into English by the reviewer.

evant section is Friedrich [1975], which analyses different tendencies in the word order of Old Avestan (i.e. Gatha) and Late Avestan. According to this study, Old Avestan had an SOV word order together with prepositions, and as a consequence of a typological change documented by Late Avestan texts, the frequency of verb-middle variables increased in this language, while the verb remained in the sentence-final position.¹⁰ Friedrich [Ibid.] argues that this typological change was triggered by Akkadian, Aramaic, and Greek, assuming it to be an instance of language contact and syntactic borrowing, which has resulted in areal linguistic convergence, i.e. **Sprachbund**.¹¹ Furthermore, Dabir-Moghaddam refers to Hickey's [2002] analysis of the typological behavior of Irish (with VSO word order and post-modifier adjectives and genitives), along with the proposed hypothesis in other studies regarding the impact of Atlantic languages (particularly the Semitic ones)¹² as the substrate layer on Irish as the superstratum. Dabir-Moghaddam's inference is that Hickey emphasizes the role of language-internal structural variation in the situations of language contact. According to this inference, every language features various structural choices and possibilities that might become the dominant choice due to the influence of other languages. In other words, in a contact situation, the frequency of marked structures may increase, so that they transform into unmarked structures, and conversely, earlier unmarked structures may become marked. This means that language-internal and language-external factors may both contribute to a particular change (p. 95).

Based on the above-mentioned reports of the mixed word order in certain languages, Dabir-Moghaddam's own analysis is that Elamite had

¹⁰ It seems that the author uses the term "verb-middle variables" to refer to the features of VO type, such as P+NP and N+Genitive. In many Iranian languages, these head-initial features are attested in several types of phrases (e.g., NP and PP), while the verb phrase encompasses the sequence of object+verb, which is a head-final feature.

¹¹ According to Friedrich [1975], Akkadian had similar uncommon and non-homogeneous typological features at the same time period as Avestan.

¹² Hicky [2002] adopts the term "Atlantic languages" from Vennemann (possibly [1994]), who believes that this language family is genetically related to the Afroasiatic family, particularly Semitic languages. Vennemann refers to the substrate layer as "a Semitic language" (p. 1093). However, upon reviewing the literature on this topic, we notice that "the substratum hypothesis" for Celtic languages is controversial. The critics of this hypothesis propose typological explanations for the structural similarities of Celtic and Semitic (cf. [Hewitt 2009] for the proponents and critics of the substratum hypothesis).

a very considerable impact in making the Iranian languages mixed and non-homogeneous typologically. Prior to the arrival of Iranian-speaking peoples in the late second millennium BC, Elamite was spoken by the native populations of parts of the land that would later be called “Iran”. These natives, being suppressed by the Achaemenids (as evidenced in some Achaemenids’ inscriptions that blame the Elamites’ religious beliefs), eventually abandoned their language and became speakers of Old Persian. Nonetheless, despite this language shift, Elamite as the substrate exerted influence on Old Persian syntax, which copied certain Elamite structures. As stated in [Hawkins 1983], Elamite was an SOV and postpositional language, with adjectives and genitives appearing after nouns. Dabir-Moghaddam does not advance the discussion to address the origin of the mixed typology in Elamite, though mentions of the mixed typology of Akkadian in other sections of the book may serve as a reference point for further discussion. Apparently, an extensive examination is still necessary to ascertain the reasons behind the mixed typological behavior of Elamite and to determine if any word order variation is evidenced in the extant Elamite texts, which could have potentially been influenced by language contact between Elamite and other languages. In other words, it is possible that the mixed word order of Elamite had in turn been produced by contact relations between this language and ones that already featured a mixed word order or those with consistent word order characteristics that clashed with that of Elamite.

The second major issue in the book is the **agreement systems** of the 12 investigated languages. The author has demonstrated that, among these languages, only Persian, Shahmirzadi, the Balochi of Zabol (i.e. Sistani Balochi), certain varieties of Southern Kurdish (including Kalhori Kurdish and Kermanshahi/Kermashani Kurdish) are consistently **nominative-accusative** in their agreement system. He adds Lori, Gilaki, and Mazandarani to this list as well, which have not been examined in the book.¹³ The other investigated New Iranian languages, namely the Balochi of Iranshahr, Davani, Larestani, Talyshi, Vafsi, Central Kurdish (Sanandaji

¹³ He reports to have collected and analyzed data on the word order and agreement features in these three languages that will be published later. Additionally, the data from three other New Iranian languages, namely Joshaghani (spoken near Kashan), Raji (from the Central Province in Iran), and Minabi (in the Hormozgan Province), have been collected by the author by means of the same questionnaire (p. 1102).

and Banei), Hawrami, Laki, Delvari, Naini, and Tati, have a **split agreement system**. In this group, for the S-arguments (i.e. subjects of intransitive verbs) in both present and past tenses and the A-arguments (i.e. subjects of transitive verbs) in the present tense, agreement suffixes appear on the verb, reflecting the person and number of the subject. In other words, in these contexts, all of the subjects, i.e. A and S, are treated identically with regard to agreement, which represents a nominative-accusative agreement system. In contrast, in the past tense, the A-argument is indexed by means of pronominal clitics used as oblique markers. In summary, all languages within the split agreement group exhibit a **non-nominative-accusative** agreement system for transitive verbs in the past tense, contrasting with their nominative-accusative agreement system for transitive verbs in the present tense and for all of intransitive verbs. The term “non-nominative-accusative” is a cover term for at least three systems, namely **ergative-absolutive**, **tripartite**, and **bipartite**.¹⁴

The author’s descriptions and generalizations throughout the book address the details of the above-mentioned agreement systems. According to these accounts, the split system languages have grammaticalized one or more of the following types for their transitive verbs in the past tense: 1) ergative-absolutive, with S and P grouped together vs. A; 2) tripartite, with S, P, and A grouped separately; and 3) bipartite, with A and P grouped together vs. S.¹⁵ The author reminds that the term “bipartite” is proposed by him in this contribution, while Comrie [1978] refrains from suggesting a label for this type¹⁶ due to its non-existence or its attestation solely in the last phases of a transition from the ergative-absolutive alignment to the nominative-accusative. In the bipartite type, both A and P are indexed by oblique clitics, hence called “double oblique system” by Payne [1980]. A good example of the this type is provided by the Kurdish of Sanandaj,

¹⁴ Dabir-Moghaddam (p. 41) asserts that the majority of New Iranian languages have been “inaccurately” or “conveniently” called ergative languages, citing his 2012 paper: “[I]t will be an oversimplification to label any tense-sensitive Iranian language as Split-Ergative” [Dabir-Moghaddam 2012: 69].

¹⁵ The distinction between these three types is closely related to the phenomena of object-marking and object-indexing by case and agreement markers, respectively. These two phenomena have been examined in detail by Dabir-Moghaddam.

¹⁶ Dabir-Moghaddam notes that Comrie [2016] called this type “horizontal alignment” in his account of case-marking in the Iranian language Roshani (spoken in Pamir).

in which the relevant structure is very productive and frequent, displaying no sign of a transition stage.¹⁷ This observation is particularly in contradiction with Comrie's assumption about this type, and also challenges Croft's [2003] analysis, who argues that the unattested status of this type is due to its contradiction with the **semantic map connectivity hypothesis**.¹⁸ Dabir-Moghaddam assumes the attestation of this type to be an important accomplishment achieved by the studies of Iranian languages. Moreover, he identifies another consequence of the concurrent attestation of more than one agreement system within a language. He posits that this observation may necessitate adjustments to our comprehension of "the real type" of languages, in addition to providing us with a better grasp of the typological changes in the history of Persian.¹⁹

As a general statement about all of the New Iranian languages spoken in Iran, the author posits that the agreement system is a fundamental mechanism in the syntax of these languages. However, some of them have

¹⁷ Based on the Kurdish data from his investigation and the previous studies, the author identifies four distinct varieties of this language that lack mutual intelligibility with each other: 1) Kurmanji Kurdish (from the Southern Kurdish branch), with split case-marking (nominative-accusative vs. ergative-absolutive), lacking clitic agreement system; 2) the Kurdish of Suleimaniyeh (from the Central Kurdish branch), with split agreement system (nominative-accusative vs. non-nominative-accusative, the latter including bipartite, tripartite, and ergative-absolutive alignments), lacking any case-marking; 3) the Kurdish of Sanandaj (from the Central Kurdish branch), with split agreement system (nominative-accusative vs. non-nominative-accusative, the latter including bipartite, tripartite, and ergative-absolutive alignments), lacking any case-marking; and 4) Southern Kurdish (including Kalhori, Kermashani, and Ilami), with nominative-accusative agreement system, lacking any case-marking.

¹⁸ According to this analysis, "[t]he conceptual categories defined by S, A and P are points in the conceptual space. ⟨...⟩ they are regions in conceptual space that represent each participant role cluster. The links between S and A and S and P represent linguistically motivated links between those conceptual categories. ⟨...⟩ The one unattested type is the one in which one category subsumes A and P, and another S. This type would violate the Semantic Map Connectivity Hypothesis with respect to the conceptual space ⟨...⟩ because there is no direct link between A and P" [Croft 2003: 144–146]; also cf. Dabir-Moghaddam (pp. 732–733).

¹⁹ For instance, Dabir-Moghaddam (pp. 130–135) refers to a significant morphological change that accompanied word order changes in Persian throughout its history. He presents seven arguments in support of the idea that Persian experienced a shift from an inflectional language to an analytical one during its transition from the Old to Middle period, and this tendency continued into the Classical period as well.

grammaticalized a case-marking mechanism as well, such as Kurmanji Kurdish,²⁰ the Talyshi of the Anbaranbala village (from the Northern branch), and the Tati of Chal. Kurmanji has split case-marking, i.e. nominative-accusative and ergative-absolutive, while it has lost clitic agreement markers, and it uses person-number suffixes in its agreement system. Dabir-Moghaddam's section on this variety is very brief, primarily summarizing previous studies such as [Haig 1998] and [Mackenzie 1961], though in a three-page footnote he presents a description of case and agreement in the Kurmanji of Bojnurd, Khorasan (pp. 726–731). Moreover, the investigated variety of Talyshi resembles Kurmanji in having split case-marking. It features nominative-accusative marking in the present tense and ergative-absolutive marking in the past tense. Similarly, the split case-marking is attested in the Tati of Chal, with a nominative-accusative system in the present tense but a tripartite one in the past. In addition to the aforementioned languages, the author has observed three ways of case-marking in Vafsi, namely 1) a morpheme that marks the oblique case, distinguishing it from the zero-marked direct case, while simultaneously conveying gender information through fused allomorphs, 2) free-standing person-number pronouns for distinguishing direct and oblique cases, and 3) two interrogative words for the same case distinction.

Finally, two further considerations in relation to the issue of agreement-marking have been addressed in detail:

The first one is the structural distribution of pronominal clitics that index the A-argument in the past tense. The author proposes three syntactic domains for these elements in New Iranian languages: 1) the entire clause (known as “Wackernagel's Law”), as evidenced in Davani and Delvari, where the clitic occupies the second position; 2) the verb phrase, as observed in the majority of the languages examined, including the Balochi of Iran-shahr, Vafsi, the Central Kurdish (Sanandaji and Bane), Hawrami, Laki, Naini, Talyshi (Anbaranbala), and Tati, where the clitic is hosted by the first constituent of the verb phrase; and 3) the verb (along with the preceding prepositional phrase, if present in the verbal expression), as in Larestani, where the agreement markers are procliticized to the verb or its prepositional phrase.

²⁰ The author reports that he has not attested case-marking in the Kurdish varieties Bane, Sanandaji, Kalhori, and Kermashani (p. 688).

Furthermore, the author correctly highlights the flexibility of pronominal clitics in selecting their hosts, referring to them as “floating” elements (p. 1106). For example, in each syntactic domain, the clitic may attach to a constituent other than the first one due to specific reasons. The author posits that, in the structures containing scrambled elements, the **preposed** constituent in each domain will host the subject agreement clitic, though pragmatic or information structure considerations may relocate the clitic to alternative hosts that are not positioned initially in the structure. In other words, the floating of clitics is a mechanism that allows for the selection of a host other than the initial one inside a pertinent syntactic domain in order to turn an unmarked structure into a marked one.²¹

The second final consideration regarding agreement is the development of ergative alignment in Middle Iranian languages. After providing a detailed review of five hypotheses about the origin of this structure from prior studies (cf. also [Dabir-Moghaddam 2018: 12–20]), the author presents his own explanation concerning this controversial issue. He argues that in Old Persian there was a stative construction denoting the core concept of ‘to exist’, with an oblique/non-canonical subject, and this construction was productively used with the participial forms of transitive verbs as a result of an **analogical extension**. In this analogy process, the feature of having a particular type of subject (i.e. oblique/non-canonical subject) was extended from a stative construction to a large class of participles. These participles shared the feature of [+stative] with the original stative construction due to being essentially adjectives. Therefore, the author assumes that Old Persian had split case-marking and agreement systems,²² with the ergative-absolutive alignment being restricted to the participial forms of transitive verbs, contrasting with the nominative-absolutive alignment of the finite past tense forms of transitive verbs.²³ This means that

²¹ It can be added to the author’s explanation that, in some marked instances, the preposed element may occupy a peripheral structural position, placed outside the pertinent syntactic domain.

²² Dabir-Moghaddam (pp. 220–221) views Yaghnobi and its split case-marking and agreement systems as contemporary evidence for how these split systems functioned in Old Persian.

²³ My inference is that the author assigns the nominative-accusative alignment to the entire verbal system, except transitive participles; however, this is not explicitly stated by him.

the ergative construction already existed in Old Persian, and it emerged as an epiphenomenal consequence of an extension process. Subsequently, in the transition from the Old to Middle period, the transitive participial forms (i.e. the forms ending in *-ta*) were reanalyzed as past tense stems, and this reanalysis accounts for the restriction of ergative construction to the past tense in the Middle period. Furthermore, the fact that the ergative construction has been documented in both West and East Iranian languages of the Middle period reinforces the hypothesis that the previously described stative construction also existed in Old Iranian or Proto-Iranian. The author concludes that the emergence of ergative construction in Iranian languages has been a language-internal change.

In an overview, Dabir-Moghaddam's study advances the application of typological methods and categorizations to Iranian languages, contributing to both our knowledge of these languages and theoretical issues of typology. These are the primary benefits of this contribution. In addition, the discussions throughout the book facilitate predictions regarding specific aspects of potential changes in Iranian languages, especially at junctures where the author highlights their structural disparities with Persian, the prestigious dominant language. However, the data collected by him apparently date back to 15 to 25 years ago, with an average of two speakers participating in the interviews for each language or variety. Further fieldwork data with increased participation of native speakers may uncover more details and characteristics of Iranian languages concerning case, agreement, and word order, particularly the intermediate structures and contact-induced changes in these systems. Moreover, the results obtained by Dabir-Moghaddam and other studies in this field can be represented on regional maps, aiming to reveal possible contact relationships among the New Iranian languages and with non-Iranian languages that are currently or were historically spoken in each region. These maps may provide insights into the diachronic patterns of change in relation to the regions and the degree of isolation and conservatism experienced by each language throughout its history.

Abbreviations

INDF — indefinite; IPFV — imperfective; PRS — present tense; PST — past tense; SG — singular.

References

- Comrie 1978 — B. Comrie. Ergativity. W. P. Lehmann (ed.). *Syntactic typology: Studies in the phenomenology of language*. Austin: University of Texas Press, 1978. P. 329–394.
- Comrie 2016 — B. Comrie. Ergativity in Iranian languages: A typological perspective. J. Ghomeshi, C. Jahani, A. Lenepveu-Hotz (eds.). *Further topics in Iranian linguistics. Proceedings of the 5th International Conference on Iranian Linguistics, held in Bamberg on 24–26 August 2013*. Paris: Association pour l'avancement des études iraniennes, 2016. P. 37–53.
- Croft 2003 — W. Croft. *Typology and universals*. 2nd edn. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. DOI: 10.1017/CBO9780511840579.
- Dabir-Moghaddam 2012 — M. Dabir-Moghaddam. Linguistic typology: An Iranian perspective. *Journal of Universal Language*. 2012. Vol. 13. No. 1. P. 31–70. DOI: 10.22425/jul.2012.13.1.31.
- Dabir-Moghaddam 2018 — M. Dabir-Moghaddam. Non-canonical subject construction in endangered Iranian languages: Further investigation into the debates on the genesis of ergativity. S. Gholami (ed.). *Endangered Iranian languages*. Wiesbaden: Ludwig Reichert Verlag, 2018. P. 9–40.
- Dryer 1992 — M. Dryer. The Greenbergian word order correlations. *Language*. 1992. Vol. 68. P. 81–138.
- Friedrich 1975 — P. Friedrich. *Proto-Indo-European syntax: The order of meaningful elements*. Butte: Montana College of Mineral Science and Technology, 1975.
- Haig 1998 — G. Haig. On the interaction of morphological and syntactic ergativity: Lessons from Kurdish. *Lingua*. 1998. Vol. 105. P. 149–173. DOI: 10.1016/S0024-3841(98)00014-X.
- Hawkins 1983 — J. A. Hawkins. *Word order universals*. New York: Academic Press, 1983.
- Hewitt 2009 — S. Hewitt. The question of a Hamito-Semitic substratum in Insular Celtic. *Language and Linguistics Compass*. 2009. Vol. 3. No. 4. P. 972–995. DOI: 10.1111/j.1749-818x.2009.00141.x.
- Hickey 2002 — R. Hickey. Internal and external forces again: Changes in word order in Old English and Old Irish. *Language Sciences*. 2002. Vol. 24. P. 261–283. DOI: 10.1016/S0388-0001(01)00033-X.
- Mackenzie 1961 — D. N. Mackenzie. The origins of Kurdish. *Transactions of the Philological Society*. 1961. Vol. 60. Iss. 1. P. 68–86.
- Payne 1980 — J. R. Payne. The decay of ergativity in Pamir languages. *Lingua*. 1980. Vol. 57. P. 147–186. DOI: 10.1016/0024-3841(80)90005-4.
- Vennemann 1994 — T. Vennemann. Linguistic reconstruction in the context of European prehistory. *Transactions of the Philological Society*. 1994. Vol. 92. No. 2. P. 215–284. DOI: 10.1111/j.1467-968x.1994.tb00432.x.

Научное издание

Индоиранские языки. 2026. — Том 2. № 1. — 212 с.

Подготовка оригинал-макета

О. В. Шакиров

Корректор

В. В. Салий

Распространяется бесплатно

Институт лингвистических исследований РАН

199053, Санкт-Петербург, Тучков переулок, 9

info@iling.spb.ru <https://iling.spb.ru>

Подписано в печать 01.04.2026. Формат 60×90/16.

Усл.-печ. л. 13,25. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии «Поликона» (ИП А. М. Коновалов)

190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134

Тираж напечатан 15.04.2026

Материалы журнала доступны в электронном виде по ссылке:

<https://indo-iranian.org/iil/issue/archive>